

Экономические и гуманитарные исследования регионов

4/2026

Economical and humanitarical researches of the regions

4/2026

*Регистрационный номер ПИ ФС 77-39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
номер в каталоге Пресса России 37137
ISSN 2079-1968
научно-теоретический журнал*

№4 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Несмеянов Е.Е. – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный работник Министерства образования Российской Федерации, заведующий кафедрой философии и мировых религий (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Говердовская Е.В. – заместитель главного редактора, доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по непрерывному образованию (Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Пятигорск);

Абидова З.К. – доктор философии, заведующий кафедрой «Общественные науки», (Урченчский филиал Ташкентской медицинской академии, г. Ургенч);

Акаев В.Х. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, г. Грозный);

Алисултанова Э.Д. – доктор педагогических наук, профессор, директор Института прикладных информационных технологий, (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова», г. Грозный);

Арябкина И.В. – доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», г. Ульяновск);

Базаева Ф.У. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный);

Верещагина А.В. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Волчанский М.Е. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации», г. Волгоград);

Гончаров В.Н. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гуманитарного института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Деларю В.В. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации), г. Волгоград);

Доника А.Д. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации), г. Волгоград);

Касьянов В.В. – доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой истории России (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», г. Краснодар);

Кичева И.В. – доктор педагогических наук, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск);

Муханова И.В. – доктор педагогических наук, профессор, директор института филологии, истории и права; профессор кафедры педагогики (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный);

Розин М.Д. – доктор философских наук, профессор, директор Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону);

Ромаева Н.Б. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и педагогических технологий Педагогического института (Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь);

Суций С.Я. – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований (Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону);

Финько М.В. – доктор философских наук, профессор, директор конгрессно-выставочного центра (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону);

Щербакова Л.И. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Социология и психология» (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет М.И. Платова», г. Новочеркасск).

Бондаренко А.В. – кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебной и научной работе кафедры «Философия» (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа) – секретарь;

Дохойн А.М. – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной, специальной педагогики и психологии, (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир) – ответственный секретарь.

Registration number PI FS 77- 39740
Federal Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
catalog number 37137 Russian Press
ISSN 2079-1968
Scientific theory journal

№4 2026

EDITOR-IN-CHIEF

Nesmeyanov E.E. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia, Honored Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation, Head of the Department of philosophy and world religions (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University», Rostov-on-Don)

EDITORIAL BOARD

Goverdovskaya E.V. – deputy Chief Editor, Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Deputy Director of postgraduate and additional education (Pyatigorsk Medical-Pharmaceutical Institute – branch of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «The Volgograd State Medical University» of the Ministry for Public Health of the Russian Federation, Pyatigorsk);

Abidova Z.K. – Doctor of Philosophy, Head of the Department of «Social Sciences», (Urchench branch of the Tashkent Medical Academy, Urgench);

Akayev V.H. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher (Federal Ibragimov State Institution of Science Integrated Research of Russian Academy of Sciences, Grozny);

Alisultanova E.D. – Doctor of Pedagogical Sciences, Director of the Institute of Applied Information Technologies, (Federal State Educational Institution of Higher Education «Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov», Grozny);

Aryabkina I. V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ulyanovsk State Pedagogical University named after IN N. Ulyanov», Ulyanovsk);

Bazaeva F.U. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State Pedagogical University», Grozny);

Vereshchagina A.V. – Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of theoretical sociology and methodology of regional researches of the Institute of sociology and regional studies (The Institute of Sociology and Regional Studies of Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);

Volchansky M.E. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Psychology (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Volgograd);

Goncharov V.N. – Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, associate Professor in the Department of philosophy, humanitarian Institute (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «North Caucasian Federal University», Stavropol);

Delarue V.V. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department

of General Psychology (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Volgograd);

Donika A.D. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Life Safety (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Volgograd);

Kasyanov V.V. – Doctor of Social Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, Head of the Department of Russian History (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Kuban State University», Krasnodar);

Kicheva I.V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Literature and Pedagogical Technologies of Philological Education (Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University», Pyatigorsk)

Muskhanova I.V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Director of the Institute of Philology, History and Law; Professor of the Department of Pedagogy (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State Pedagogical University», Grozny);

Rosin M.D. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of North-Caucasian scientific centre of higher school (Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University», Rostov-on-Don);

Romaeva N.B. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of chair of pedagogics and pedagogical technologies Pedagogical Institute (Federal state Autonomous Educational Institution of Higher Education «North-Caucasus Federal University», Stavropol, Russia);

Soushiy S.Y. – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, chief researcher, Institute of socio-economic and Humanities research (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don);

Finko M.V. – Doctor of Philosophical Sciences, director of the congress and exhibition center (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University», Rostov-on-Don);

Shcherbakova L. I. – Doctor of Social Sciences, Professor, head of the Department of sociology and psychology (Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Platov South-Russian State Technical University», Novocherkassk).

Bondarenko A. V. – Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Head of the Department for Academic and Scientific Work of the Department «Philosophy» (Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa) – the secretary;

Dohoyan A.M. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social, Special Pedagogy and Psychology, (Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Armavir State Pedagogical University», Armavir) – the secretary.

© «Economical and
humanitarical
researches of
the regions»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕДАГОГИКА

ЕЛИСЕЕВ В.К., ДОРМИДОНТОВ Р.А.

Моделирование взаимодействия субъектов образовательного процесса при разрешении конструктивных педагогических конфликтов 8

СОЛОНОВИЧ М.А.

Концептуальные трансформации учреждений высшего образования в цифровую эпоху: цифровой, «умный» и «платформенный» университеты 14

ШАЙХУТДИНОВА Г.А., МУХАМЕТЗЯНОВА Ф.Ш.

Психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития педагогов среднего профессионального образования 23

СОЦИОЛОГИЯ

ВАЙСБУРГ А.В.

Дружба, влюбленность и любовь между мужчиной и женщиной: социологический анализ 28

ЕВЛОЕВА М.Д.

Институциональные ресурсные барьеры цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью в вузе 32

КОЗИН В.В.

Оценка социально-экономического положения Мордовии населением региона в контексте социальной идентичности 37

ПАНКРАТОВА Л.Э., ПЕРМЯКОВА Т.В.

Дети, брак и карьера в системе жизненных стратегий студенчества 43

РЮМШИНА Е.В., БАЛЯН Е.В.

Влияние виртуальных путешествий и цифровых экскурсий на восприятие культурного разнообразия и толерантности 47

ХУГАЕВ А.А.

Цифровое сопровождение молодежной туристической поездки по Северному Кавказу: опыт качественного исследования 51

МНЕНИЯ, ФАКТЫ

АВДОНЬКИНА В.В., ФОМЕНКОВ А.А.

Единственно правильных решений нет: о глобальных футбольных турнирах и логике управления футболом как шоу 57

КРУТЕЛЁВ Н.Д.

Гибридный формат работы как новая форма занятости в России 63

КРУТЕЛЁВ Н.Д.

Новые формы занятости в России: взгляд HR-специалистов 67

ОСИПОВ Э.А.

Алгоритмизация медиапространства и её влияние на формирование общественного мнения 72

ПЕДАГОГИКА

УДК 37

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОНСТРУКТИВНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Елисеев В.К., Дормидонтов Р.А.

MODELING THE INTERACTION OF SUBJECTS THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE RESOLUTION OF CONSTRUCTIVE PEDAGOGICAL CONFLICTS

Eliseev V.K., Dormidontov R.A.

Аннотация. В статье представлены теоретико-методологические и прикладные основания конструктивного взаимодействия субъектов образовательного процесса в ситуации педагогического конфликта, методы, кейсы ситуаций и примеры визуального моделирования конструктивного взаимодействия субъектов образовательного процесса в педагогическом конфликте. Актуальность статьи продиктована современным курсом российской педагогики, в рамках которого приоритетом является купирование агрессивных реакций и снижение частоты конфликтов в школьной среде. Согласно совместному исследованию экспертов НИУ ВШЭ и холдинга Ultimate Education, данный вектор полностью соответствует общемировым практикам, направленным на гармонизацию школьного климата. Педагогическая деятельность в силу своей сущности является потенциально конфликтогенной. Конфликты классифицируются по нескольким основаниям. Одним из главных критериев является способ их урегулирования, который бывает конструктивным или деструктивным. Методология конструктивного конфликта направлена на эффективное разрешение разногласий таким образом, чтобы стороны могли извлечь пользу и достичь взаимовыгодного результата. Эффективность разрешения конфликтов во многом определяется правильностью и полнотой их анализа. Проблема исследования, поднятая в статье, вытекает из противоречия между потребностью образовательной практики в действенных инструментах перевода деструктивных конфликтов в конструктивное русло и неразработанностью методического аппарата их моделирования. Цель статьи состоит в повышении готовности педагогов к конструктивному разрешению конфликтов через моделирование. Теоретические труды конфликтологов создают фундамент для решения данной задачи, однако адаптированные к условиям образовательного процесса модели, включающие критерии оценки эффективности взаимодействия, в научной литературе представлены несистемно, что затрудняет их внедрение в педагогическую деятельность. Представленные в статье материалы могут способствовать формированию конфликтологической компетентности в учебно-воспитательном процессе его участников, служить опорой для определения профессиональной готовности работников образовательной сферы к разрешению ситуаций педагогического конфликта, а также создавать условия для приобретения инновационных знаний в области конфликтологии.

Abstract. The article presents theoretical, methodological and applied foundations of constructive interaction of subjects of the educational process in a situation of pedagogical conflict, methods, case studies of situations and examples of visual modeling of constructive interaction of subjects of the educational process in a pedagogical conflict. The relevance of the article is dictated by the modern course of Russian pedagogy, in which the priority is to stop

aggressive reactions and reduce the frequency of conflicts in the school environment. According to a joint study by experts from the Higher School of Economics and the Ultimate Education holding, this vector is fully consistent with global practices aimed at harmonizing the school climate. Pedagogical activity, by virtue of its essence, is potentially conflictogenic. Conflicts are classified on several bases. One of the main criteria is the way they are settled, which can be constructive or destructive. The methodology of constructive conflict is aimed at effectively resolving disagreements in such a way that the parties can benefit and achieve a mutually beneficial result. The effectiveness of conflict resolution is largely determined by the correctness and completeness of their analysis. The research problem raised in the article arises from the contradiction between the need of educational practice for effective tools for translating destructive conflicts into a constructive channel and the lack of development of the methodological apparatus for their modeling. The purpose of the article is to increase teachers' readiness for constructive conflict resolution through modeling. The theoretical works of conflictologists create the foundation for solving this problem, however, models adapted to the conditions of the educational process, including criteria for evaluating the effectiveness of interaction, are not presented systematically in the scientific literature, which makes it difficult to implement them in teaching. The materials presented in the article can contribute to the formation of conflictological competence in the educational process of its participants, serve as a basis for determining the professional readiness of educational workers to resolve situations of pedagogical conflict, as well as create conditions for the acquisition of innovative knowledge in the field of conflictology.

Ключевые слова: педагогический конструктивный конфликт, разрешение конфликта, графическое визуальное моделирование конфликта, картография конфликта, конфликтологическая компетентность.

Keywords: pedagogical constructive conflict, conflict resolution, graphic visual modeling of conflict, conflict cartography, conflictological competence.

Актуальность темы продиктована современным курсом российской педагогики, в рамках которого приоритетом является купирование агрессивных реакций и снижение частоты конфликтов в школьной среде. Согласно совместному исследованию экспертов НИУ ВШЭ и холдинга Ultimate Education, данный вектор полностью соответствует общемировым практикам, направленным на гармонизацию школьного климата.

Педагогическая деятельность в силу своей сущности является потенциально конфликтогенной, а само педагогическое взаимодействие можно рассматривать как потенциально конфликтное [3,7].

Конфликты классифицируются по нескольким основаниям. Одним из главных критериев является способ их урегулирования, который бывает конструктивным или деструктивным. Методология конструктивного конфликта направлена на эффективное разрешение разногласий таким образом, чтобы стороны могли извлечь пользу и достичь взаимовыгодного результата. М.Р. Follett [11] одной из первых выдвинула идею «конструктивного конфликта» и определила три типа разрешения конфликтов. Анализ некоторых зарубежных подходов к конструктивной конфликтности (Н. Barki & Jon. Hartwick, L. Kriesberg, Ch.M. Judd, M. Deutsch и др.) позволяет утверждать, что конструктивный конфликт предполагает переосмысление ситуации, гибкий выбор стратегии с учетом психологии оппонентов и устойчивую мотивацию к поиску новых решений при позитивном прогнозе.

Проблема конфликта в педагогике первоначально нашла отражение в трудах Л.С. Выготского [4], А.С. Макаренко [6], В.А. Сухомлинского [9], Ш.А. Амонашвили [1]. В дальнейшем данная проблемы исследовалась Л.И. Божович [2], В.А. Крутецким [5], Л.С. Славиной [8] и др. Ряд психологов и педагогов подчеркивает конструктивную функцию

конфликта в педагогическом процессе (И.П. Андриади, Н.В. Гришина, М.М. Рыбакова, Н.Е. Щуркова и т.д.).

Особенности конфликтов педагогической деятельности отличаются от других на следующих основаниях: педагогическая деятельность осуществляется в условиях взаимодействия с участниками образовательного процесса, часто с несовместимыми представлениями о целях, задачах и методах обучения и воспитания; педагогическая деятельность протекает в условиях стресса и эмоциональных перегрузок педагогов, вызванных как объективными, так и субъективными факторами; успешная деятельность и бесконфликтное взаимодействие с детьми зависят от педагогических способностей и индивидуальности самого педагога.

Эффективность разрешения конфликтов во многом определяется правильностью и полнотой их анализа. Впервые метод моделирования разрешения конфликтов методом графической визуализации (картография) конфликта был разработан М. Deutsch [10]. В ряде исследований зарубежных ученых также используется метод картографии конфликтных взаимоотношений (P. Wehr, Th. Homer-Dixon, & M. Milkoreit, & S. Mock).

Проблема исследования вытекает из противоречия между потребностью образовательной практики в действенных инструментах перевода деструктивных конфликтов в конструктивное русло и неразработанностью методического аппарата их моделирования. Теоретические труды конфликтологов создают фундамент для решения данной задачи, однако адаптированные к условиям образовательного процесса модели, включающие критерии оценки эффективности взаимодействия, в научной литературе представлены несистемно, что затрудняет их внедрение в педагогическую деятельность.

Цель статьи состоит в повышении готовности педагогов к конструктивному разрешению конфликтов через моделирование.

Ниже мы рассмотрим конкретный пример визуального моделирования школьного конфликта с помощью разных методик:

Конфликтная ситуация:

«Введение обязательной формы одежды для учащихся в школе»

«В школе была введена обязательная форма одежды для учеников в школе. Учителя, родители и сами учащиеся разделились на 2 лагеря – сторонники и противники нововведения. В школе проведены совещания педагогического коллектива, родителей и собрания учащихся с целью устранения возникших трений. У сторонников и противников нововведения возникли разные мнения относительно последствий этого мероприятия. Все сошлись во мнении, что данное событие может повлиять на школьный климат, привести к разрастанию конфликта, вовлечению в него школьников, родителей, органов власти».

Моделирование конфликтной ситуации с помощью методики «Дерево конфликта»

Методика «Дерево конфликта» – эффективный инструмент диагностики и анализа сложных конфликтных ситуаций, потенциально применимый в сфере образования. Одним из действенных инструментов в этом ряду выступает метафорическая конструкция, заимствующая образ дерева. Ее суть проста: как у растения есть корни, ствол и крона, так и у любого противостояния (конфликта) можно выделить глубинные истоки, центральный узел напряжения и отдаленные последствия. Эта техника позволяет сместить внимание с эмоций на структуру. Она позволяет решить несколько важнейших задач одновременно: во-первых, заставляет участников отделить главное от второстепенного; во-вторых, помогает ранжировать выявленные сложности по степени срочности; в-третьих, прочерчивает четкую связь между тем, что происходит сейчас, и тем, что послужило спусковым крючком для этого. По сути, «Дерево конфликта» – это своего рода навигатор для педагога. Он позволяет распределить свои наблюдения по трем строгим категориям: питающая среда (первопричины), точка

бифуркации (сама проблема) и исходящие векторы (последствия). Такой подход превращает анализ конфликта в понятную картину.

На рисунке 1 представлена визуализация конфликтной ситуации в связи с решением школьной администрации ввести обязательную форму одежды для учеников школы с помощью методики «Дерево конфликта».

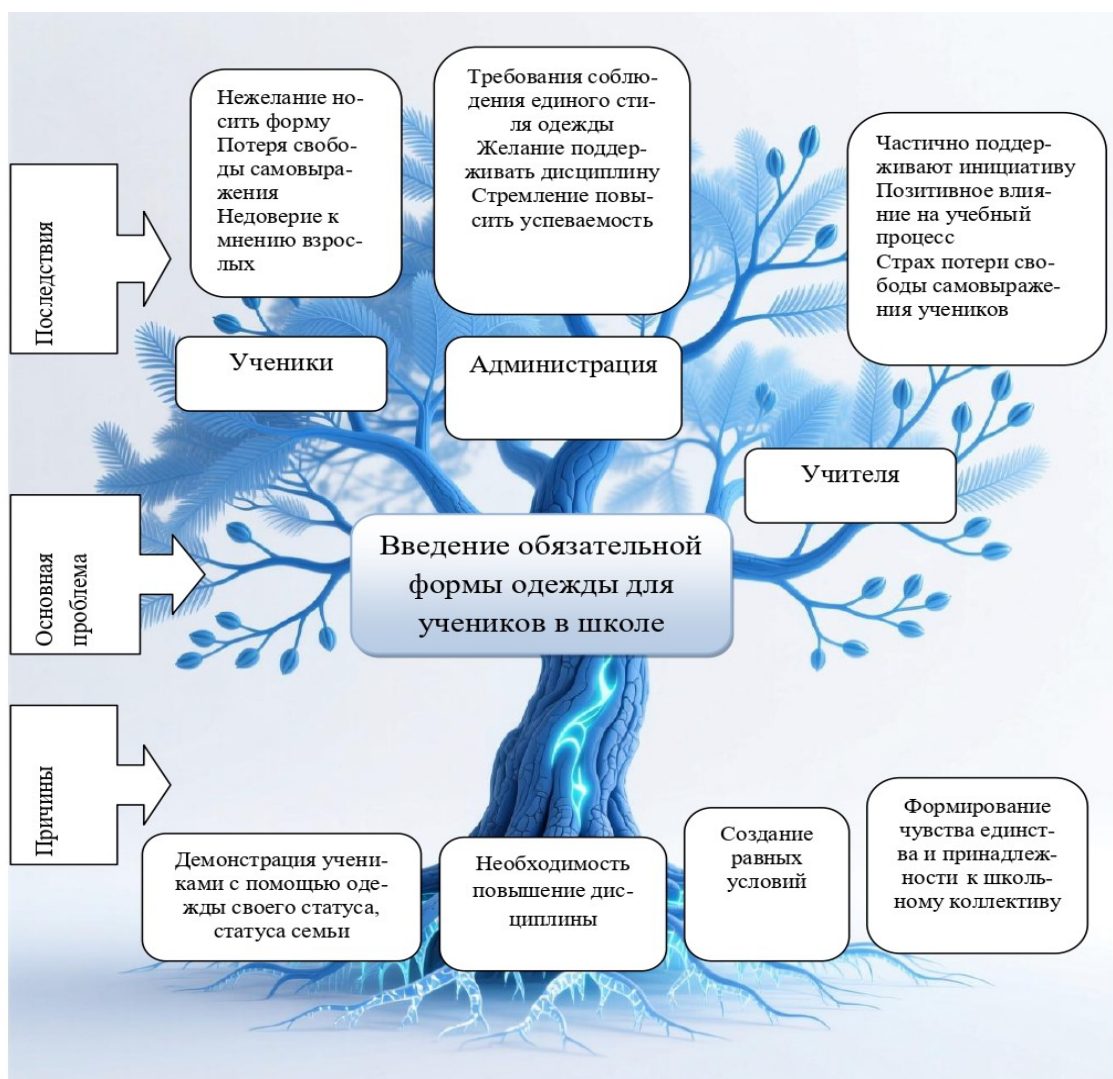

Рисунок 1 - Модель конфликта «Введение единой формы одежды в школе» с помощью методики «Дерево конфликта» (по В.К. Елисееву и Р.А. Дормидонтову).

Этап 1: Определение основного конфликта. Первым шагом является четкое формулирование основной проблемы, вызвавшей конфликт.

Этап 2: Выявление составляющих элементов конфликта. На данном этапе происходит выявление основных элементов конфликта, включая участвующих лиц (субъектов), конкретные обстоятельства, поведение каждой стороны и внешние факторы, повлиявшие на ситуацию. Этот этап направлен на сбор объективной информации и исключение предвзятых мнений.

Этап 3: Построение структуры дерева. На данном этапе происходит визуализация конфликта, строится иерархическая структура («дерево»), отражающая взаимосвязи между основными элементами конфликта. Структура должна наглядно демонстрировать, как каждый элемент влияет на остальные и каким образом развивается ситуация в целом.

Этап 4: Поиск путей разрешения конфликта. На последнем этапе осуществляется поиск альтернативных решений, позволяющих снизить уровень конфронтации и

привести к согласованию интересов сторон. Возможные пути включают: проведение открытых обсуждений и консультации с участием всех заинтересованных сторон; пересмотр некоторых положений правил с учетом мнения учащихся; организация мероприятий, направленных на укрепление позитивного отношения между школой и учащимися.

Преимущество методики «Дерево конфликта» заключается в четкой визуализации проблемы, облегчающей понимание и упрощающей общение среди участников конфликта. Структурный подход позволяет выявить скрытые связи и зависимости, упущенные ранее, проактивный характер метода стимулирует выработку творческих подходов к разрешению конфликта.

Моделирование конфликтной ситуации с помощью методики «Потребностно-целевое картографирование»:

Прежде всего, необходимо подвергнуть анализу то, чего на самом деле хотят участники конфликта и чего они боятся. Чтобы быстро оценить обстановку, полезно выделить самые болезненные потребности. Это те потребности, которые у человека сильнее всего не закрыты, и именно из-за них он вступает в конфликтные отношения. Когда нарисована схема с потребностями и страхами, проще подходить к анализу ситуации. Выход из конфликта можно искать двумя путями. Первый – прямо дать человеку то, чего ему не хватает. Второй – закрыть другую его потребность, но такую же важную для него. Под страхами имеется в виду беспокойство человека о том, что его потребности не удовлетворяют. Спросите: «Чего именно не хотел оппонент? Что заставило его действовать так остро?». В итоге у педагога складывается готовая схема, на которой видно, где интересы сторон расходятся и становится понятным, чего на самом деле боится каждый, и начинают просматриваться варианты, как преодолеть данную конфликтную ситуацию. На рисунке 2 представлена потребностно-целевая модель школьного конфликта.

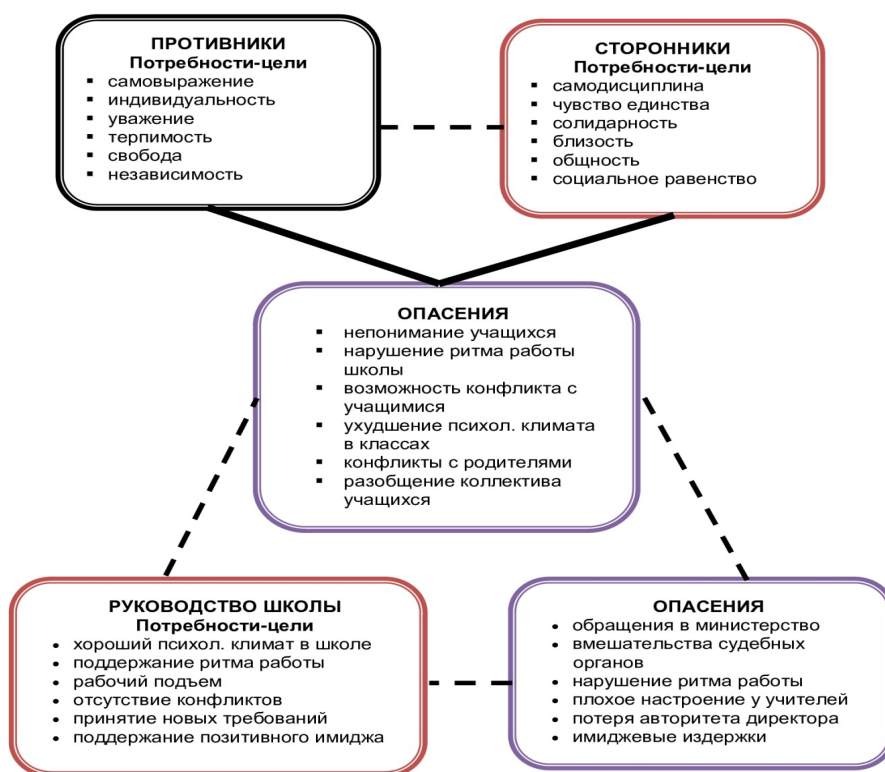

Рисунок 2 - Потребностно-целевая модель школьного конфликта «Введение единой формы одежды в школе» (по В.К. Елисееву и Р.А. Дормидонтову).

Шаг 1. Определение сторон конфликта:

Учителя, родители, учащиеся, директор школы.

Две группировки учителей: противники и сторонники.

Шаг 2. Формулировка целей каждой стороны:

Противники введения единой формы считают это нововведение вредным и неправильным, что оно направлено на «унификацию» отношений в классах и школе в целом, угрозам индивидуальности школьников. Сторонники имеют противоположное мнение и считают, что введение новой формы благотворно скажется на общем психологическом климате в школе. На этом фоне у сторонников и противников нововведения имеются свои опасения и страхи.

Шаг 3. Анализ противоречивых действий сторон:

Противники введения единой формы связывают разнообразие в одежде школьников в самовыражении, индивидуальности, уважении, терпимости, свободе, независимости. Сторонники введения единой формы считают, что единообразие в одежде способствует формированию самодисциплины, чувства единства, солидарности, близости, общности и социальному равенству.

Шаг 4. Выявление ключевых проблем конфликта:

В качестве ключевых проблемы конфликта противники и сторонники нововведения отмечают возможность распространение конфликта с учащимися на коллектив учителей и родителей, имиджевые издержки.

Шаг 5. Последствия конфликта:

В качестве последствий конфликта противники и сторонники нововведения отмечают возможность конфликта с учащимися, ухудшение психол. климата в классах, конфликты с родителями, разобщение коллектива учащихся, обращения в министерство, вмешательства судебных органов, нарушение ритма работы, плохое настроение у учителей, потеря авторитета директора, имиджевые издержки.

Шаг 6. Поиск решений конфликта:

Для разрешения ситуации предлагаются следующие шаги:

Педагогом, основываясь на карте потребностей-целей и опасений, могут быть предложены, рассмотрены и приняты альтернативные пути решения проблемы, включающие: введение единой формы одежды только в начальной и средней школе, отмену вычурности в одежде, излишней неряшливости за счет приоритета классических форм одежды.

Современное образование предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке педагогов, включающей владение методами диагностики, профилактики и коррекции конфликтных ситуаций. Именно поэтому конфликтологическая компетентность становится неотъемлемой частью педагогического профессионализма, обеспечивая способность эффективно управлять процессами взаимодействия учащихся, коллег и родителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш.А. Обучение. Оценка. Отметка / Ш. А. Амонашвили. – Москва : Знание, 1980. – 96 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте (психологическое исследование) / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
3. Бринько И.И. Конфликтологический анализ педагогического взаимодействия / И.И. Бринько, М.В. Паромонова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2(69). – С. 391-394. – Текст: непосредственный.
4. Выготский, Л. С. (1896-1934). Педагогическая психология // Л. С. Выготский. – Москва : Педагогика-пресс, 1999. – 533 с.

5. Крутецкий В.А. Психология подростка [Текст] / В. А. Крутецкий, Н. С. Лукин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1965. – 316 с.
6. Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания // Соч.: В 7 т. / А.С. Макаренко. – М., 1951. – Т.5.
7. Парамонова Г. А. Конфликтная компетентность как детерминанта психологического здоровья / Г. А. Парамонова // Валеопедагогические аспекты здоровьесформирования в образовательных учреждениях: состояние, проблемы, перспективы : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 14 апреля 2006 г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург, 2006. - С. 228-230.
8. Славина Л. С. Трудные дети: избранные труды / Л. С. Славина; под редакцией [и с предисловием] В. Э. Чудновского. – Москва : Институт практической психологии; Воронеж : МОДЭК, 1998. – 447 с.
9. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива / В.А. Сухомлинский // Избр. пед. соч. – М., 1979. Т.3.
10. Deutsch M. (1973). The resolution of conflict. New Haven, CT: Yale University Press.
11. Homer-Dixon, Thomas & Milkoreit, Manjana & Mock, Steve & Schröder, Tobias & Thagard, Paul. (2014). The Conceptual Structure of Social Disputes: Cognitive-Affective Maps as a Tool for Conflict Analysis and Resolution. SAGE Open. 4. 10.1177/2158244014526210.

УДК 37

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ЦИФРОВОЙ, «УМНЫЙ» И «ПЛАТФОРМЕННЫЙ» УНИВЕРСИТЕТЫ

Солонович М.А.

CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE DIGITAL AGE: DIGITAL, « SMART» AND «PLATFORM-BASED» UNIVERSITIES

Solonovich M.A.

Аннотация. Определяющей чертой современного высшего образования стала цифровая трансформация, которая изменила институциональные структуры, методы преподавания и обучения, исследования, управление университетом и его взаимодействия с внешними сторонами. В статье анализируются три парадигмы, которые характеризуют эволюцию высших учебных заведений в технологически опосредованной среде: цифровой университет, «умный» университет и платформизация. В рамках критического обзора современной научной литературы в исследовании прослеживается развитие этих образовательных конструкторов и технологические, педагогические и организационные составляющие, лежащие в их основе, а также проводится сравнение этих моделей по всем аспектам, включая цифровую инфраструктуру, управление данными, искусственный интеллект, институциональную автономию. Результаты показывают, что цифровая трансформация является не только технологической модернизацией, но и фундаментальной реконфигурацией образовательных экосистем, организационного управления и институциональной логики.

Abstract. Digital transformation has become a defining feature of modern higher education, reshaping institutional structures, teaching and learning methods, research, university governance and the university's interactions with external stakeholders. This article

analyzes three paradigms that characterize the evolution of higher education institutions in a technology-mediated environment: the digital university, the «smart» university, and platformization. Through a critical review of contemporary academic literature, this study traces the development of these educational constructs and the technological, pedagogical, and organizational components underlying them, and compares these models across all aspects, including digital infrastructure, data management, artificial intelligence, and institutional autonomy. The results show that digital transformation is not only a technological modernization but also a fundamental reconfiguration of educational ecosystems, organizational management, and institutional logic.

Ключевые слова: цифровая трансформация, высшее образование, цифровой университет, «умный» университет, платформизация, цифровые экосистемы, искусственный интеллект.

Keywords: digital transformation, higher education, digital university, «smart» university, platformization, digital ecosystems, artificial intelligence.

Цифровая трансформация стала важнейшим событием в жизни современного университета, связанным как с внедрением информационно-коммуникативных технологий и оцифровкой образовательных и административных процессов, так и с глубокими институциональными перестройками организационных структур, методов преподавания и обучения, моделей управления, исследовательской работы и стратегических миссий высших учебных заведений.

В современной науке важно провести концептуальное разграничение между оцифровкой, цифровизацией и цифровой трансформацией. Оцифровка преобразует аналоговую информацию в цифровые форматы, цифровизация означает использование цифровых технологий для стабилизации и улучшения существующих процессов и услуг, а цифровая трансформация несет в себе системные организационные изменения при помощи цифровых технологий, которые реорганизуют институциональную культуру, управление, ценности и процессы принятия решений. Иначе говоря, цифровая трансформация реструктурирует организационные практики, обеспечиваемые цифровыми технологиями и принятием решений на основе данных.

Цель статьи состоит в анализе эволюций концепций цифрового университета, «умного» университета и «платформенного» университета, показать их отличительные характеристики и исследовать преобразования университетов с позиции технологических возможностей, управления и образовательных практик.

Для изучения эволюции концепций цифрового университета, «умного» университета и «платформенного» университета в контексте цифровой трансформации в высшем образовании был осуществлен систематический обзор существующей отечественной и зарубежной научной литературы. В качестве академических баз данных для анализа использовались журнальные статьи и монографии из Web of Science, Scopus, РИНЦ, Google Scholar, опубликованные в основном начиная с 2020 по 2026 годы на русском и английском языках.

Концепция цифровой трансформации претерпела значительные изменения за последние три десятилетия благодаря прогрессу в области информационно-коммуникативных технологий. Как континуум от оцифровки до «платформенного» университета, она включает ряд последовательных шагов по реконфигурации организационных структур, образовательных практик, управления и отношений с внешними агентами. Выделяются несколько этапов.

Первый этап (оцифровка), датируемый 1980 – конец 1990-х гг., включал преобразование аналоговой информации в цифровой формат, когда университеты для улучшения сбора, поиска и сохранения информации оцифровывали библиотечные каталоги, базы данных студентов, архивы исследований. Второй этап (цифровизация)

(конец 1990-х – конец 2000-х) ассоциируется с интеграцией информационно-коммуникативной технологии в процессы университета через системы управления университетом (напр. Blackboard, Moodle), электронное обучение, онлайн-администрирование, цифровые библиотеки и ERP-системы (интегрированные программные платформы, которые управляют основными административными и бизнес-процессами организации через единую базу данных и единый интерфейс), и он связан с проникновением технологий в редизайн образовательной экосистемы и организационных процессов, а именно: онлайн-регистрации, цифровых репозиторий, систем управления обучением и виртуальных коммуникационных платформ. На третьем этапе (ок. 2010 г. – по настоящее время) произошел качественный скачок к цифровой трансформации, переход от технологического внедрения к институциональной перестройке преподавания, исследования, администрирования и стратегии, когда университеты стали перепроектировать организационную культуру и структуру управления, образовательные модели и стратегическое планирование. Следующий этап характеризуется появлением университетов, ориентированных на фактуальные данные (≈2014-2015 гг. - по настоящее время), которые стали выступать как инновационный стратегический институциональный актив с широким внедрением аналитики обучения, панелей мониторинга, прогностической аналитики, бизнес-аналитики и управления. На пятом этапе предполагается встраивание искусственного интеллекта в институциональные процессы (≈2018 г. и далее, быстрое распространение с 2022 г.), и таким образом формируется «умный» университет: создание учебных сред с поддержкой ИИ, персонализация образования, адаптивные образовательные системы, интеллектуальное обучение, автоматизированная оценка, прогностическая аналитика и др. Появление генеративного ИИ значительно ускорило этот этап. Последняя фаза включает появление университетов на платформе (концептуальное развитие в основном после 2020 г.), когда их деятельность выходит за пределы университетских ресурсов, и образовательная активность, включая обучение, оценку, исследовательское сотрудничество, облачные вычисления, искусственный интеллект, осуществляется через цифровые платформы, предоставляемые глобальными технологическими компаниями на коммерческой основе (напр. Microsoft, Google Workspace, Zoom, Coursera).

Все вышеприведенные фазы представляют собой последовательные уровни с нечеткими границами одного непрерывного процесса развития университетов. Фазы перекрываются, но не заменяют друг друга. Первые три этапа (оцифровка, цифровизация, цифровая трансформация) считаются этапами цифровой зрелости, последние три (университет, управляемый цифровыми данными, «умный» университет с поддержкой искусственного интеллекта, «платформенный» университет) понимаются как институциональные модели, возникшие в более продвинутую эру цифровой трансформации.

Цифровые изменения университетов касаются выяснения таких аспектов, как концепция цифрового университета, модель «умного» университета, платформизация высшего образования.

Наступившая цифровая эпоха, которая принесла с собой технологические, социально-культурные и экономические изменения, послужила основанием для создания концепции цифрового университета. Исследования ученых, проводимые как в нашей стране, так и за рубежом, свидетельствуют о том, что цифровая трансформация в высшем образовании предполагает не только внедрение информационных технологий, а комплексную всестороннюю перестройку структур университетов, процессов, которые в них происходят, и организационной культуры [14, 5, 2].

Цифровой университет определяют как новую модель высшего учебного заведения, которая включает в себя «не только внедрение новых технологий, но и проведение стратегической трансформации организации, охватывающей информацию, процессы, человеческий фактор и многое другое» [13]. Цифровая информация

затрагивает все функциональные сферы университета, включая преподавание, научные исследования, административные действия, управление и все взаимодействия участников учебного процесса.

Примерно в таком же ключе Дж. Тан, П. Хуан и С. Янь утверждают, что именно цифровая трансформация и стала главным механизмом, с помощью которого вузы реагируют на вызовы четвертой промышленной революции [21]. Эти авторы считают, что цифровые технологии повлияли не только на сам процесс обучения, но и на более широкие процессы развития талантов, генерации знаний и управления организацией. Они предлагают концептуальную модель, базирующуюся на ценностной, технологической и практической логике, указывая на стратегический характер цифровой трансформации в высшем образовании.

На самом деле, университеты исторически прошли три ступени своего развития. Деятельность в традиционных университетах ранее сосредотачивалась преимущественно на обучении студентов. На следующем уровне добавились научные исследования и коммерциализация знания. В дальнейшем уже в соответствии с концепцией «Университет 4.0», произошла перестройка учреждений высшего образования в организации, опирающиеся на цифровые технологии, с ориентацией на инновации, которые способствуют экономическому, технологическому и социальному развитию. По данным Всемирного экономического форума, модель «Образование 4.0», которая служила прообразом модели «Университет 4.0», настроена на подготовку учащихся к будущему в контексте меняющейся технологической и социальной среды путем сочетания знаний, умений и навыков, установок и актуальных ценностей [22].

«Университет 4.0» усиливает вклад университетов в местное и региональное социо-экономическое развитие. Определены основные компоненты этой концепции: компетенции в образовании, исследовательской работе, развитии и инновациях; новые методы преподавания, соответствующие цифровой эпохе; информационно-коммуникативные технологии, связанные с «Промышленностью 4.0»; инновационная инфраструктура, поддерживающая учебу и инновации [4; 12].

В российской среде концепция цифрового университета сопряжена с эволюцией в русле модели «Университет 4.0», цифрового университета как цифровой экосистемы на интегрированной платформе, связывающей студента, преподавателя, администрацию и внешние заинтересованные стороны [8]. Тандем цифровизации и модели «Промышленность 4.0» меняет всю систему высшего образования, когда университеты выходят за рамки преподавания и научных исследований и превращаются в предпринимательские учреждения, ориентированные на инновации, внося существенный вклад в экономическое развитие, подготовку кадров и общественный прогресс, поддерживая при этом новые требования к компетенциям, коммерциализации научных исследований и более тесное взаимодействие с промышленностью и обществом [10].

Согласно этой модели, при помощи цифровых технологий происходит трансформация традиционных университетских функций, что приводит к персонализации образовательных траекторий, электронному администрированию и научно-исследовательской деятельности с использованием информационно-технологических онлайн-ресурсов. При этом базисом организационных компонентов цифрового университета служат цифровые платформы и цифровая инфраструктура [1].

Модель «Университет 4.0» ассоциирует трансформации в образовании с информационной экономикой и новыми промышленными системами [16]. Она отражает переход от информационного общества к обществу, основанному на знаниях и ориентированному на инновации. Ее отличительной чертой является широкая социальная миссия стимулирования создания «общественной ценности в экосистеме» и развития партнерских отношений между университетами и промышленностью.

Таким образом, цифровой университет – это учреждение высшего образования, в котором во все организационные функции внедрены цифровые технологии, создающие интегрированную информационную среду, поддерживающие обучение, научные исследования, администрирование и вовлечение внешних сторон.

Несмотря на все радужные перспективы, «Университет 4.0» сталкивается с рядом значительных проблем, а именно: с существованием цифрового неравенства между учебными заведениями, студентами и преподавателями; необходимостью подготовки педагогических кадров к новой реальности; внедрением новейших технологий в учебные программы; обеспечением баланса между технологическими инновациями и этическими, социально-культурными гуманистическими целями образования; различиями в уровне готовности к интеграции по причине неравномерных трансформаций в различных университетах разных стран.

В последнее время возрастает роль искусственного интеллекта в экосистеме «умного университета», где активно используются адаптивные системы обучения, аналитика обучения, прогнозное моделирование и инструменты поддержки принятия решений на базе ИИ [3]. Концепция «умного университета» появилась наряду с концепциями «умных городов», цифровых экосистем и интеллектуальных организаций. «Умный университет» сфокусирован на интеллектуальном использовании данных, инфраструктур и технологий с целью оптимизации процессов образования и администрирования, в то время как «цифровой университет» заточен на внедрении в деятельность университета цифровых технологий. Технологии «умного университета» персонализируют учебные траектории, помогают достаточно достоверно выявлять неуспевающих студентов, оптимизировать распределение ресурсов и повышать эффективность работы университета, осуществляя переход от цифровизации к интеллектуальному управлению образовательным учреждением.

К. Хайнеманн и Вл. Усков, анализируя концепцию «умного университета», определили такой тип как новую ступень в развитии вузов, при которой происходит слияние передовых цифровых инфраструктур, интеллектуальных сервисов и систем управления [15]. Информационные технологии при этом являются стратегическими инструментами институциональных инноваций и принятия решения, а не просто операционными системами.

Согласно более продвинутой модели информационных технологий, «умный университет» интегрирует цифровые сервисы, системы данных и институционализированные стратегии. Университетский кампус рассматривается как «маленький умный город», деятельность которого охватывает все функции университета, включая образование, научные исследования, административные процессы, обеспечение работы учебного комплекса и социальные услуги. В рамках многоуровневой концептуальной архитектуры, обеспечивающей взаимодействие образовательных, административных и инфраструктурных сервисов, авторы предлагают объединение информационных систем, устройств Интернета вещей (IoT), коммуникационных сетей, баз данных, облачных сервисов, бизнес-приложений, систем поддержки принятия решений и пользовательских интерфейсов. Структурированный процесс управления и планирования включает определение стратегических сервисов, установление приоритетов инвестиций, координацию работы команд по внедрению и согласование технологического развития с целями вуза. Платформа «умного» университета поддерживает образовательные сервисы (системы управления обучением, онлайн-преподавание, академическую аналитику, поддержку студентов) и административные сервисы (цифровые рабочие процессы, управление рабочими ресурсами, документацию) [19].

На взаимосвязанных цифровых платформах в «умном университете» функционирует его инфраструктура: процесс обучения, научные исследования, управление кампусом и взаимодействие с заинтересованными сторонами. Модель

раскрывает концепцию «умного университета» в связи с персонализацией образовательных услуг, устойчивым развитием и поддержкой обучения на протяжении всей жизни. «Умный университет» нацелен на цифровую трансформацию и широко использует цифровую («умную») инфраструктуру: цифровую правовую базу, цифровые человеческие ресурсы, цифровые данные, цифровые технологии и цифровые приложения. Модель V-SMARTH содержит 5 компонентов цифровых ресурсов: учебные материалы открытого доступа, виртуальную учебную среду, индивидуализированное образование, интерактивное обучение и цифровую платформу. Такое высшее учебное заведение создано для того, чтобы предоставлять непрерывное образование и устойчивое развитие учащимся всех поколений по всему миру [20].

Также интересно предложение о создании «умного» университета в качестве «живой лаборатории». Модель характеризуется гибкостью, устойчивостью и модульностью и воплощает концепцию слияния образования, науки и бизнеса.

Воплощая идею «умного университета», из изолированных образовательных учреждений университеты превращаются в интегрированные киберфизические экосистемы, сочетающие цифровые технологии, коммуникативные сети и интеллектуальные системы управления, которые обеспечивают непрерывность учебного процесса, научных исследований и сотрудничества в любых условиях, несмотря на возможные критические ситуации, такие как массовые сбои в образовательных процессах, внеочередные переходы на дистанционное обучение, негативные влияния на научно-исследовательскую и инновационную деятельность и др. Университет трансформируется в интеллектуальную платформу, состоящую из цифровых учебных сред, технологий коммуникации и совместной работы, систем мониторинга и управления, инструментов анализа данных и механизмов контроля здоровья и безопасности. Университеты, использующие умные технологии, более конкурентоспособны, стабильны и устойчивы к потрясениям. Эти университеты находятся в русле глобальной долгосрочной стратегии модернизации высшего образования и имеют повышенную эффективность, усиливая адаптивность и операционную устойчивость учебного заведения [6].

Концептуальная IT-архитектура «умного» университета объединяет «умные» цифровые приложения и сервисы, интеллектуальное управление кампусом, аналитику данных, экосистему «интернета вещей» (IoT) и интегрированные информационные системы в единую платформу. «Умный» университет использует современные цифровые технологии для улучшения преподавания и обучения, научно-исследовательской деятельности, функционирования кампуса, административных процессов, процессов принятия решений на основе интеграции информационных потоков по всему учреждению в режиме реального времени и автоматизации. К ключевым направлениям «умного университета» относятся: «умное» обучение, в котором цифровые учебные среды обеспечивают он-лайн и гибридное обучение, персонализированный учебный процесс, аналитику обучения и непрерывную оценку и обратную связь; «умное» администрирование, позволяющее автоматизировать рабочие процессы, ускорить принятие решений, сократить бюрократию, оптимизировать распределение ресурсов; «умный кампус», т.е. усовершенствованная физическая инфраструктура с такими интеллектуальными технологиями, как подключение устройств, мониторинг окружающей среды, автоматизированные системы управления зданиями; «умная» исследовательская среда с цифровыми платформами, способствующими сотрудничеству, обмену данными, созданию и распространению знаний, управлению научными исследованиями [9].

Последним трендом цифровых преобразований в высшем образовании является его платформизация, т.е. растущая зависимость от цифровых платформ как инфраструктуры, которая обеспечивает преподавание, обучение, коммуникацию, оценки, научные исследования и функционирование учебного заведения. Логика

платформ отмечается извлечением данных, алгоритмическим управлением и сетевыми эффектами, которые определяют технологические практики и принимают институционализированные решения [11].

Под платформизацией понимается не просто внедрение цифровых технологий в образовательный процесс, а более широкая трансформация организации учебного пространства и отношений между образовательными субъектами. Цифровые платформы используются для размещения образовательного контента и взаимодействия преподавателя и студента. Они используются в дистанционном обучении, создании специализированных сред для организации обучения. В рамках двойственного видения цифровой платформы – как технологической инфраструктуры, позволяющей пользователям распространять образовательный контент и взаимодействовать друг с другом, и как бизнес-модели, основанной на многоплановых рынках, на которых владельцы извлекают экономическую выгоду, - выделяют ключевые процессы, такие как: настройки, относящиеся к адаптации образовательных услуг или контента для отдельных пользователей, датафикация как растущая зависимость от сбора и обработки отдельных пользователей и коммерциализация, другими словами, монетизация, когда образовательные знания и их содержательные аспекты приобретают характеристики рыночного товара. Таким образом цифровые платформы меняют не только технологическую инфраструктуру, но и ценностную матрицу образования, вносят диссонанс между образовательными целями и коммерческой логикой и создают риски для понимания высшего образования как такового. Знания становятся формой контента, который можно производить, распространять, покупать и продавать [7].

Платформизация в образовании изучается и с позиции политической экономики [17]. Очевидно, что платформы, ИИ и инфраструктуры данных создают зависимость от корпоративных технологий и трансформируют структуры управления, влияя на университеты по всему миру. По мнению ученых, платформизация создает проблему права собственности на данные, их коммерциализацию, интеллектуальные ресурсы, институциональную автономию и академическое управление.

Важно отметить, что цифровые технологии в высшем образовании нужно рассматривать как социально-технические инфраструктуры, встроенные в политические, экономические и идеологические системы, наряду с их восприятием как нейтральных инструментов обучения. Высшее образование – это процесс платформизации, который организует преподавание, научную работу, администрирование, коммуникацию и академическое управление на коммерческих цифровых платформах. Платформы трансформируют автономию университета, образовательные практики, академическую деятельность, структуры управления и властные отношения внутри университетов. При этом платформизация стимулирует растущую зависимость университетов от цифровых инфраструктур, которые предоставляются крупными коммерческими технокомпаниями, устанавливающими технические стандарты, механизмы управления и экономические отношения и меняющие институциональное поведение. Все системы управления университетом, платформы видеоконференций, образовательные ресурсы на базе искусственного интеллекта, программное обеспечение и т.д. встроены в инфраструктуру университетов, обеспечивая непрерывность образования. В связи с коммерциализацией ресурсов университетов возникают такие вопросы, как принадлежность и контроль образовательных баз данных, инфраструктур и коммерческих интересов, неравенство, возникающее от зависимости от платформ, изменения в академической работе, конфиденциальность и подотчетность. Архитектура платформ не только поддерживает образовательные отношения, но и структурирует их. Таким образом, технология формирует социально и политически сконструированную картину мира [18].

Ученые высказывают опасения по поводу усиливающейся зависимости учебных заведений от частных цифровых платформ, защищенных авторскими правами. Эти

платформы посредничают в создании контента, коммуникации, хранении информации, ведении документации и т.д., что потенциально может вызвать риски технологической зависимости, несанкционированного вмешательства в академическую автономию, нарушения конфиденциальности данных и ослабления роли университетов в контроле над образовательной инфраструктурой. Организация, контроль, оценка и монетизация образовательных мероприятий находятся под сильным влиянием цифровых платформ, что ставит вопрос о балансе между прозрачностью процессов в системе образования, общественными ценностями и их эффективностью.

Цифровая трансформация в последнее время переместилась в центр реформ в университетах, которые сосредотачивают свои усилия на цифровых инфраструктурах для поддержания преподавания, администрирования, исследовательской работы, обслуживания студентов и взаимодействий вне университета. В последние десятилетия университеты вкладывают средства в онлайн-среды обучения, цифровые репозитории, облачные сервисы, образовательные платформы, системы управления и электронные исследовательские инфраструктуры. По мере развития цифровой трансформации в университетах отмечается появление новых концептуальных моделей, меняющих характер учебных заведений, - цифрового университета, «умного» университета и «платформенного» университета, которые реализуют различные аспекты технологий, организации и управления. Эти модели характеризуются значительной концептуальной неопределенностью и двусмысленностью, иногда частичным взаимным терминологическим перекрытием, отражая многомерность цифровой трансформации. При этом они концептуализируют не изолированные категории, а взаимосвязанные этапы институциональной эволюции. Более глубокое теоретическое понимание этих отношений актуально для формирования и развития системы высшего образования в новых социально-технологических и культурных условиях.

Цифровой университет интегрирует цифровые технологии в обучение, администрирование, исследования и коммуникацию через комплексные цифровые инфраструктуры и тем самым поддерживает гибкие среды обучения. «Умный» университет опирается на интеллектуальные системы, включающие искусственный интеллект, Интернет вещей, учебную аналитику, адаптивные технологии, автоматизацию и прогнозирование принятия решений. Платформизация университета организуется при помощи цифровых платформ, управляемых коммерческими поставщиками технологий, которые функционируют в качестве посредника в обучении, научных исследованиях, администрировании, коммуникации и управлении. Каждый «платформный» университет остается цифровым университетом. Каждый «умный» университет построен на цифровой инфраструктуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметшин Э.М., Васильев В.Л. Подходы к управлению ресурсами современного университета в условиях цифровизации //E-Management. 2022. 5(2). С. 4-14.
2. Банных Г.А., Костина С.Н. Цифровой университет: подходы к концептуализации понятия //Образование и наука. 2022.Т.24, № 10. С. 10-32.
3. Днепровская и др. Понятийные основы концепции смарт-образования / Н.В. Днепровская, Е.А. Янковская, И.В. Шевцова // Открытое образование. 2015. № 6 (113). С. 43-51.
4. Ефимов В.С., Лаптева А.В. Университет 4.0: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 1. С. 16-29.
5. Сомогонов А.Ю. Цифровой университет в информационном обществе: этические аспекты текущей трансформации // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 48-63.
6. Христенко А.В., Давыдовский А.Г. Киберфизическая система «Умный университет» как технологическая платформа для обеспечения качества высшего образования в условиях пандемии COVID-19 // Proceedings on educational quality and development issues.

2021. «Белорусский ГУ информатики и радиоэлектроники», Минск - https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/43390/1/Khristenko_Kiberfizicheskaya.pdf.
7. Шаткин М.А., Синчурина Е.С. Платформизация образования - формы, принципы, мотивы, риски // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 109-121.
8. Aladyshkin et al. Development of electronic information and educational environment of the university 4.0 and prospects of integration of engineering education and humanities / I.V. Aladyshkin, S.V. Kulik, M.A. Odinskaya, A.S. Safonova, S.V. Kalmykova //Proceedings of the Conference »Integrating engineering education and humanities for global intercultural perspectives». ed. Anikina Z. Cham: Springer, 2020. P. 659–671.
9. Bolchek A. Smart university and digital transformation process of smart university // Technoeconomics. 2023. 2. 1 (4). P. 4–13.
10. Chernaya et al. University 4.0 concept: educational and scientific policies, innovative development of vocational education and training / I.P. Chernaya, N.N. Masyuk, V.S. Prosalova, A.G. Bodunkova, M.A. Bushueva // Frontiers in Education. 2023. 8, 1125361. <https://DOI:10.3389/feduc.2023.1125361>.
11. Decuypere et al. Introduction: Critical Studies of Digital Education Platforms / M. Decuypere, E. Grimaldi, P. Landri //Critical Studies in Education. 2021. 62(1), P. 1–16.
12. Duc Le VU et al. Developing a Conceptual Model for University 4.0 in the Digital Era / Duc Le VU, PHAN Thanh Tu, Thi Nhu Quynh VU, Van Kiem PHAM //Educational Administration: Theory and Practice. 2024. 30(4). P. 5697–5705.
13. Fernández et al. Digital Transformation Initiatives in Higher Education Institutions: A Multivocal Literature Review / A. Fernández, B.Gómez, K.Binjaku, E. Meçe //Education and Information Technologies. 2023. 28(10). P. 12351-12382.
14. Hazemi R., Hailes S. (eds.). The Digital University – Building a Learning Community. Heidelberg: Springer-Verlag. 2002. 252 p.
15. Heinemann C., Uskov V.L. Smart University: Literature Review and Creative Analysis // Smart Innovation, Systems and Technologies. Smart Universities. Springer International Publishing, 2017. P. 11-46.
16. Jugembayeva, B., Murzagaliyeva, A. Innovation readiness for digital learning within the University 4.0 Model //Asia Pacific Education Review. 2023. 25. 10.1007/s12564-023-09909-2.
17. Komljenovic, J., Williamson, B. The Political Economy of Datafication and Platformization: Digital Transformation in Higher Education // International Higher Education. 2025. No. 123.
18. Laterza et al. Critical EdTech Studies, Platforms and Platformisation in Higher Education: An Introduction/ V. Laterza, D.A. Thomas, L.H.A. de Andrade // D. A. Thomas, V. Laterza (eds.), Critical Perspectives on EdTech in Higher Education. Palgrave Macmillan, 2025. P. 1–20.
19. Maciá-Pérez et al. Modelling and Implementing Smart Universities: An IT Conceptual Framework / F. Maciá-Pérez, J.V. Berna-Martínez, I. Lorenzo Fonseca //Sustainability. 2021. 13(6). Article 3397. DOI: 10.3390/su13063397.
20. Nguyen Huu Duc et al. Conceptual and Rating Model of the V-SMARTH Smart University / Nguyen Huu Duc, Ha Quang Thuy, Pham Bao Son, Tran Trong Hieu, Ton Quang Cuong //VNU Journal of Science: Education Research, 2020. 36(2). P.1-16.
21. Tang et al. Digital Transformation in Higher Education: Logical Framework, Practical Dilemmas, and Implementation Approaches / J. Tang, P. Huang, S. Yan //Frontiers in Psychology. 2025. 16:1565591. – <https://DOI:10.3389/fpsyg.2025.1565591>
22. World Economic Forum. Defining Education 4.0: A Taxonomy for the Future of Learning. 13 January 2023. - <https://www.weforum.org/publications/defining-education-4-0-a-taxonomy-for-the-future-of-learning/>.

УДК 37

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шайхутдинова Г.А., Мухаметзянова Ф.Ш.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION TEACHERS

Shaikhutdinova G.A., Mukhametzyanova F.Sh.

Аннотация. В статье актуализируется проблема психолого-педагогического сопровождения педагогов системы среднего профессионального образования (СПО) в условиях современных вызовов. Авторы анализируют экономические, технологические и социальные факторы, влияющие на качество образовательного процесса, и приходят к выводу, что ключевым ресурсом для ответа на эти вызовы является сам педагог. Цель статьи обосновать необходимость создания целостной системы поддержки педагогов, включающей профессионально-дидактическое, психолого-педагогическое и методическое направления. Особое внимание уделяется роли инфраструктурных проектов, таких как Центры опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП), в создании условий для непрерывного развития педагогических кадров.

Abstract. The article highlights the issue of psychological and pedagogical support for teachers in the secondary vocational education (SVE) system under current challenges. The authors analyze economic, technological, and social factors affecting the quality of the educational process and conclude that the teacher themselves is the key resource for responding to these challenges. The article substantiates the need to create a comprehensive teacher support system, including professional-didactic, psychological-pedagogical, and methodological directions. Special attention is paid to the role of infrastructure projects, such as Advanced Training Centers («TsOPP»), in creating conditions for the continuous development of teaching staff.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, педагог, психолого-педагогическое сопровождение, профессиональное развитие, качество подготовки специалистов, Центры опережающей профессиональной подготовки.

Keywords: secondary vocational education, teacher, psychological and pedagogical support, professional development, quality of specialist training, Advanced Training Centers.

Среднее профессиональное образование (СПО) сегодня является динамично развивающимся сегментом российской образовательной системы.

Однако, его развитие тормозят новые вызовы, стоящие перед человечеством - инновационная технологическая повестка, уязвимость инфраструктуры, дефицит ресурсов, кадровый голод. Кроме того, за последнее десятилетие заметно изменился рынок труда и его структура. К работе приступили так называемые «миннелиалы, зумеры», при этом, молодые люди предпочитают работать удаленно или на фрилансе, также на рынке много работающих пенсионеров, что в целом не восполняет кадровый дефицит в квалифицированных специалистах. Все это последние несколько лет осложняется постоянным ростом новых технологий, освоение которых и обучение которым требует временных, материально-технических и ресурсных затрат. Все это приводят к тому, что учреждения СПО не успевают за всеми новациями: не успевают

вводить новые специальности для подготовки кадров, не хватает обученных педагогов, колледжи и техникумы испытывают недостаток ресурсов. Кроме того, сама молодежь, приходящая на обучение в систему СПО, не имеет сформированной мотивации для овладения профессиями, многие из них пришли в СПО по разным причинам: стремление быстрее стать самостоятельными и начать зарабатывать, из-за боязни сдавать ЕГЭ в школе, слабая успеваемость в школе и другие мотивы.

Решение вышеназванных задач мы видим в возможностях самой системы СПО:

1. Сотрудничество с работодателями. Для развития сотрудничества огромную роль играет федеральный проект «Профессионалитет», в рамках которого, практически с первого дня студенты колледжа работают на предприятиях, что обеспечивает тесное взаимодействие между работодателями и учебными заведениями. Фактически, «Профессионалитет» – это тоже самое дуальное обучение, где 30% обучения – теория, а 70% – практика. При этом работодатели высказывают огромную заинтересованность в принятии на работу выпускников колледжей, которые нацелены на развитие своей профессиональной карьеры.[1]

2. Адаптивность системы СПО к возникающим проблемам. Региональные рынки труда формируют запросы к выпускникам, в ответ на который учреждения СПО разрабатывают локальные учебные программы, сфокусированные на конечных результатах. В этом же ключе проектируются программы для взрослых обучаемых, так как многие СПО сегодня развивают направление – переквалификация в обучении взрослых.[9]

3. Освоение новых образовательных направлений, соответствующих актуальным социально-экономическим запросам. Речь идёт, в частности, о подготовке по новым специальностям, значимым не только для обучающихся в техникумах и колледжах, но и для взрослых слушателей, проходящих профессиональную переподготовку или находящихся на этапе смены профессии. Результатом такого освоения выступает приобретение выпускником востребованной на рынке труда квалификации и расширение его профессиональной мобильности, включая возможность выбора места трудовой деятельности.

В данных условиях ключевой фигурой, обеспечивающей трансляцию изменений в образовательный процесс, выступает педагог. Однако эффективная подготовка специалистов, отвечающих запросам экономики, возможна лишь при условии непрерывного профессионального развития самого педагога, включая освоение новых педагогических технологий и поддержание психологической устойчивости. Данное обстоятельство актуализирует проблему психолого-педагогического сопровождения профессионального развития педагогов системы среднего профессионального образования (СПО), придавая ей статус критически значимой.

В рамках предлагаемого подхода психолого-педагогическое сопровождение рассматривается как целостная, системно организованная деятельность, направленная на создание совокупности социально-психологических и педагогических условий, обеспечивающих успешное профессиональное развитие и личностное благополучие педагога. Целевым ориентиром данного сопровождения выступает не только преодоление актуальных профессиональных затруднений, но и актуализация внутреннего потенциала педагога к саморазвитию.

В основу исследования положена концепция сопровождения, разработанная в рамках отечественной психологии образования (Е.И. Казакова [7], М.Р. Битянова [2], Л.М. Шипицына [8], О.С. Газман [4]). Согласно данной концепции, сопровождение понимается как метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. Ключевые идеи:

Концепция сопровождения как охраны и поддержки психического здоровья (И.В. Дубровина [6]) – акцент на создании психолого-педагогических условий, гарантирующих полноценное психическое и личностное развитие.

Концепция «сопровождение – это не руководство, а содействие» (О.С. Газман [5]) – разграничение направляющей помощи и директивного вмешательства.

Модель сопровождения, ориентированная на зону ближайшего развития (Л.С. Выготский [3]) – выстраивание коррекционно-развивающей работы в зоне актуальных и перспективных возможностей личности.

Эффективная система сопровождения, на наш взгляд, должна строиться по трем взаимосвязанным направлениям, каждое из которых отвечает на определенную группу вызовов и потребностей.

1. Профессионально-дидактическое сопровождение призвано обеспечить рост предметной и методической компетентности педагога. Сегодня это невозможно без опоры на современную инфраструктуру. Ярким примером такой инфраструктуры являются Центры опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП), созданные в 84 субъектах Российской Федерации. Как отмечено на официальном сайте проекта, ЦОПП обеспечивают «синхронизацию системы подготовки кадров с актуальными и перспективными потребностями региональной экономики» [10].

Для педагогов СПО ЦОПП выступают уникальной площадкой для профессионального развития. Они не только предлагают программы повышения квалификации, разработанные под заказ реальных работодателей (более 5 тысяч таких программ уже реализовано), но и позволяют педагогам быть в курсе актуальных производственных и технологических процессов. Взаимодействие с тысячами предприятий-партнеров дает педагогам возможность выстраивать актуальное содержание обучения, а участие в сетевых профессиональных сообществах, создаваемых на базе ЦОПП, способствует обмену лучшими практиками и тиражированию инновационного опыта [10].

Особое значение такое сопровождение имеет для молодых педагогов, помогая им выстроить индивидуальную траекторию профессионального развития и быстрее адаптироваться к требованиям современного, быстро меняющегося образовательного ландшафта.

2. При разработке содержания психолого-педагогического сопровождения деятельности педагогов Институт развития образования РТ руководствуется рядом принципов, важнейшим из которых является принцип диверсификации, заключающийся в сочетании с одной стороны многообразия, а с другой – адресности направлений деятельности и образовательных программ. Современный этап развития профессионального образования вносит специфику в организацию совместной деятельности ИРО с педагогическим сообществом.

Психолого-педагогическое сопровождение направлено на сохранение и укрепление психоэмоционального здоровья педагогов, профилактику профессионального выгорания. Работа в системе СПО, сопряженная с высокой интенсивностью, работой со сложным контингентом обучающихся и постоянной необходимостью обновления знаний, создает высокие риски эмоционального истощения.

Программы этого направления должны включать тренинги личностного роста, семинары по развитию эмоционального интеллекта и навыков эффективной коммуникации со всеми субъектами образовательного процесса. Важно создавать в педагогических коллективах атмосферу поддержки и психологического комфорта. В Институте развития образования Республики Татарстан, например, накоплен положительный опыт проведения вебинаров и тренингов для педагогов СПО, направленных на профилактику профессионального выгорания.

Большую заинтересованность у педагогов вызывает новый цифровой проект «Виртуальная школа методиста «ПрофМетод». Цель образовательного проекта: совершенствование профессиональных компетенций руководящих и педагогических работников в области методического обеспечения образовательного процесса при реализации профессиональных образовательных программ. Инструменты обучения – образовательные подкасты – серия видеофайлов на заданную тематику для просмотра соответствующей целевой аудиторией. Подкаст ориентирован на краткий обзор по ключевой информации по актуальным проблемам или часто задаваемым вопросам. Важно отметить, что своевременное информирование и обучение педагогов по новым направлениям деятельности, объяснение новшеств в нормативно-правовой сфере деятельности, решение методических, воспитательных организационных, технологических задач с помощью образовательного подкаста позволяет не только снизить уровень стресса, но и повысить общую удовлетворенность педагогов своей профессиональной деятельностью, что напрямую влияет на качество их работы.[11]

3. Методическое сопровождение в современных условиях все больше смещается в сторону освоения инструментов, снижающих рутинную нагрузку и повышающих эффективность работы. Речь идет о помощи педагогам в овладении навыками работы с большими данными, использовании возможностей искусственного интеллекта для подготовки учебных материалов, организации веб-образования и работы с информацией в цифровой среде.

Результатом внедрения системы психолого-педагогического сопровождения становятся качественные изменения в профессиональной деятельности педагогов: рост компетентности и смена профессионального менталитета в сторону большей открытости инновациям; повышение удовлетворенности трудом и собственной значимости; рост социальной и профессиональной активности, участие в конкурсах (таких как «Мастер года»), конференциях, исследовательской работе; увеличение числа публикаций и разработка собственных методических продуктов; эффективное и осмысленное внедрение современных технологий в образовательный процесс, что является залогом подготовки конкурентоспособных специалистов для экономики страны [10].

О необходимости системного психолого-педагогического сопровождения педагогов системы среднего профессионального образования свидетельствует эмпирический опрос, проведенный авторами среди преподавателей организаций СПО Республики Татарстан. В опросе приняли участие 106 педагогов из различных профессиональных образовательных организаций РТ. Опрос проводился в форме анонимного анкетирования с использованием специально разработанной анкеты, включавшей вопросы закрытого и открытого типа.

Исследование преследовало следующие цели: выявить уровень актуальной потребности педагогов СПО в психолого-педагогической поддержке; определить наиболее востребованные форматы такого сопровождения; установить основные факторы, влияющие на психоэмоциональное состояние педагогов.

Ключевые результаты опроса:

71% опрошенных педагогов отметили, что испытывают потребность в дополнительном психолого-педагогическом сопровождении в процессе профессиональной деятельности. При этом 54% респондентов охарактеризовали эту потребность как «высокую» или «очень высокую», что указывает на системный запрос.

73% педагогов указали, что регулярно испытывают эмоциональное напряжение и стресс, связанный с образовательным процессом. Среди наиболее частых стресс-факторов респонденты назвали: высокую интенсивность труда и перегрузки (84%); работу со сложным контингентом обучающихся (76%); необходимость постоянного обновления содержания и методов обучения (68%); недостаток времени для восстановления (59%).

На вопрос «Испытываете ли Вы симптомы профессионального выгорания?» утвердительно ответили 58% педагогов, в том числе 17% сообщили о явных и устойчивых признаках выгорания. Эти данные коррелируют с общероссийской статистикой (по данным РАО, 55% российских учителей испытывают высокий уровень профессионального выгорания), однако в выборке педагогов СПО показатели оказались несколько выше средних, что, вероятно, объясняется спецификой контингента обучающихся и повышенными требованиями к психоэмоциональной устойчивости преподавателя профессиональной школы.

В порядке убывания приоритета педагоги выделили следующие форматы психолого-педагогической поддержки (возможно было выбрать несколько вариантов): тренинги по профилактике профессионального выгорания – 78%; обучение техникам саморегуляции и снятия стресса – 72%; психологическое консультирование (индивидуальное или групповое) – 65%; семинары по развитию эмоционального интеллекта и коммуникативных навыков – 61%; создание в коллективе атмосферы психологической поддержки – 57%; регулярный мониторинг психоэмоционального состояния педагогов – 43%.

На вопрос «Насколько актуально для Вас внедрение системы психолого-педагогического сопровождения именно сейчас?» 77% респондентов оценили актуальность в 4-5 баллов по 5-балльной шкале (средний балл составил 4,3). Многие педагоги (48%) подчеркнули, что в условиях повышенной нагрузки и дефицита ресурсов восстановления потребность в поддержке стала более острой именно в последние 1-2 года.

82% опрошенных заявили о готовности участвовать в программах психолого-педагогического сопровождения, если таковые будут организованы на базе их образовательной организации или регионального института развития образования.

Таким образом, полученные эмпирические данные полностью согласуются с теоретическим положением авторов о том, что психолого-педагогическое сопровождение является одним из трех ключевых направлений эффективной системы поддержки педагога наряду с профессионально-дидактическим и методическим. Выявленный в ходе опроса высокий уровень потребности в поддержке подтверждает актуальность и своевременность внедрения системных мер в данном направлении уже в краткосрочной перспективе. Следовательно, психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития педагогов СПО – это не разовые мероприятия, а стратегический приоритет образовательной политики. Интеграция усилий институтов развития образования, ЦОПП и самих образовательных организаций позволяет создать непрерывную, адресную и эффективную систему поддержки. Именно развитый, компетентный и психологически устойчивый педагог способен подготовить специалиста, отвечающего на вызовы времени, что, в конечном счете, определяет качество кадрового потенциала и технологическое будущее страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баканова И. Г., Капустина Л. В. Вызовы современной системе среднего профессионального образования и пути их решения // Концепт. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-sovremennoy-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 12.06.2026)
2. Битянова М.Р. Психологическое сопровождение учебного процесса: психолого-педагогические технологии. – М.: Чистые пруды, 2005. – 32 с. (Библиотечка «Первого сентября», серия «Школьный психолог», Вып. 2).
3. Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4: Детская психология. – М. Педагогика, 1984. – С. 244-268.
4. Газман О.С. Неклассическое воспитание: от авторитарной педагогики к педагогике свободы. – М.: МИРОС, 2002. – 296 с.

5. Газман О.С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. – М., 1995. – Вып. 3. – С. 58-63
6. Дубровина И.В. Практическая психология образования. – СПб.: Питер, 2004. – 592 с.
7. Казакова Е.И. Сопровождение развития: вариативность и индивидуализация // Развитие личности. – 2001. - № 2. – С. 137-153.
8. Казакова Е. И., Жданова М. А., Шипицына Л. М. Психолого-педагогическое консультирование и сопровождение развития ребенка: пособие для учителей и специалистов психолого-медико-педагогических служб. – М. ВЛАДОС, 2003. – 528с.
9. Новые векторы развития среднего профессионального образования: лучшие практики, проблемы, перспективы развития: сборник научно-практических материалов межрегиональной научно-практической конференции. Нижний Тагил: ГАПОУ СО «Нижнетагильский техникум металлообрабатывающих производств и сервиса», 2024. 357 с.
10. О проекте педагогам в СПО // Центры опережающей профессиональной подготовки: сайт. Москва. URL: <https://firpo.ru/corp/home/> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Шайхутдинова Г.А., Мухаметзянова В.Ш. Программы поддержки педагогов среднего профессионального образования: влияние на качество подготовки специалистов // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2025. № 2 (25). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82713549_18755776.pdf (дата обращения: 12.05.2026)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 31

ДРУЖБА, ВЛЮБЛЕННОСТЬ И ЛЮБОВЬ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Вайсбург А.В.

FRIENDSHIP, LOVE, AND MARRIAGE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Vaisburg A.V.

Аннотация. В статье представлен анализ феномена «любовь между мужчиной и женщиной». Приведены результаты социологического исследования, 2 фокус-групп с мужчинами и женщинами, в котором проанализированы мнения молодежи о дружбе, влюбленности и любви между разными гендерами. Исследованы возможность дружбы и эмпатии между мужчиной и женщиной. Сформулированы основные признаки влюбленности разных полов, дана характеристика любви и определена ее продолжительность. Выявлены различия в понимании измены, причины сохранения или прекращения отношений. Изучена роль кризисов в отношениях полов.

Abstract. The article presents an analysis of the phenomenon of «love between a man and a woman». It presents the results of a sociological study and two focus groups with men and women, which analyzed the opinions of young people about friendship, falling in love, and love between different genders. The article explores the possibility of friendship and empathy between a man and a woman. It identifies the main characteristics of falling in love between different genders, describes love, and determines its duration. The article also examines the differences in understanding infidelity and the reasons for maintaining or ending relationships. The article explores the role of crises in gender relations.

Ключевые слова: дружба, влюбленность, любовь, эмпатия, мужчина, женщина.

Keywords: friendship, infatuation, love, empathy, man, woman.

Отношения между мужчиной и женщиной во все времена интересовали умы множества ученых из различных научных сфер. Психологи, философы, политики изучают отношения полов для укрепления института брака, разработки государственных мер поддержки семей, преодоления бытовых кризисов. Однако, для социологов данная тематика выделилась как область конкретного феномена для исследований в конце XX-XXI вв. П. Сорокин одним из первых разработал концепцию амитологии – прикладной науки о дружбе и любви [4]. Т. Парсонс изучал любовь в рамках концепции нуклеарной семьи [2]. Э. Гидденс анализировал любовь через сексуальную идентичность собственного «Я» [1]. В последние годы все больше возросло количество социологических исследований, посвященных тематике любви. Причем анализируют любовь совершенно в разных аспектах: любовь и брак; песни о любви; любовь и сексуальные отношения; любовь в виртуальном мире; образец «классической» любви [3]; любовь как «социальный клей» и т.д.

В марте 2026 года было проведено социологическое исследование на тему «Представления о любви мужчины и женщины молодых жителей Твери: опыт фокус-группового исследования». Были проведены 2 разногендерные фокус-группы. В первой фокус группе участвовало 8 женщин с различным семейным положением: 1 – замужем, 5 – не замужем, 2 – в гражданском браке. Возраст участников женской фокус группы находится в пределах 21-23 года. Девушки преимущественно оценили своё материальное положение как среднее. Во второй фокус-группе участвовало также 8 мужчин: все холостые, в возрасте от 20 до 24 лет. Большинство участников мужской фокус группы оценили свое материальное положение как среднее – 6 человек, 1 – высокое, 1 – низкое. Автор выражает глубокую признательность всем участникам фокус-группового исследования, организаторам и модераторам – магистрантам 2 курса направления подготовки «Социология» Тверского государственного технического университета Боруленковой П., Нестеренко Т., Ицкову Н., Кутилову И.

Мужчины и женщины демонстрируют неоднозначный взгляд на тему дружбы между полами, признавая её как редкое исключение, а не норму, с акцентом на риски перехода в романтику. Во-первых, как у мужчин, так и у женщин присутствует идея, что «чистая» дружба возможна только при определённых условиях: длительное знакомство («например, с детства или юности») и «отсутствии сексуального влечения» или романтических подтекстов. Около половины женщин (3 из 8 человек) и мужчин (4 из 8 человек) подчёркивают неустойчивость таких отношений во взрослой жизни, особенно если есть партнёр, и связывают это «с общими темами для общения или индивидуальными случаями». Во-вторых, общим мотивом является признание, что дружба часто маскирует или перерастает в симпатию/отношения: женщины говорят о «неравенстве чувств и личных примерах перехода в романтику», мужчины – о «подсознательном желании и риске». Можно сделать вывод, что дружба подвержена внешним угрозам и может существовать только при наличии специальных условий.

Основные разногласия участников фокус-группы проявляются в эмоциональных оценках. Большинство информантов-женщин (5 из 8 человек) отрицают дружбу между мужчиной и женщиной (полностью или частично). Обосновывая это эмоциональными проявлениями в виде «ревности», «угрозы для пары», «восприятию дружбы с противоположенным полом как странного или негативного явления». Эти выводы они обосновывают примерами из личного опыта, когда дружба «вызывает подозрения, конфликты и страх потери партнёра». Среди участников-мужчин мнения разделились. 4 человека из 8 говорят о физиологических аспектах («подсознательном сексуальном желании», «гормонах»). А 4 мужчин считают дружбу между мужчиной и женщиной

возможной. Женщины чаще упоминают «эмпатию как естественное чувство, но с границами в парах, в то время как мужчины более толерантны и сосредоточены на рациональных критериях («отсутствие желания», «коммуникативный аспект»).

Другой аспект – влияние семейного положения: в женской группе участницы в отношениях или замужем (3 из 8 человек) усиливают скепсис, видя в дружбе «потенциальную угрозу из-за ревности и подозрений», основываясь на опыте перехода в романтику. Свободные женщины (2 из 8 человек) более открыты, акцентируя «эмпатию без романтических рисков». В мужской группе все холостые, что способствует большей открытости к исключениям и меньшему акценту на ревность.

Мужчины и женщины описывают влюблённость как начальный этап отношений с «эйфорией», «идеализацией» и «игнорированием недостатков», но с различиями в акцентах. Женщины подчёркивают эмоциональные аспекты («положительные эмоции», «желание проводить время вместе»), связь с опытом (опытные лучше разграничивают от любви) и необходимость усилий для поддержания влюбленности (от месяцев до всей жизни, чтобы сохранить романтику и избежать угасания). Мужчины фокусируются на «лёгкости», «симпатии», «окрылённости», биологических мотивах («гормоны, потребности») и меньшем упоминании длительности. Таким образом, среди общего в мужских и женских суждениях можно назвать: признание влюбленности как временного, эйфорического чувства, предшествующего любви, с идеализацией. В качестве различий: женщины более эмоциональны, практичны и ориентированы на долгосрочное поддержание влюбленности; мужчины рациональны, «биологичны» и видят её как лёгкую фазу.

Мужчины и женщины сходятся в описании любви как глубокого, стойкого чувства с уважением, доверием, поддержкой и терпимостью, отличающегося от влюблённости глубиной и долговечностью. Женщины акцентируют эмоциональную близость, комфорт, совместное развитие, практические аспекты («опора», «дом», «совместные цели», «терпимость к недостаткам») и осознанное принятие, с мотивами спокойствия и взращивания. Мужчины подчёркивают ответственность, отдачу («готовность давать больше»), близость и ценность, с рациональным балансом отдачи и альтруизмом. Сходства заключаются в том, что и мужчины, и женщины определяют любовь как осознанное развитие вместе, с взаимной поддержкой и отличием от влюблённости. Различия в понимании любви можно отметить в следующем: женщины эмоциональны и ориентированы на семью/быт; мужчины рациональны и альтруистичны (фокус на ответственности и отдаче). Также важно отметить, что мужчины чаще упоминают «ценность и поддержку», женщины – «эмоциональную глубину».

Женщины в основном видят любовь как глубокое, многослойное чувство, которое со временем меняется, но не исчезает. Для них является значимым эмоциональное взаимодействие, забота и взаимопонимание. Информанты говорили о том, что любовь может становиться «зрелой», «осознанной» со временем, но она всегда требует взаимного труда. Они охарактеризовали любовь как «процесс, включающий взаимное развитие партнеров». Мужчины-участники фокус-группы характеризуют любовь более реалистично. Для них любовь проявляется в чувстве «комфорта», «взаимоуважении» партнеров, «доверии». Они не склонны характеризовать любовь романтическими окрасами, а больше говорят о практической составляющей данного чувства («рядом спокойно», «нет негатива», «хочется быть с человеком без лишнего напряжения»). Для женщин же свойственен романтический окрас данного чувства, сопровождающийся «внутренними переживаниями».

Рассуждая о продолжительности любви мужчины склонны считать, что чувства ослабевают со временем и любовь превращается в привязанность или даже привычку. Для них это естественный процесс – не конец любви, а её спокойная форма. Так, в их высказываниях звучало: «чувства выветриваются», «остаётся просто привязанность». Женщины же верят, что любовь может продолжаться всю жизнь. Но тоже говорят о её

трансформации. Она становится «тише и глубже», становится скорее «уважением или благодарностью». Женщины придают этой модификации больше эмоционального смысла, мужчины – рационального.

Обе группы сходятся в том, что главной причиной разрушения отношений является измена или предательство. Женщины акцентируют внимание на эмоциональной стороне измены – «утрате доверия», «обмане», «моральной боли». Они воспринимают измену как глубокое внутреннее предательство. Мужчины говорят о ней проще и прямее: измена – это поступок, после которого «отношения теряют смысл». Для них это чёткая граница, за которой любовь заканчивается. Кроме того, мужчины часто упоминают «угасание интереса» и «бытовую рутину» как естественные причины распада. Женщины чаще связывают охлаждение чувств с «отсутствием общения и эмоциональной близости».

Женская группа разделяет измену на физическую и моральную, но при этом подчёркивает, что даже невинное внимание к другой женщине или мужчине может вызывать боль. Почти все участницы говорили, что физическую измену не простили бы, но в некоторых случаях готовы понять моральную слабость, если человек осознал ошибку.

Мужчины также делят измену на физическую и эмоциональную, однако оценивают её более рационально. Физическую – считают недопустимой, эмоциональную – обсуждают с долей иронии, говоря, что многое зависит от контекста. Некоторые отмечают, что лёгкий флирт допустим, если он не выходит за границы. Однако мужчины солидарны во мнении, что измена «подрывает доверие и разрушает дальнейшие отношения».

Отношение к кризисам в любви разнится у мужчин и женщин. Для участниц женского пола кризисы в отношениях воспринимаются как стимулы, способы проверки любви и ее укрепления. При условии, что оба партнера готовы работать над собой. Под «работой» они понимают «открытый разговор» о возникающих проблемах, умение «слушать и слышать». Мужчины воспринимают кризисы в любви как признак несовместимости и усталости от отношений, а также потерю доверия к партнеру.

Таким образом, большинство участников фокус-группы считают невозможной дружбу между мужчиной и женщиной без романтического подтекста. Влюбленность рассматривают как временный этап, основанный на эйфории. Для женщин свойственно эмоциональное восприятие любви, продолжающееся всю жизнь, основанное на заботе и взаимопонимании. Кризисы в отношениях для них дают толчки для развития диалога. Для мужчин любовь – более рациональное чувство, включающее в себя комфорт, стабильность и спокойствие. Для них любовь со временем превращается в привычку, а кризисы рассматриваются как точка разрушения отношений. Обе группы считают физическую измену как признак финала любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб.: Питер, 2004.
2. Евсеева Я.В. Социология любви // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 3. Философия. – 2018. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-lyubvi-obzor> (дата обращения: 12.06.2026)
3. Климова С.В. Социальный феномен любви // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 79–88.
4. Сорокин П.А. Современная любовь // Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994. – С. 256–266

УДК 31

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСНЫЕ БАРЬЕРЫ ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ВУЗЕ

Евлоева М.Д.

INSTITUTIONAL RESOURCE BARRIERS TO DIGITAL SOCIALIZATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN UNIVERSITIES

Evloeva M.D.

Аннотация. В статье отмечается стремление российского государства реализовать идеи гуманистического отношения к людям с ОВЗ и инвалидностью, что проявляется в тенденции интеграции данной категории населения во все сферы жизни общества, а для молодежи – прежде всего в сферу образования. Социальный институт высшего образования, отвечая на вызовы времени, стремится встроиться в сложную систему отношений информационной цивилизации, адаптироваться к ее требованиям. При этом, основные функции данного института, среди которых образование и воспитание остаются фундаментальными, сохраняют свою значимость. В статье представлены результаты анализа институциональных барьеров цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью, среди которых наиболее серьезными, препятствующими успешности этого процесса, выступают ресурсные – финансовые, материальные и кадровые. Обосновано, что нормативные ресурсы регулирования процесса интеграции студентов исследуемых категорий в социокультурную среду вуза, при всей их полноте, могут также выступать барьерами цифровой социализации в силу их некорректной трактовки акторами образовательного процесса. Делается акцент на роли кадровых ресурсов социального института образования, представленных институциональными акторами, и на барьерах цифровой социализации, связанных с недостаточно профессиональным выполнением ими функций агентов данного процесса.

Abstract. In the article notes the Russian state's commitment to implementing a humanistic approach to people with disabilities, which is reflected in the trend toward integrating this population group into all spheres of society, and for young people, primarily into education. Responding to the challenges of the times, higher education strives to integrate into the complex system of relationships within the information civilization and adapt to its demands. At the same time, the core functions of this institution, including education and upbringing, remain fundamental and retain their significance. This article presents the results of an analysis of institutional barriers to the digital socialization of students with disabilities, the most significant of which are resource-related (financial, material, and personnel) barriers to the success of this process. It is substantiated that the regulatory framework for integrating these students into the sociocultural environment of the university, despite their comprehensiveness, can also act as barriers to digital socialization due to their incorrect interpretation by educational actors. The emphasis is placed on the role of human resources of the social institution of education, represented by institutional actors, and on the barriers to digital socialization associated with their insufficiently professional performance of the functions of agents in this process.

Ключевые слова: социальный институт высшего образования, цифровая среда вуза, цифровая социализация, студенты с ОВЗ и инвалидностью, институциональные ресурсы вуза, ресурсные барьеры цифровой социализации, институциональные агенты.

Keywords: social institution of higher education, digital environment of the university, digital socialization, students with disabilities, institutional resources of the university, resource barriers to digital socialization, institutional agents.

Актуальность исследования проблемы институциональных барьеров цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью обусловлена необходимостью реализовать потенциал социального института высшего образования в сфере профессиональной подготовки специфического контингента обучающихся. В Федеральном законе от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» отмечается: «Государство поддерживает получение инвалидами образования и гарантирует создание инвалидам необходимых условий для его получения. Поддержка общего образования, профессионального образования и профессионального обучения инвалидов направлена на: 1) осуществление ими прав и свобод человека наравне с другими гражданами; 2) развитие личности, индивидуальных способностей и возможностей; 3) интеграцию в общество» [9]. В 2025 году Президент России Владимир Путин поручил компетентным организациям сформировать и представить идеи по совершенствованию системы образования для детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью [8]. Действия высших органов власти РФ направлены на всестороннее решение проблем детей и молодежи с ОВЗ и инвалидностью, в том числе в сфере образования. Такая позиция российского государства соответствует мировым прогрессивным тенденциям в отношении ценностных приоритетов высшего образования. В статье «Жизненные ценности университетов России и новейшие тенденции их трансформации в глобализирующемся мире» отмечается: «Во многих университетах позиционирование их ценностей соответствует видению Великой хартии университетов и охватывает идеи автономии высших учебных заведений, гуманизма, развития моральных ценностей, качества образования, качественной профессиональной подготовки и создания условий для самореализации студентов» [11, с. 149].

Однако не всегда наметившаяся положительная тенденция в изменении той или иной сферы общества обретает реальные черты, воплощаясь в практические действия, приносящие желаемые результаты. Информационная цивилизация развивается столь стремительно, что социальные институты, в том числе социальный институт высшего образования, не успевают отвечать на вызовы времени. Освоение цифровой среды образовательного учреждения, который в научной литературе интерпретируется как цифровая социализация [2], [3], [6], для студентов вуза с ОВЗ и инвалидностью осложняется не только специфическими особенностями здоровья данного контингента, создающими трудности их интеграции в социокультурную среду вуза, но и объективными препятствиями – институциональными барьерами. «Поиск технологий удержания студентов с ОВЗ и инвалидностью, повышения качества их профессиональной подготовки возможен на основе исследовательских практик по идентификации барьеров институциональной образовательной среды во внутриуниверситетской плоскости» – констатируют Л.Н. Боронина и С.В. Ольховикова [1, с. 171]. Однако барьеры, препятствующие цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью в вузе, не исчерпываются их наличием во внутренней среде вуза. Высшие учебные заведения, как любая социальная организация, имеют внешнюю среду, которую составляют нормативные правовые акты федерального, регионального или местного уровней власти, учредители, попечители, рынок труда и другие факторы. Ю.С. Савенкова и А.А. Советкина, выделяя внешние факторы конкурентоспособности вуза, пишут: «Существенные изменения происходят в настоящее время в мегасреде: в мировом экономическом пространстве идут процессы глобализации и интеграции национальных экономик, что предъявляет определенные требования к содержанию

подготовки будущих специалистов. Факторы макросреды едины для всех вузов страны, а микросреда у каждого региона своя» [10, с. 185].

Исследование институциональных барьеров цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью – многоаспектная тема, которая затрагивает жизненно важные проблемы, касающиеся интеграции данной категории населения в общество.

Обозначенная в названии статьи проблема отражает реально существующее противоречие между необходимостью интеграции молодежи с ОВЗ и инвалидностью в современное цифровое пространство социума, в том числе и посредством получения профессионального образования в вузах, и наличием разного рода институциональных ресурсных барьеров вузовской среды, препятствующих этому процессу.

Проблемное поле темы цифровой социализации обучающихся с ОВЗ и инвалидностью представлено исследованиями ее многообразных направлений, базирующихся на различных теоретических подходах и методологических позициях. Задача изучения цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью, которая решается в данном исследовании, состоит в том, чтобы выявить именно социологический аспект анализа. Вектор исследования определяется в таких темах, как данная, предметной определенностью той или иной науки. Исходя из того, что предметом социологии является социальное, то есть, совокупность общественных отношений, их генезис, становление, развитие и функционирование, сделаем акцент на определенности проблем цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью именно предметной областью данной науки. В контексте данного исследования социальным субъектом – носителем общественных отношений выступает социальный институт высшего образования, в структуре которого его агенты – студенты и преподаватели – также вступают в определенные общественные отношения. Именно поэтому проблемы с цифровой социализацией студентов с ОВЗ и инвалидностью связаны, прежде всего, с институциональными особенностями самого высшего образования.

Высшее учебное заведение как структурный элемент социального института образования должно иметь необходимые составляющие: нормативную базу, регламентирующую возможность обучения студентов данных категорий в цифровой среде вуза, материальные, финансовые, информационные, кадровые ресурсы для обеспечения их успешной интеграции в социокультурную, в том числе цифровую среду образовательного учреждения. При исследовании институционального аспекта темы с необходимостью возникает вопрос об институциональных барьерах, препятствующих цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью, при этом, нельзя не отметить справедливость слов А.Ф. Кокулова: «От барьеров на пути к цифровой активности трудно избавиться, так как они являются объективными препятствиями, которые ограничивают прогресс даже при наличии технических средств и доступа к ресурсам» [4, с. 244]. В статье Л.Н. Бороной и С.В. Ольховиковой представлена интересная классификация барьеров инклюзивного образования, на основе анализа материалов Уральского федерального университета. Ими выделены: «Стартовые барьеры профессиональной подготовки лиц с ОВЗ и инвалидностью (физические и оценочные); академические, отражающие уровень компетентности профессорско-преподавательского состава в образовательной подготовке студентов с ОВЗ и инвалидностью» [1]. Наиболее близко к теме нашего исследования выделение авторами публикации функциональных барьеров, среди которых в первую очередь выделяются адаптационные барьеры.

Интересное исследование представил А.Ф. Кокулов, касающееся восприятия цифровой активности, преимуществ и барьеров цифровых навыков студенческой молодежи. Для реализации целей эмпирического социологического исследования им была предложена классификация барьеров: «ресурсные (нехватка времени, дороговизна курсов), когнитивные (неуверенность в себе), инфраструктурные (отсутствие интернета

или устройств), институциональные (нет подходящих курсов) и мотивационные («моего уровня достаточно», «нет причин развивать навыки»)» [4]. Согласно полученным им данным, «На первом месте оказалась нехватка времени, на которую указал 51 % респондентов. Данный показатель является самым универсальным среди выявленных барьеров. Вторым по значимости стал финансовый фактор: дороговизну образовательных программ отметили 16 % опрошенных, среди студентов из малообеспеченных семей – до 19 %. Здесь напрямую проявляется связь между материальным положением и доступом к образованию. К основным барьерам относится также неуверенность в собственных силах – в целом по выборке 15 %, но среди юношей он выше (21 % против 12 % у девушек), а в группе с низким уровнем дохода этот показатель достигает 19 %» [4, с. 243-244.].

При рассмотрении процесса цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью необходимо учитывать, какие препятствия могут встречаться на пути успешной реализации потенциала каждого из ресурсов, создающих необходимую образовательно-воспитательную среду, в которую должен успешно интегрироваться студент, относящийся к рассматриваемой социальной категории. Недостаточность финансовых средств негативным образом сказывается на возможности обеспечения цифровой образовательной среды, доступной для студентов с ОВЗ и инвалидностью. Это выражается в первую очередь в оснащении аудиторного фонда вуза и помещений для внеаудиторных занятий (воспитательных, научных, проективных, культурно-массовых, спортивных и других) оборудованием, пользование которым приемлемо и удобно для студентов с ОВЗ и инвалидностью. Можно констатировать, что финансовые барьеры непосредственно связаны с барьерами материальными.

Ресурсным элементом социального института высшего образования является его нормативное правовое обеспечение. Нормативные правовые акты федерального и регионального уровней, уровней субъектов РФ имеют достаточно высокий регулятивный потенциал, отражающий возможности вузов в приеме, обучении и профессиональной подготовке студентов с ОВЗ и инвалидностью. Однако в научной литературе отмечается, что нормативные правовые акты не всегда имеют однозначное толкование, и зачастую не могут быть правильно интерпретированы самими студентами с ОВЗ и инвалидностью, их родителями или управленческими структурами вуза. Такие ситуации не только выступают барьерами успешной социализации данной категории студентов, в том числе в цифровую среду вуза, но и могут стать причинами конфликтов, негативным образом отражающимися на социально-психологическом самочувствии обучающихся. Для предотвращения появления таких ситуаций и снижения негативной роли нормативных правовых барьеров цифровой социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью необходима организация юридического сопровождения всех этапов интеграции студента в социокультурную среду вуза: от поступления до трудоустройства.

Кадровые ресурсы социального института образования представлены институциональными агентами, к которым относятся, как управленческие структуры вуза, так и индивидуальные субъекты образовательного и воспитательного процесса. Ресурсным кадровым барьером в аспекте представления в этом статусе преподавателя может выступить педагогическая некомпетентность обучающего, отсутствие навыка работы с изучаемым контингентом студентов, нежелание вникать в его проблемы.

Исследование обозначенных в статье проблем средствами социологической науки на основе применения институционального подхода в теории и проверки полученных выводов с помощью эмпирического инструментария позволит глубже проанализировать действие институциональных барьеров цифровой социализации в вузе студентов с ОВЗ и инвалидностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боронина Л.Н., Ольховикова С.В. Барьеры инклюзивного образования в высшей школе //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024.№ 81. С. 165-174.

2. Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде //Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. № 1. С. 40–49.
3. Дудина О.В. К вопросу о структуре цифровой социализации в контексте современного образования //Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 161–166.
4. Кокулов А.Ф. Восприятие цифровой активности, преимуществ и барьеров цифровых навыков студенческой молодежи //Огарёв-online. 2025. Т. 13, № 3. С. 236–247.
5. Королева ЮА. Барьеры цифровой социализации обучающихся с ограниченными возможностями здоровья //Проблемы современного педагогического образования. 2024. №. 84-1 С. 142-146.
6. Кузнецова Е.А. Цифровая социализация молодежи //Социология. 2023. №3. С. 59-66
7. Методические рекомендации по реализации принципов сопровождения студентов с инвалидностью и ОВЗ в системе высшего образования. Утверждены Министерством науки и высшего образования 27 августа 2025 г. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412620119/> (дата обращения – 30.06.2026).
8. Путин поручил улучшить систему образования для детей-инвалидов. Режим доступа: <https://ria.ru/20250208/putin-1998126432.html?ysclid=mr06h9rqhd551940259> (дата обращения – 30.06.2026)
9. Российская Федерация. Законы. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (последняя редакция) //КонсультантПлюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/?ysclid=mr0rh0cepd694314744 (дата обращения – 28.06.2026)
10. Савенкова Ю.С., Советкина А.А. Управление конкурентоспособностью вуза в современных социально-экономических условиях // Вопросы образования.2009. №4. С. 183-198.
11. Popkova Z.V., Kozlova A.Y., Shadzhe A.M., Barsukova T.I. Life Values of Universities in Russia and the Latest Trends in Their Transformation in the Globalizing World //Education in the Asia Pacific Region. 2025. 75. PP. 149-156.

REFERENCES

1. Boronina L.N., Olkhovikova S.V. Barriers to Inclusive Education in Higher Education // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2024. No. 81. Pp. 165-174.
2. Grevtseva G.Ya. Digital Socialization of an Individual in the Educational Environment // Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical Sciences. 2022. No. 1. Pp. 40-49.
3. Dudina O.V. On the Structure of Digital Socialization in the Context of Modern Education // Bulletin of ChSPU named after I.Ya. Yakovlev. 2021. No. 3 (112). Pp. 161-166.
4. Kokulov A.F. Perception of Digital Activity, Benefits, and Barriers to Digital Skills among Student Youth // Ogarev-online. 2025. Vol. 13, No. 3. pp. 236–247.
5. Koroleva, Yu.A.. Barriers to Digital Socialization of Students with Disabilities // Problems of Modern Pedagogical Education. 2024. No. 84-1, pp. 142–146.
6. Kuznetsova, E.A. Digital Socialization of Youth // Sociology. 2023. No. 3. pp. 59–66
7. Methodological Recommendations for the Implementation of the Principles of Supporting Students with Disabilities and Special Needs in the Higher Education System. Approved by the Ministry of Science and Higher Education on August 27, 2025. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412620119/> (accessed on June 30, 2026).
8. Putin ordered improvements to the education system for children with disabilities. Available at: <https://ria.ru/20250208/putin-1998126432.html?ysclid=mr06h9rqhd551940259> (accessed on June 30, 2026)
9. Russian Federation. Laws. On the social protection of persons with disabilities in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1995 N 181-FZ (latest revision) //ConsultantPlus. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/?ysclid=mr0rh0cepd694314744

(date of access – June 28, 2026) 10. Savenkova Yu.S., Sovetkina A.A. Managing the competitiveness of a university in modern socio-economic conditions // Voprosy obrazovaniia. 2009. No. 4. pp. 183-198.

11. Popkova Z.V., Kozlova A.Y., Shadzhe A.M., Barsukova T.I. Life Values of Universities in Russia and the Latest Trends in Their Transformation in the Globalizing World // Education in the Asia Pacific Region. 2025. 75. pp. 149-156.

УДК 31

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МОРДОВИИ НАСЕЛЕНИЕМ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Козин В.В.

ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN MORDOVIA BY THE REGIONAL POPULATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL IDENTITY

Kozin V.V.

Аннотация. В статье на основе прикладного социологического исследования определен уровень удовлетворенности население региона положением дел в Республике Мордовия. Выявлены различные виды социальной идентичности, а также построена их рейтинговая шкала. Осуществлена попытка определения взаимосвязи между удовлетворенностью социально-экономическим положением региона и уровнем различных видов социальной идентичности.

Abstract. Based on an applied sociological study, the article determines the level of satisfaction of the region's population with the state of affairs in the Republic of Mordovia. Various types of social identity are identified, and a rating scale is constructed. An attempt is made to determine the relationship between satisfaction with the socioeconomic situation in the region and the level of various types of social identity.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, удовлетворенность, идентичность, регион, рейтинг, общегражданская идентичность, локальная / региональная идентичность, опосредованная взаимосвязь.

Keywords: socio-economic development, satisfaction, identity, region, rating, civic identity, local/regional identity, mediated relationship.

Значительная социально-экономическая дифференциация регионов – одна из отличительных черт Российской Федерации: где-то экономика растет, уровень жизни высокий, а где-то сохраняются проблемы с доходами, инфраструктурой и рынком труда. Это выражается в значительном разрыве в валовом региональном продукте (ВРП) на душу населения, разница в средних зарплатах между регионами порой превышает трехкратный размер, значительном разрыве в уровне безработицы, неравномерности в развитии транспортной, энергетической, социальной инфраструктуры, различии в уровне образования, квалификации кадров, активности в сфере профессиональной подготовки, а так же демографических факторах (уровень рождаемости, миграция населения и т. п.). Эти факторы, в значительной степени, определяют уровень социально-экономического развития региона.

Республика Мордовия характеризуется неустойчивыми природно-климатическими условиями, отсутствием природных ресурсов (нефть, газ, минералы),

невысокой плотностью населения. Более того, экономическая активность концентрируется в крупных центрах с развитой инфраструктурой. Это объективные сдерживающие факторы ее социально-экономического роста. По данным рейтингового агентства РИА Рейтинг Мордовия поднялись в социально-экономическом рейтинге с 62 на 57 место среди других регионов России [6]. Оценка положения в регионе выражается через комплекс количественных и качественных показателей, как отдельных, так и сводных (интегральных).

Основными группами показателей являются: экономические, бюджетно-финансовые, социальные, демографические, инфраструктурные и экологические характеристики. На основе этих показателей строятся рейтинги и сводные индексы. Например, интегральный рейтинг социально-экономического положения региона, индекс его конкурентоспособности, рейтинг инвестиционной привлекательности, индекс человеческого развития (ИЧР) на региональном уровне и т. п. Источниками информации всегда выступают данные официальной статистики: Росстат (сборники «Социально-экономическое положение России», региональные статистические ежегодники); Минфин РФ (данные о бюджетах и госдолге субъектов); Банк России (инвестиционные и финансовые показатели); региональные органы власти (ведомственная статистика, программы развития).

Их данные носят объективный характер. Несколько иначе обстоит дело с субъективной оценкой. Это восприятие населением качества его жизни и уровня благополучия, основанное на личных ощущениях, ожиданиях и опыте. Она дополняет объективные показатели (ВРП, уровень безработицы, доходы и т. д.) и позволяет учитывать нематериальные аспекты жизни (удовлетворенность условиями труда, доступностью различных услуг, экологической обстановкой, социальной стабильностью и т. д.) [2]. Источником информации в данном случае являются различные опросы, исследования общественного мнения.

Информационной базой исследования стал опрос, проведенный в апреле 2026 г. во всех муниципальных районах Республики Мордовия. Объем выборочной совокупности составил 700 чел. Репрезентирующими признаками выступили пол, возраст, место проживания (ГО Саранск, город (административные центры муниципальных районов, поселки городского типа и сельские поселения) и национальность. ГО Саранск был отнесен в отдельную группу, так как там проживает каждый третий житель республики. Статистическая погрешность выборки не превышает $\pm 3,7\%$ при доверительной вероятности 95%.

Результаты нашего опроса показывают, что положение дел в Республике Мордовия 39% респондентов оценивают, как «скорее хорошее», 27% – «хорошее», 17% как «скорее плохое» и 10% – «плохое» (рис. 1). Несмотря на то, что в целом население республики (66%) оценивают положение дел как относительно благоприятное, почти каждый третий (27%) усомнился в этом благополучии. В 2025 г. опрос показал 48 и 39%. Таким образом, оценка населением положения дел в Мордовии имеет положительную динамику.

Статистически значимых отличий при ответах на этот вопрос по полу, возрасту и уровню образования выявлено не было. Отмечено, что более критичную оценку дают жители ГО Саранск (48% положительных и 42% отрицательных ответов и 1% затруднившихся ответить), городов (муниципальных районных центров) – 71%, 23% и 6% соответственно. Менее критично настроены сельские жители – 85%, 10% и 6% соответственно. Также следует отметить относительно больший процент неудовлетворенности среди мордвы (мокши и эрзи) по сравнению с русскими и татарами.

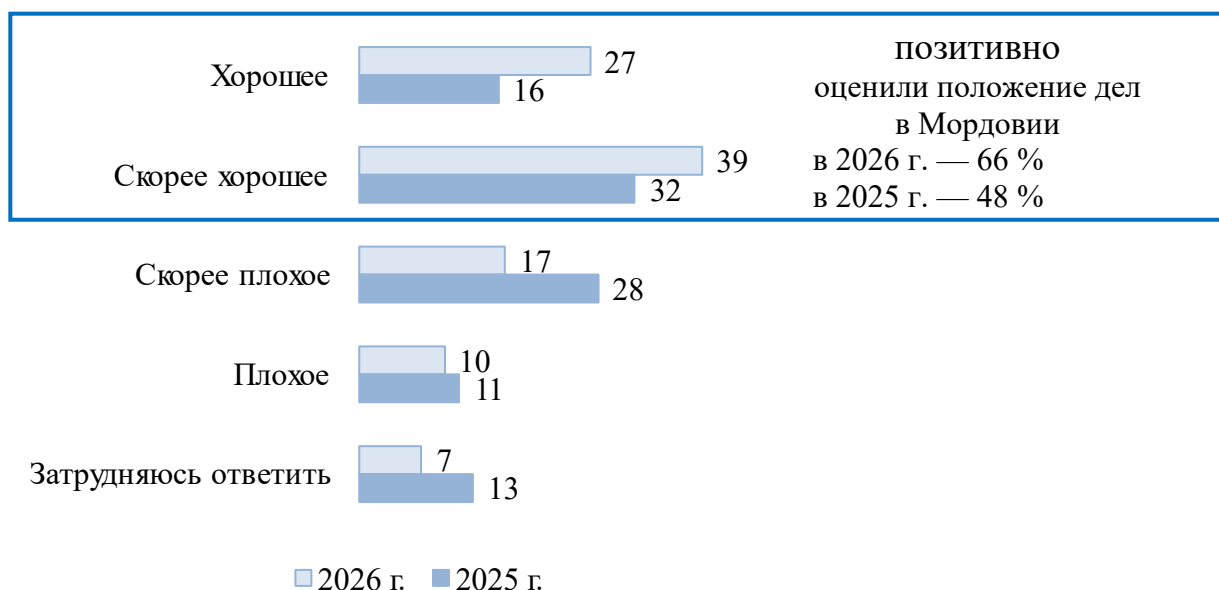

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Если говорить в целом, как Вы оцениваете положение дел в Республике Мордовия?», %

Характеризуя какую-либо локальность (в нашем случае административно-территориальную, национальную республику) мы всегда сталкиваемся с проблемой идентичности. Идентичность (от лат. *identicus* – тождественный, одинаковый) – тождественность, одинаковость, совпадение каких-либо характеристик. В социально-гуманитарном знании этот термин обозначает осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик. Это своего рода ответ на вопрос «Кто я? Кто мы?».

Идентичность включает: переживание принадлежности к социальным группам (социальная идентичность), формирующаяся в процессе социализации; осознание отличий от других индивидов и групп; представления о моделях поведения и ценностных ориентирах; критерии для оценки окружающего мира и самооценки; ощущение целостности и непрерывности «Я» во времени и меняющихся ситуациях.

Таким образом, идентичность – это динамичная система представлений человека о самом себе и своей принадлежности к разным группам. Она помогает сохранять целостность «Я», ориентироваться в мире и взаимодействовать с окружающими. Идентичность не статична: она развивается, может переживать кризисы и трансформироваться на протяжении жизни [7]. Исследователи выделяют активную (группы, к которым человек относит себя часто) и фоновую (группы, к которым человек относит себя хотя бы иногда) идентичность [4]

Из множества видов идентичностей для нас несомненный интерес представляют: социальная (осознание принадлежности к различным группам); гражданская (принадлежность к государству); этническая (осознание своей этнической принадлежности); конфессиональная (религиозная принадлежность); региональная / локальная (связь с местом рождения, проживания).

Результаты опроса демонстрируют относительно высокий уровень различных видов идентичности, характеризуя ее многокомпонентность, когда у человека присутствует не одна целостная идентичность, а несколько отдельных состояний «Я», которые могут по-разному воспринимать мир (табл. 1):

Таблица 1. Частота ощущения близости с разными группами людьми – с теми, о ком можно сказать: «Это мы», %

Группа людей	Часто	Иногда	Практически никогда	Трудно сказать
1. Со всеми гражданами России	47	27	8	17
2. С жителями республики, где я живу	52	29	8	11
3. С теми, кто живет в том же городе (селе), что и я	53	31	7	10
4. С людьми моей национальности	53	29	6	12
5. С людьми моей веры	51	27	9	14
6. С людьми той же профессии, рода занятий, что и у меня	51	29	8	11
7. С людьми такого же достатка	42	28	13	17
8. С людьми, близкими мне по политическим взглядам	39	28	13	21
9. С людьми моего поколения, возраста	57	29	6	9

Следует отметить, что поколенческая идентичность (57 %), занимает лидирующую позицию на протяжении ряда лет (в 2024 г. – 63 %, в 2025 г. – 59 %), хотя и имеет некоторую тенденцию к снижению. Устойчиво высока доля этнической и региональной / локальной идентификаций. Устойчивыми аутсайдерами являются «аналогичный достаток» и «политические взгляды». Позиция «иногда» варьируется в диапазоне от 27 до 31%, т. е. каждый третий. Наибольшая доля «иногда» у жителей города / села (31%) и поколенческая идентичность (29%). «Практически никогда» (по 13%) идентифицируют себя респонденты аналогичного достатка и политических взглядов, «трудно сказать», иными словами «ушли от ответа» (21 %) позиция по политическим взглядам, что может указывать на сложность самоидентификации по политическим убеждениям и в наименьшей степени (9 %) поколенческая идентификация.

Группировка идентификации по типам общностей (территориальные, этнические, религиозные, идеологические и социально-демографические связи) показывает, что в категории «часто» место проживания усиливает частоту взаимодействия, религиозная принадлежность важнее политической, а возрастная близость важнее профессиональной и материальной. Относительно общегражданской идентичности («Со всеми гражданами России»), то этот показатель устойчиво ниже, чем для локальных групп (город, республика), но выше, чем для политических и материальных связей.

Таким образом, выявлен приоритет локальных связей. Чем ближе социальная группа территориально или демографически, тем выше частота взаимодействия. Весьма значима этническая и религиозная принадлежность, но они уступают возрастной и территориальной идентичностям. Наименее важны политические и материальные аспекты идентификации. Они наименее выражены. Особенно максимальна неопределенность для политики, что может являться следствием нежелания декларировать свои взгляды, «размытости» политической идентификации и сложности оценки частоты общения по этому критерию. Следует отметить устойчивость этих характеристик в 2024 и 2025 гг. Двухмерное распределение ответов (по репрезентирующим признакам: пол, возраст, место проживания, национальность) в целом соответствует структуре одномерного распределения.

В современных условиях в нашей стране и во всем мире становится все более актуальным вопрос гражданской идентичности (самосознания). В России он стоит особенно остро, критическое значение он приобрел для «бывших» россиян. В Стратегии

государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 г. общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) определяется как «... осознание гражданами Российской Федерации своей принадлежности к Российскому государству, российскому народу, обществу, ответственности за судьбу страны, готовности вносить личный вклад в ее развитие, а также приверженность традиционным российским духовно-нравственным и культурно-историческим ценностям» [5]. Следует иметь ввиду, что в многонациональной России осуществляется подход к нации, национальностям как согражданству. В этом случае гражданская идентичность фактически совпадает с национальной идентичностью. При традиционном для русского языка подходе, когда нация воспринимается как этап развития этноса, эти понятия различны. У представителей титульных народов гражданская и национальная идентичности могут дополнять и поддерживать друг друга, а у нетитульных народов они могут вступать в противоречие. Можно выделить различные компоненты гражданской идентичности, формирующие это понятие. Во-первых, знание истории и политических процессов страны (помогает понять устройство государства и вступить с ним в доверительные отношения). Во-вторых, осведомленность о законах и правах гражданина. В-третьих, общие ценности и нормы поведения, принятые в обществе. В-четвертых, язык как объединяющий фактор и др [1, 3]. Она важна на личном, общественном и государственном уровнях. Ответы на вопрос, «Кем Вы себя ощущаете прежде всего», отражающие уровень общегражданской идентичности жителей Республики Мордовия, отражены на рисунке 2. Результаты опроса выявили некоторое доминирование двойной идентичности. Наибольшая доля респондентов (40%) ощущает себя одновременно и жителями России, и жителями Мордовии. Это говорит о том, что для значительной части населения региона важно сочетание общероссийской и региональной идентичности – люди не противопоставляют эти уровни принадлежности, а воспринимают их как взаимодополняющие. Сильна общероссийская идентичность. Более трети опрошенных (38%) в первую очередь ощущают себя жителями России. Это указывает на значимость общегражданской идентичности; влияние федеральных институтов, СМИ, общей истории и культуры, а также возможную ориентацию на общероссийские ценности и интересы.

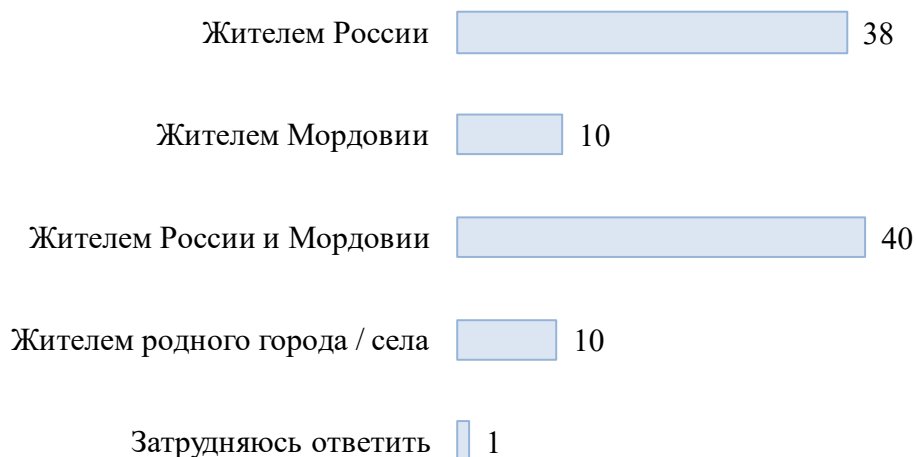

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя ощущаете прежде всего?», %

Выявлен умеренный уровень региональной и локальной идентичностей. По 10% респондентов в первую очередь ассоциируют себя либо с Мордовией, либо с родным городом / селом. Это может означать: для части жителей региона республиканская

идентичность (язык, традиции, местная культура) играет ключевую роль; другая часть сильнее привязана к непосредственному месту проживания – семье, соседям, локальной инфраструктуре. Отмечен минимальный уровень неопределенности. Лишь 1% опрошенных затруднились с ответом. Вероятно, это говорит о четкости представлений людей о своей идентичности, корректной формулировке вопроса и высокой вовлеченности респондентов в тему.

Соотношение групп идентификации (общероссийской, двойной и локальной) показывает, что двойная идентичность доминирует над «чистыми» вариантами. Это, на наш взгляд, связано: с политикой общероссийского и регионального патриотизма; активной культурной жизнью Мордовии, укрепляющей местную идентичность без противопоставления центру; миграционными процессами: люди, переехавшие в другие регионы, могут сохранять связь с Мордовией, но ощущать себя в первую очередь россиянами.

Результаты опроса демонстрируют баланс между общероссийской и региональной идентичностью с явным преобладанием сочетания этих уровней (40%). Это говорит о стабильности социокультурной ситуации в регионе: люди гордятся принадлежностью к стране, но сохраняют связь с малой родиной. Минимальное число затруднившихся с ответом (1%) подтверждает актуальность темы и осознанность выбора респондентов.

Двухмерное распределение ответов подтверждает доминирование двойной идентичности при значительной доле общероссийской по всем репрезентирующим признакам, за некоторым исключением. Например, для респондентов в возрасте 18-29 лет более характерна общегражданская идентичность (44%) по сравнению с двойной (36%), для русских (42 и 36%) и татар (48 и 27%) соответственно.

Это обусловлено, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, сочетание факторов миграции, государственной политики, социально-экономических условий, влияния глобализации и медиа способствует тому, что для молодежи в Мордовии общегражданская идентичность оказывается более значимой, чем двойная (общероссийская и региональная).

Во-вторых, в Мордовии общероссийская идентичность составляет основу территориальной идентичности жителей. Ощущение сопричастности к политическому сообществу россиян рассматривается как одна из важнейших осознаваемых ценностей. Это может быть связано с тем, что «жить в России» воспринимается как неотъемлемая часть идентичности россиян, тогда как региональная принадлежность часто ассоциируется с более локальными и иногда проблемными аспектами. Здесь тоже имеет место сочетание исторических традиций, политики властей, социально-экономических условий и этнической специфики. Оно способствовало тому, что для русских и татар Мордовии общероссийская идентичность оказалась более значимой, чем двойная идентичность, включающая региональный компонент.

Следует отметить, что исследование выявило опосредованную связь между удовлетворенностью населением положением дел в Республике Мордовия и уровнем гражданской идентичности. Сопоставление уровней удовлетворенности и различных видов идентичностей показывает почти полное совпадение структуры ответов. Каждому уровню удовлетворенности соответствует тот же перечень идентификации, что и при одномерном распределении.

Опосредованность характерна многонациональному региону, особенно национальной республике, которой является Мордовия. На самоидентификацию одновременно влияют разные факторы: этническая, региональная, гражданская идентичности. Иногда этническая или локальная привязанность «перевешивает» в конкретных проблемах, и тогда связь гражданской идентичности с общей удовлетворенностью регионом размывается. На гражданскую идентичность влияют вещи, не сводимые к сиюминутной удовлетворенности: историческая память,

государственная политика, медиа, образование, примеры лидеров мнений. Человек с сильной гражданской идентичностью может критически оценивать ситуацию в республике, но при этом сохранять чувство принадлежности к стране в целом.

Таким образом, при оценке положения дел в Мордовии преобладают умеренно-позитивные оценки («скорее хорошее»). Это говорит о том, что люди видят позитивные моменты, но не готовы дать однозначно высокую оценку. Вместе с тем, высока суммарная негативная оценка населения (27%). Это почти каждый третий, что нельзя игнорировать при планировании региональной политики. Не выявлена прямая зависимость между уровнем удовлетворенности населения социально-экономическим развитием региона и гражданской идентичностью. Взаимосвязь носит опосредованный характер, на которую влияет комплекс различных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгина Н.В. Психологическая структура гражданской идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 241-249.
2. Качество жизни населения: векторы гармонизации регионального социума: монография / Н.П. Касаткина, Л.Н. Курышова, Т.И. Кирдяшкина, О.Н. Еурмышкина, М.Ф. Федосеева; под ред. Л.Н. Курышовой, В.П. Миничкиной; Научный центр социально-экономического мониторинга. – Саранск, 2025. – 128 с.
3. Семенова Д. М., Афонин М. В., Кудрявцев С. А. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты // Политконсультант. 2023. Т. 3. № 1. URL: politicjournal.ru (дата обращения 29.05. 2026).
4. Соколова Л. Ю., Ханова Е. В. Факторы межэтнической напряженности и конфликтов на территории России // Научный результат. Социология управления. 2024. Т. 10. № 1. С. 154.
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Утверждена Президентом Российской Федерации 25.10.2025 г. № 858.
6. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2025 г. / <https://riarating.ru/infografika/20260615/630297920.html> (дата обращения 27.05 2026).
7. Федотова В. А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» 2024. Т. 47. М 1. С. 131–149.

УДК 31

ДЕТИ, БРАК И КАРЬЕРА В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНЧЕСТВА

Панкратова Л.Э., Пермякова Т.В.

CHILDREN, MARRIAGE AND CAREER IN THE SYSTEM OF STUDENT LIFE STRATEGIES

Pankratova L.E., Permyakova T.V.

Аннотация. Демографический кризис во всем мире и в России заставляет обратить внимание исследователей на жизненные планы и места в них детей, брака и семьи у такой перспективной социально-демографической группы как студенческая молодежь. Для выявления основных проблем и тенденций в отношении семейных ценностей весной 2024 года было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 75 студентов вузов г. Екатеринбурга. Исследование проводилось с применением качественной методики. Результаты анализа позволяют обозначить

следующие модели жизненных стратегий с акцентированием в них матримониальных и репродуктивных установок: «детоцентристская/традиционалистская»; «профессионально-семейная»; «профессионально-карьерная», «стихийная» модель. Анализ данных моделей жизненных стратегий студентов представляется важным для понимания перспективных демографических процессов и формирования принципов и методов воспитательной работы в образовательных организациях.

Abstract. The demographic crisis around the world and in Russia forces researchers to pay attention to the life plans and the place of children, marriage and family in such a promising socio-demographic group as students. In order to identify the main problems and trends in family values, a sociological study was conducted in the spring of 2024, in which 75 university students from Yekaterinburg participated. The study was conducted using a qualitative methodology. The results of the analysis allow us to identify the following models of life strategies with an emphasis on matrimonial and reproductive attitudes: «child-centered / traditionalist»; «professional and family»; the «professional and career», «spontaneous» model. The analysis of these models of students' life strategies is important for understanding promising demographic processes and the formation of principles and methods of educational work in educational organizations.

Ключевые слова: жизненные стратегии студентов, жизненные планы, репродуктивные стратегии и установки, родительство, семейные ценности.

Keywords: students' life strategies, life plans, reproductive strategies and attitudes, parenthood, family values.

Демографические проблемы в современном мире становятся все более актуальными. Это затронуло и нашу страну: происходит снижение рождаемости, увеличение количества людей, откладывающих или не планирующих завести семью, выбирающих «жизнь соло», делающих выбор в сторону карьеры, а не семьи; планирующих рождение одного (или вообще выбирающих бездетность) ребенка, что не может быть позитивным в условиях современного общества, где смертность зачастую превышает рождаемость. Особенно показательным в этом отношении является такая социально-демографическая группа как студенчество, которую государство склонно считать потенциальным ресурсом для демографического и интеллектуального воспроизводства и восполнения населения. Как формируются репродуктивные планы и стратегии данной категории в контексте жизненных планов студентов? Каково место и роль детей, брака, карьеры в этих жизненных стратегиях? Анализ этих составляющих жизненных стратегий студентов и является целью данной статьи.

В изучении жизненных стратегий студентов можно выделить два основных подхода – социологический и психологический. Первый подход (Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина, П.А. Амбарова, М.В. Певная, А.А. Кузьминчук) [6], А.В. Винокурова, Т.Б. Хамаганова [1] делает объектом исследования факторы, влияющие на формирование жизненных стратегий, цели и место данных стратегий в социальной структуре общества у конкретной социальной общности или группы. Психологический подход (А.В. Воронцова, М.А. Райкина [3], Е.Е. Блинова [2] и др.) делает акцент на личностной составляющей, видении индивидом способов построения своей будущей жизни. Что касается изучения жизненных стратегий студентов и места в них детей, брака, семьи, то исследование, проведенное в Тольятти в 2023 году О.В. Кораблевой и С.В. Явон, выявило тенденцию к отложенному деторождению, малодетности, представлениям о том, что наличие детей препятствует карьерному росту и связано с различными ограничениями и большой ответственностью [4].

Принимая во внимание сенситивный характер темы, связанной с изучением репродуктивных аспектов, наиболее эффективным представляется использование качественных методов, позволяющих получить более неформальные и глубокие

результаты. В проведенном в 2024 году исследовании репродуктивных стратегий студентов вузов Екатеринбурга приняли участие 75 студентов. В исследовании использованы методы полуструктурированного письменного опроса и качественный (типологический) анализ полученных ответов.

Одной из задач исследования стало определение места брака, семьи и детей в перспективном сценарии дальнейшей жизни. С целью конкретизации матримониальных и репродуктивных планов в жизненной перспективе студентам было предложено выстроить стратегию собственной жизни (примерно до 40 лет) в порядке очередности и приоритетности, с указанием примерного возраста, используя такие жизненные ориентиры (цели), как учеба в университете, окончание университета, начало профессиональной деятельности, неофициальные брачные отношения, вступление в брак, жизнь для себя, рождение первого ребенка, профессиональный рост (карьера), рождение второго ребенка и любые другие.

Результаты анализа позволяют обозначить следующие модели жизненных стратегий с акцентированием в них матримониальных и репродуктивных установок.

1. «Детоцентристская/традиционалистская». Матримониальная и репродуктивная цели укладываются в схему «университет – брак – рождение ребенка/детей» и предполагают их реализацию примерно до 30 лет. Такая модель характерна для небольшой части опрошенных девушек и соответствует традиционалистской репродуктивной стратегии: 18-22 – учёба в вузе, возможно работа и переход на заочку; 22-25 – выходу замуж, рождение ребёнка; 25-27 – второй ребёнок, как захочется; 27-30-32 – третий ребёнок... (ж17,18). Здесь доминирующей является ориентация на семейные ценности (брак, дети), тогда как профессиональная деятельность и карьера отодвигаются на второй план.

2. «Профессионально-семейная» модель характеризуется схемой «университет – профессиональная деятельность – брак – рождение детей». Для этой модели характерна установка на рождение детей после 25 лет, она является приоритетной для большинства опрошенных студентов, но имеет несколько разновидностей, обусловленных прежде всего периодом профессиональной деятельности после окончания университета. Для некоторой части студентов (преимущественно девушек) этот период составляет 2-3 года, чтобы успеть закрепиться в профессиональной сфере и «оправдать» получение диплома. По сути, этот вариант достаточно близок «детоцентристской» модели.

Большая часть опрошенных студентов, выстраивая жизненную стратегию, существенно расширяет (до 5-7 лет) период между окончанием университета и рождением детей. Этот период включает не только профессиональную деятельность, но и неофициальные брачные отношения и «жизнь для себя» (путешествия, развлечения). Для студентов этой группы важной становится не только профессиональная деятельность сама по себе, но и профессиональный рост, реализация карьерных устремлений. Вступление в официальный брак отодвигается или предполагает брачные отношения и «жизнь для себя» без детей. Рождение первого ребенка эта группа откладывает на период 26-30 лет: 21 – окончание университета, 21-22 – работа, жизнь для себя, неофициальные брачные отношения, 22-23 – профессиональный рост, 23-24 – вступление в брак, 25-26 – жизнь для себя, профессиональный рост, путешествия (возможно, рождение первого ребенка). И далее – жизнь для себя, личностное развитие, где-то, может быть, рождение второго ребенка (ж7,18). Как правило, рождение ребенка студенты планируют в рамках официальных отношений (зарегистрированного брака) и лишь в единичных случаях студенты допускают ситуацию, когда рождение ребенка предшествует браку. Девушки в случае желаемого рождения нескольких детей (как правило, двух) планируют их рождение практически один за другим, без большого перерыва, юноши предполагают определенный (3-4 года) перерыв. Юноши (что вполне закономерно) в большинстве случаев планируют немного более поздний возраст вступления в брак (26-28 лет) и более позднее рождение детей (около 30 лет). Учеба в

университете 18-22; начало профессиональной деятельности 22; неофициальные брачные отношения 25-26; вступление в брак 27-28; жизнь для себя 22-25; рождение первого ребенка 29-31; профессиональный рост (карьера) 22-50; рождение второго ребенка 34-37 (м1,19).

Обе модели (со всеми нюансами) предполагают завершение репродуктивного периода примерно в 35-36 лет (девушки), а дальше стабилизация семейной жизни, достижение профессиональных целей, а в отдельных случаях «жизнь для себя».

3. «Профессионально-карьерная» модель выражена у небольшого числа опрошенных студентов и характеризуется отсутствием в жизненных планах матримониальных и репродуктивных намерений. Представители этой группы ориентированы на получение высшего образования, включающего бакалавриат и магистратуру и профессиональную деятельность: 26-55 – профессиональная деятельность, повышение квалификации, своих умений и навыков, профессиональное развитие (ж11,21).

В рамках данной модели можно выделить случай, характеризующий явно идеалистический, абстрактный характер жизненной стратегии: В 22 году поступить в магистратуру. В 24 поступить в аспирантуру и пойти обучаться на эксперта ЕГЭ. В 26 написать докторскую, получить учёную степень. Параллельно начать работать вузе или школе (ж33,19). Можно приветствовать подобный оптимизм в отношении собственного будущего, но совершенно ясно, что такой подход нереалистичен и в лучшем случае намеченные сроки будут сдвинуты и увеличены жизненными и профессиональными обстоятельствами, в худшем – нереализованность планов и разочарование.

4. «Стихийная» модель характеризуется неопределенностью, размытостью репродуктивных планов, неготовностью прогнозировать свое будущее, ссылаясь на стихийность и непредсказуемость жизненных обстоятельств. К этой же группе можно отнести представления, характеризующиеся абстрактностью, незрелостью жизненных планов, поверхностным отношением к собственному будущему или нежеланием о нем серьезно задумываться: хорошая работа (22), покупка квартиры (22- 30), много путешествий, и там уже после этого нагуляюсь и дети, может... (ж31,18). Подобные представления встречаются в единичных случаях, но и они важны для понимания перспективных демографических процессов и формирования принципов воспитательной работы в образовательных организациях.

Выделенные модели жизненных планов в аспекте матримониальных и репродуктивных намерений полностью согласуются с типами репродуктивных стратегий студентов, обозначенных нами на предыдущих этапах исследования [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокурова, А.В., Хамаганова, Т.Б. Основные теоретические подходы к исследованию жизненных стратегий в зарубежной и отечественной науке // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 7. – С. 64-70.
2. Воронцова, А.В., Блинова, Е.Е. Жизненные стратегии студентов вуза: особенности сравнительного анализа // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 2. – С. 496-510.
3. Воронцова, А.В., Райкина, М.А. Особенности построения жизненных стратегий студентами: психолого-педагогическое сопровождение в образовательной среде // Science for Education Today. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 30–52.
4. Кораблева, О.В., Явон, С.В. Семья и жизненные планы молодежи: опыт социологического исследования // Российские исследования. Культура и общество. – 2024. – № 8. – С. 4-17.
5. Панкратова, Л.Э., Пермякова, Т.В., Чебыкина, И.В. Репродуктивные намерения и ориентации как факторы формирования репродуктивных стратегий студентов (по материалам эмпирического исследования). Экономические и гуманитарные исследования регионов // 2024. – № 6. – С. 95-105.

6. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: [монография] / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук ; – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2014. – 200 с.

УДК 31

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ И ЦИФРОВЫХ ЭКСКУРСИЙ НА ВОСПРИЯТИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Рюмишина Е.В., Балян Е.В.

THE IMPACT OF VIRTUAL TRAVEL AND DIGITAL EXCURSIONS ON PERCEPTION OF CULTURAL DIVERSITY AND TOLERANCE

Ryumshina E.V., Balyan E.V.

Аннотация. В условиях усиливающейся глобализации, сопровождающейся как позитивными взаимодействиями, так и вызовами сохранения уникальности, способность виртуальных технологий «приближать» далекие культуры, делая их понятными и близкими, приобретает критическое значение для построения более открытого, толерантного и взаимосвязанного общества. Осознанное развитие этого направления – важный вклад в укрепление мира и взаимопонимания в многополярном мире. В данной статье рассматривается контекст культурного разнообразия в условиях глобализации. Также рассмотрено будущее этих технологий и их потенциальное влияние на изучение культурного разнообразия и углубление взаимодействия между народами. Важной частью исследования станет анализ результатов опроса пользователей виртуальных экскурсий, который позволит нам понять, какие аспекты культурного разнообразия наиболее ярко воспринимаются и как они влияют на формирование толерантности.

Abstract. In the context of increasing globalization, accompanied by both positive interactions and challenges of preserving uniqueness, the ability of virtual technologies to «bring closer» distant cultures, making them understandable and close, is of critical importance for building a more open, tolerant and interconnected society. The conscious development of this area is an important contribution to strengthening peace and mutual understanding in a multipolar world. This article examines the context of cultural diversity in the context of globalization. The future of these technologies and their potential impact on the study of cultural diversity and the deepening of interaction between peoples are also considered. An important part of the study will be the analysis of the results of a survey of users of virtual excursions, which will allow us to understand which aspects of cultural diversity are most vividly perceived and how they affect the formation of tolerance.

Ключевые слова: глобализация, культурное разнообразие, виртуальные путешествия, цифровые экскурсии, культурная идентичность, виртуальная реальность, межкультурная коммуникация.

Keywords: rituals, social stability, business society, collective identity, social regulation, corporate culture, cultural traditions, state rituals, communication.

Глобализация представляет собой непрерывный процесс, влияющий на все аспекты жизни общества, включая культурное разнообразие. Это явление ведет к взаимодействию различных культур, которое характеризуется как взаимным обогащением, так и угрозами утраты уникальности отдельных культурных идентичностей [1].

Виртуальные путешествия становятся важным инструментом для расширения понимания культурного многообразия и формирования толерантности в современном обществе. Это связано с тем, что они предоставляют пользователям возможность «посетить» разные культурные среды без необходимости физического перемещения. Исследования показывают, что такие формы путешествий способствуют формированию электронного культурного пространства и расширяют границы образования [2]. Интерактивные платформы, предоставляющие виртуальные туры, обладают особым потенциалом для людей с ограниченными возможностями, расширяя их доступ к культурному разнообразию за пределами привычной среды.

На данный момент виртуальные путешествия также включают такие технологии, как дополненная и виртуальная реальность, которые делают взаимодействие с культурным наследием более доступным и увлекательным. Однако критический момент заключается в том, что эти технологии не должны и не могут заменить традиционные формы взаимодействия с культурой, такие как посещение музеев и театров. Виртуальные туры скорее служат дополнением, создавая вспомогательную среду для изучения и понимания. Необходимость интеграции виртуальных путешествий в образовательные процессы и культурные инициативы обусловлена современными вызовами глобализационного характера. Совершенствование соответствующих технологий формирует потенциал для конструирования культурной идентичности и установления межэтнического взаимопонимания. Предполагается, что последующие культурные события в онлайн-среде сохранят тенденцию к адаптации в соответствии с развитием технологической базы и аудиторными ожиданиями.

Современные технологии кардинально трансформируют способы межкультурного взаимодействия, предоставляя новые средства коммуникации и обмена информацией. Виртуальные путешествия, такие как онлайн-экскурсии по культурным и историческим памятникам, становятся важным инструментом формирования культурной идентичности и содействия толерантности. Эти технологии поднимают культурный диалог на новую высоту, позволяя глубже постигать традиции и специфику разных народов. Виртуальные платформы сближают людей из разных стран, укрепляя международное сотрудничество и взаимопонимание. Эти платформы создают пространство, где пользователи могут познакомиться с многообразием культур, получая возможность взглянуть на мир через призму других традиций и обычаев. При этом для успеха необходимо сохранять равновесие между новыми средствами общения и важностью непосредственного контакта с культурой [3]. Виртуальные экскурсии открывают доступ к важным культурным и историческим объектам, делая их изучение доступным для широкой аудитории. Одним из ярких примеров является Третьяковская галерея, где пользователи могут ознакомиться с почти 6 500 произведениями искусства из удобства своего дома. Проект «Моя Третьяковка» демонстрирует новое направление в музейной практике, побуждая пользователей делать пожертвования на развитие галереи, что усиливает личностную связь с культурным наследием [4]. Переход к виртуальным турам исторических зданий, таких как Зимний дворец, позволяет лучше понять архитектуру и историю. Пользователи могут перемещаться по залам и этажам, изучая текстовые пояснения, что предоставляет знания, недоступные при обычных экскурсиях. Такой подход расширяет границы восприятия культурных объектов и дает возможность более глубокого изучения их значения [4]. Русский музей предлагает своим посетителям уникальную возможность ознакомиться с произведениями живописи и скульптуры, погружаясь в биографии авторов. Это создает возможность для пользователей не только увидеть искусство, но и понять контекст его создания, что значительно углубляет восприятие культурного наследия [4].

Все эти примеры подчеркивают, что виртуальные экскурсии не только обогащают знания, но и способствуют формированию более широкой толерантности и понимания культурного разнообразия. Возможность взаимодействия с культурными артефактами из

разных уголков мира создает условия для уважения и принятия разных культур, что является неотъемлемой частью современного общества. Однако результаты опросов ВЦИОМ выявили сложную динамику восприятия виртуальных экскурсий в России. Несмотря на достаточную осведомленность (66% респондентов знакомы с форматом, включая 16% хорошо информированных), глубина вовлеченности остается ограниченной: 34% впервые узнали о практике в ходе опроса, а 76% информированных граждан не отметили роста интереса даже в пандемию. Ключевым барьером является устойчивое неприятие цифровой замены реального опыта – 79% респондентов категорически отрицают возможность эквивалентности онлайн-тура очному посещению, связывая недостатки формата с утратой аутентичности (16%), неполнотой восприятия (10%) и дефицитом социального взаимодействия (7%) [5].

Для более детального понимания того, как виртуальные экскурсии влияют на восприятие культурного разнообразия и формирование толерантных установок целесообразно обратиться к результатам специализированного опроса пользователей данных сервисов. Хотя общероссийская статистика (ВЦИОМ) фиксирует определенный скепсис относительно замены реальных посещений, опрос среди активных пользователей виртуальных туров (N=450, проведен в онлайн-сообществах, интересующихся культурой и образованием) выявляет более характерную картину [6]. Согласно полученным данным, 72 % респондентов согласились с тем, что виртуальные экскурсии расширили их представления о культурах, с которыми они ранее не были знакомы. Наиболее значимый эффект зафиксирован для удаленных и труднодоступных регионов: например, 68 % опрошенных отметили, что после виртуального тура по буддийским монастырям Бурятии или музеям коренных народов Сибири их восприятие этих культур стало менее стереотипным. Особенно выразителен ответ на вопрос об изменении отношения: 54 % пользователей заявили, что интерактивные элементы (возможность «приблизить» артефакт, прослушать аудиогид на родном языке создателей контента, поучаствовать в виртуальном мастер-классе) вызвали у них чувство эмпатии и уважения к изучаемой культуре.

Важным выводом стало то, что формирование толерантности происходит не через пассивное созерцание, а через механизм «узнавания общего в ином». Респонденты, которые использовали виртуальные туры с элементами дополненной реальности (наложение исторических фотографий на современные виды города), в 1,8 раза чаще отмечали снижение ощущения «чуждости» другой культуры. Это подтверждает гипотезу о том, что технологическая опосредованность при грамотном дизайне не отчуждает, а напротив, создает безопасное пространство для первого контакта, снижая тревожность перед неизвестным. Кейс-стади успешных проектов иллюстрирует данный тезис. Например, международный проект «Глобальное наследие без границ» объединил виртуальные туры по 15 объектам ЮНЕСКО в Азии, Африке и Латинской Америке с живыми онлайн-дискуссиями с местными хранителями традиций. Опрос продемонстрировал, что у 81 % из них повысился уровень межкультурной компетенции, а 43 % заявили о намерении в будущем лично посетить регионы, с которыми познакомились в виртуальном формате [7]. Другой пример, российский проект «VR-Камчатка», где пользователи не только совершают панорамные экскурсии по вулканам и стойбищам, но и взаимодействуют с 3D-моделями предметов быта ительменов и коряков [8]. Анализ комментариев показал значительное снижение употребления уничижительных стереотипов и рост запросов на литературу о коренных народах.

Сравнение эффективности разных форматов виртуальных экскурсий подтверждает, что наиболее сильное влияние на толерантность оказывают не просто реалистичные изображения, а интерактивные нарративы, включающие голоса самих носителей культуры (Таблица 1).

Таблица 1 – Влияние различных типов виртуальных экскурсий на восприятие культурного разнообразия

Тип виртуальной экскурсии	Доля пользователей, отметивших снижение стереотипов, %	Доля пользователей, отметивших рост эмпатии, %
Панорамный 360° - тур без гида	31%	28%
Аудиовизуальный тур с профессиональным диктором	45%	52%
Интерактивный тур с элементами AR и комментариями местных жителей	78%	83%

Итак, эмпирические данные свидетельствуют о том, что виртуальные экскурсии способны выполнять не только образовательную, но и гуманистическую функцию. Ключевым условием является отказ от редукции культурного многообразия к набору «ярких достопримечательностей» и переход к диалоговым, персонализированным форматам, где пользователь чувствует себя не туристом-наблюдателем, а гостем, которого пригласили в другой мир. Этот вывод имеет прямое практическое значение для разработчиков культурных онлайн-платформ и педагогов, стремящихся использовать цифровые инструменты для воспитания толерантности.

Перспективы развития виртуальных экскурсий зависят не от соперничества с традиционными посещениями, а от того, как технологии помогут преодолеть существующие ограничения. Использование новые виртуальных технологий с тактильной обратной связью и трехмерными моделями позволяет сделать опыт более живым и эмоционально насыщенным. Совмещение виртуального и реального – например, возможность сначала побывать в виртуальном пространстве, а потом посетить музей лично, или просмотр «цифровых копий» экспонатов – поможет создать более полный и интересный опыт. Также онлайн-встречи с гидами и общение с другими посетителями в виртуальных пространствах помогут сохранить живое общение, которое часто теряется при виртуальном формате. Персонализированный контент и доступ к редким или хрупким предметам делают такие экскурсии особенно ценными.

Таким образом, виртуальные экскурсии могут стать отличным дополнением к традиционным способам знакомства с культурой, делая её доступнее для всех и расширяя возможности обучения. Их развитие зависит от того, смогут ли технологии сделать виртуальные посещения по-настоящему глубокими и живыми, а не просто копией настоящего опыта. В целом результаты опроса указывают на необходимость дальнейшего изучения влияния виртуальных экскурсий на восприятие культурного многообразия. Понимание предпочтений и интересов пользователей поможет лучше адаптировать форматы культурного взаимодействия, учитывая локальные и глобальные аспекты. Современному обществу необходимо глубоко изучать потенциал виртуальных экскурсий, выступающих инструментом не только познания, но и социальной коммуникации. Подобные туры выходят за рамки простой репрезентации культурных объектов, активно конструируя представления о других культурах через механизмы интерактивного диалога. Этот процесс, является формой культурного обмена и способствует повышению уровня толерантности у пользователей, интегрирующих новый культурный опыт в собственную систему восприятия.

Будущее виртуальных путешествий выглядит многообещающе. С развитием технологий, таких как виртуальная и дополненная реальность, возможности для погружения в другие культуры будут только расширяться. Это открывает новые горизонты для образования и культурного обмена, позволяя людям из разных уголков мира взаимодействовать и обмениваться опытом. Важно, чтобы разработчики и культурные

учреждения продолжали работать над созданием доступных и качественных виртуальных экскурсий, которые будут способствовать развитию толерантности и взаимопонимания.

Таким образом, виртуальные путешествия могут играть значительную роль в формировании более открытого и толерантного общества. В условиях усиливающейся глобализации, сопровождающейся как позитивными взаимодействиями, так и вызовами сохранения уникальности, способность виртуальных технологий «приближать» далекие культуры, делая их понятными и близкими, приобретает критическое значение для построения более открытого, толерантного и взаимосвязанного общества. Осознанное развитие этого направления – важный вклад в укрепление мира и взаимопонимания в многополярном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басок, А. В. Виртуальный тур как инструмент международной интеграции / А. В. Басок // Научные исследования. – 2019. – № 4 (30). – С. 53–54.
2. Искусство на карантине [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2025. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvo-na-karantine> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Коробейникова, Л. А. Глобализация в контексте культурного разнообразия / Л. А. Коробейникова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 30. – С. 73–80.
4. Моаллем, М. Влияние иммерсивной виртуальной реальности на межкультурную чувствительность будущих учителей / М. Моаллем, Ф. Агболаде // Журнал технологии и учительского образования. – 2025. – Т. 33, № 2. – С. 361–398.
5. Опейда, А. В. Виртуальное путешествие как современная разновидность культурного туризма / А. В. Опейда // Вестник Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств. – 2025. – № 1. – С. 112–117.
6. Прокудин, Д. Е. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве / Д. Е. Прокудин, И. И. Толстикова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – № 34. – С. 288–298.
7. Септиан, М. Р. Использование виртуальной реальности (VR) для моделирования межкультурного взаимодействия в развитии толерантности учащихся / М. Р. Септиан, Р. Сиддик, Д. Ф. Анниса // Образовательные технологии и общество. – 2025. – Т. 28, № 1. – С. 88–96.
8. Соломенцева, Е. А. 15 лучших виртуальных туров по музеям России [Электронный ресурс] // RUSSPASS MAG. – 2025. – URL: <https://mag.russpass.ru/rubric/instrukcii/15-luchshih-virtualnyh-turov-po-muzeyam-rossii> (дата обращения: 22.05.2026).

УДК 31

ЦИФРОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПОЕЗДКИ ПО СЕВЕРНОМУ КАВКАЗУ: ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Хугаев А.А.

DIGITAL SUPPORT FOR YOUTH TOURISM IN THE NORTH CAUCASUS: A QUALITATIVE RESEARCH EXPERIENCE

Khugayev A.A.

Аннотация. Цель исследования в обосновании того, что тенденция цифровизации стратегий туристского поведения российской молодежи получила распространение и на Северном Кавказе. Доказывается, что формирование туристских предпочтений молодежи и ее туристское поведение детерминированы в настоящее время

стремительной цифровизацией исследуемой индустрии. Туристское поведение определяется автором через определенные социальные практики, формирующиеся на пересечении институциональных регуляций, рыночных механизмов и повседневных культурных норм. В статье представлены результаты качественного исследования цифрового сопровождения молодежной туристической поездки по Северному Кавказу. Автор предложил в качестве одного из элементов инструментария эмпирического исследования аналитическую структуру качественной выборочной совокупности, включающей характеристики групп информантов, данные по численности глубинных интервью, основания включения основных аспектов опроса, связь с авторскими социологическими моделями туристского поведения молодежи. Итогом анализа эмпирических данных выступает полученная в ходе исследования характеристика внутренней архитектуры цифрового сопровождения молодежной поездки. Выявлено, что цифровые туристские практики молодежи распределяются не по отдельным сервисам, а по этапам туристской траектории (вдохновения, реализации поездки). Показана особая роль блогеров, лидеров мнений и цифровых сообществ.

Abstract. The purpose of this study is to substantiate the fact that the trend of digitalization of tourist behavior strategies among Russian youth has also spread to the North Caucasus. It is demonstrated that the formation of tourist preferences of young people and their tourist behavior are currently determined by the rapid digitalization of the industry under study. The author defines tourist behavior through certain social practices formed at the intersection of institutional regulations, market mechanisms, and everyday cultural norms. This article presents the results of a qualitative study of digital support for youth tourist trips in the North Caucasus. The author proposed, as one of the elements of the empirical research toolkit, an analytical structure of a qualitative sample population, including characteristics of informant groups, data on the number of in-depth interviews, reasons for including key aspects of the survey, and connections with the author's sociological models of youth tourist behavior. The result of the analysis of empirical data is the characteristic of the internal architecture of digital support for youth trips obtained during the study. It was revealed that digital tourist practices of young people are distributed not by individual services, but by stages of the tourist trajectory (inspiration, trip implementation). The special role of bloggers, opinion leaders, and digital communities is highlighted.

Ключевые слова: молодежный туризм, Северный Кавказ, туристское поведение, цифровизация туризма, цифровая трансформация туристской индустрии, цифровое сопровождение туристической поездки, онлайн-агрегаторы в туризме.

Keywords: youth tourism, North Caucasus, tourist behavior, digitalization of tourism, digital transformation of the tourism industry, digital travel support, online tourism aggregators.

Актуальность социологического исследования концептуальных подходов к анализу туристского поведения обусловлена совокупностью факторов, формирующихся на пересечении глобальных социальных трансформаций и изменений в структуре индивидуальных практик, а также возрастающей значимостью теоретического осмысления и необходимости методологической структуризации новых исследовательских подходов к анализу современного туризма как сложного социального и культурного феномена в системе взаимодействия человека с глобализирующимся миром.

В исследовании цифровой трансформации туризма следует выделить работы таких ученых, как Н.А. Восколович [1], Н.А. Замятина, А.В. Збарская [4], Д.О. Изъюров, О.П. Фесенко [5], Л.Н. Новак, Л.А. Аникина, Б.Ю. Беляковский [8], В.Р. Тухватуллина, Л.А. Урманова [10] и других.

В русле институционального анализа туризм предстает как сложившийся социальный институт, в частности, многомерная система формальных и неформальных

норм, правил, рутин, санкций и организационных структур, обеспечивающих предсказуемое и легитимное производство, распределение и потребление туристских услуг [9]. В более общем социологическом контексте туристское поведение может быть описано как сложная конфигурация взаимно ориентированных практик, формирующихся в пересечении институциональных регуляций, рыночных механизмов и повседневных культурных норм. Особая актуальность фокуса на цифровизации туризма проявляется в региональной специфике Северного Кавказа. С одной стороны, государственная политика и стратегии развития макрорегиона ориентированы на формирование крупных организованных потоков и брендинг дестинаций в логике массового туризма. С другой стороны, эмпирические наблюдения и отдельные исследования свидетельствуют о том, что молодежь региона и приезжающая молодежь чаще ориентируются на более гибкие, автономные форматы поездок, такие, как трекинг, экотуризм, этнографические маршруты, блогер-трипы, поездки по совету друзей и локальных сообществ [7, с. 272-273]. В этом случае цифровые платформы выступают ключевыми медиаторами между локальными традициями гостеприимства, специфическими представлениями о риске и безопасности, а также современными сценариями молодежной мобильности.

Один из ключевых контекстов формирования туристских предпочтений молодежи задается стремительной цифровой трансформацией туристской индустрии. Российские исследования цифровизации туризма фиксируют, что цифровые технологии и платформы становятся центральным ресурсом управления туристскими потоками, маркетинга дестинаций и организации [10, с. 1378-1379]. Развитие онлайн-агрегаторов, сервисов бронирования, мобильных приложений, навигационных систем и платформ отзывов радикально изменяет способы поиска информации, планирования и реализации туристских поездок. Российские исследования показывают, что цифровизация туризма приводит к масштабной трансформации всей исследуемой отрасли. Работы Е.З. Герчиковой и Е.П. Спиридоновой акцентируют внимание на том, что в условиях цифровой экономики меняются не только технологии продаж, но и структура рекреационных практик [2, с. 186-189]. С.А. Кириллова выделяет «цифровую трансформацию как ключевой тренд развития туризма в постпандемийный период, подчеркивая значимость интеграции больших данных, мобильных приложений и облачных сервисов в управление туристскими потоками и коммуникацию с клиентами» [6, с. 75]. Исследования Н.В. Хомутовой, Е.С. Васильева, М.Б. Полтавской, сосредоточенные на поведении туристов в условиях пандемии COVID-19, показывают, что цифровые сервисы становятся не только инструментом покупки, но и способом снижения рисков, контроля за безопасностью и адаптации к неопределенности [11]. В сфере социального туризма анализ А.А. Горбатовой и С.А. Горбатова демонстрирует, «что цифровые технологии – от геоинформационных систем до систем искусственного интеллекта – служат условием расширения доступности льготных туристских услуг для социально уязвимых групп» [3, с. 153].

Цифровизация туризма в контексте данного исследования рассматривается не как внешнее технологическое дополнение к уже существующим практикам мобильности, а как специфическая инфраструктура выбора, структурирующая горизонты возможного и вероятного для молодых туристов, посещающих Северный Кавказ.

Выбор качественного исследования цифрового сопровождения молодежной туристической поездки по Северному Кавказу обусловлен тем, что Северный Кавказ выступает не нейтральным пространством туристского потребления, а особым региональным контекстом, который модифицирует сами формы молодежной мобильности. Природная привлекательность, этнокультурная насыщенность, локальные нормы гостеприимства, различия транспортной доступности, неодинаковая цифровая представленность территорий и сохраняющиеся имиджевые барьеры формируют неоднородное поле возможностей. Поэтому одна и та же установка на самостоятельность

может вести к разным сценариям поведения. Основанием анализа выступают экспертные интервью с информантами, имеющими профессиональный опыт в сфере туризма, экскурсионного сопровождения, молодежной работы, образования, продвижения дестинаций и регионального управления. Качественный этап анализа основан на массиве из 18 полужформализованных глубинных экспертных интервью. Единицей анализа выступает информант как носитель профессионального знания о молодежном туризме, цифровых практиках, региональных барьерах и сценариях развития туристской среды Северного Кавказа. Выборочная совокупность формировалась по принципам целевого и теоретического отбора, принятым в качественной социологической методологии. Информанты включались в исследование не по критерию формальной репрезентативности, а по степени их содержательной релевантности исследовательской задаче. Основными критериями включения были: профессиональная связь со сферой туризма или молодежной работы, регулярное взаимодействие с молодежной аудиторией от 18 до 35 лет, знание туристских практик Северного Кавказа, опыт наблюдения цифровых каналов выбора маршрутов, а также способность оценивать не только отдельные услуги, но и более широкие изменения туристского поведения.

Таблица 1 – Аналитическая структура качественной выборочной совокупности

Группа информантов	Количество интервью	Основание включения основных аспектов опроса	Связь с авторскими социологическими моделями туристского поведения молодежи
Гиды, инструкторы и организаторы авторских туров	6	Непосредственное наблюдение молодежных маршрутов, малых групп, запросов на аутентичность и персонализацию	Микроуровень туристской практики и типологическая модель стратегий
Представители туристского сервиса и инфраструктуры	3	Оценка размещения, транспорта, навигации, качества связи и сервисных разрывов	Региональная модель и индикаторы барьеров
Специалисты цифрового продвижения и коммуникаций	3	Понимание роли социальных сетей, визуального контента, отзывов, блогеров и цифровой видимости	Платформенная модель цифрового посредничества
Представители образования и молодежной работы	3	Наблюдение за мотивацией молодежи, образовательными поездками, событийными форматами и групповыми практиками	Многоуровневая модель и биографическая встроенность туризма
Представители управления, ассоциаций и институциональной поддержки туризма	3	Оценка региональных программ, сценариев развития и институциональных ограничений	Мезоуровень туристской индустрии и региональная модель
Итого	18	Содержательная насыщенность экспертного массива	Связь количественного и качественного этапов исследования

Единицей наблюдения на качественном этапе выступал информант как носитель профессионального опыта, а единицей анализа становился смысловой фрагмент его высказывания.

Анализируемый блок экспертного интервью раскрывает внутреннюю архитектуру цифрового сопровождения молодежной поездки. Важным результатом данного блока является то, что смартфон в экспертных оценках выступает не вспомогательным техническим устройством, а центральным узлом туристской практики. Через него молодой турист ищет идею поездки, сравнивает варианты, бронирует жилье, координирует группу, связывается с гидом, строит маршрут, а также ориентируется на местности. Таким образом, на микроуровне цифровой сервис организует индивидуальное решение, на мезоуровне связывает туриста, платформы, гида и локальный бизнес, на макроуровне участвует в перераспределении видимости между регионами и локациями Северного Кавказа. Смартфон – это их главный инструмент. В нем сейчас есть все от поиска идеи для поездки в ленте до навигации по офлайн картам в горах. Бронируют отели через приложения, координируются в мессенджерах и, конечно, делятся впечатлениями в сторис и постах (Информант 3. Гид и инструктор по горному туризму в Кабардино-Балкарской Республике). Данное высказывание позволяет уточнить индикаторы цифровизации туризма, заложенные в программе исследования. Цифровые практики распределяются не по отдельным сервисам, а по этапам туристской траектории. На этапе вдохновения доминируют социальные сети и видеоконтент. На этапе планирования значимы карты, чаты, агрегаторы и отзывы. На этапе реализации поездки возрастает роль офлайн карт, мессенджеров и связи с локальными посредниками.

Информанты подчеркивают, что цифровые технологии не просто обслуживают поездку, а создают новый тип туристской последовательности. Путешествие начинается раньше фактического выезда и продолжается после возвращения. В терминах платформенной модели это означает, что дестинация существует для молодого туриста сначала как визуально обнаруженная возможность, затем как маршрут, проверенный с помощью цифровых технологий, и далее, как физический опыт и опубликованный цифровой след. Именно этот цикл превращает туристскую практику в элемент сетевой коммуникации. Поиск осуществляют чаще через Instagram, TikTok или различные Telegram каналы. Само путешествие планируют через карты, сайты с отзывами, чаты в Telegram. Бронирование идет через мессенджеры, потому что в них проще договориться. Обмен впечатлениями, конечно же, через Instagram сторис, Telegram каналы и даже в режиме реального времени (Информант 10. Руководитель агентства авторских туров по Северному Кавказу). Данное высказывание показывает, что цифровая инфраструктура работает как связка между вдохновением, организацией и самопрезентацией.

Вторая линия анализа связана с тем, что цифровые технологии используются молодыми туристами для усиления самого опыта. Часть информантов указывает на появление практик, которые выходят за пределы базового поиска и бронирования. Речь идет о приложениях для распознавания звезд, цифровых реконструкциях исторических объектов, интерактивных маршрутах, картах историй и визуальных сервисах.

Особое место в исследовании занимает роль блогеров, лидеров мнений и цифровых сообществ. Информанты сходятся в том, что они уже не являются внешними рекламными посредниками. Они участвуют в производстве туристского спроса, выборе локаций, формировании доверия и перераспределении потоков. В логике исследования это подтверждает положение о платформах как механизмах видимости. Блогеры теперь не просто советуют, они формируют спрос. Если популярный блогер написал про какую-то деревню, на следующий день там уже будет очередь из желающих. Но доверие к инфлюенсерам с большим охватом падает, теперь больше верят узкопрофильным экспертам, тем, кто глубоко знает тему гор, или историкам, которые ведут свои каналы

(Информант 10. Руководитель агентства авторских туров по Северному Кавказу). Здесь проявляется важное смещение внутри самой цифровой среды. Массовый инфлюенсер сохраняет способность быстро создавать поток, но доверие постепенно переходит к узким экспертным каналам, локальным гидам, тематическим сообществам и людям с репутацией погруженности в регион. Полученный эмпирический результат позволяет уточнить индикатор платформенного доверия. Для молодежи значим не только охват источника, но и его воспринимаемая подлинность, компетентность и способность показывать не рекламный, а практический образ территории.

В совокупности данные интервью показывают, что цифровизация молодежного туризма на Северном Кавказе вступила в стадию усложнения. Базовые функции поиска, бронирования и навигации уже воспринимаются как обычная часть путешествия. Новым уровнем становятся персональные рекомендации, ситуативная адаптация маршрута, использование искусственного интеллекта, дополненная реальность, цифровые реконструкции, тематические сообщества и экспертный микроблогинг. При этом, рост цифровых возможностей не снимает противоречие между автономией и зависимостью. Молодой турист получает больше инструментов для самостоятельного выбора, но его выбор все сильнее проходит через алгоритмы, визуальные режимы, цифровых кураторов и платформенную инфраструктуру доверия.

Нельзя не отметить барьеры, возникающие на пути цифровизации туризма на Северном Кавказе. Информационные барьеры выражаются в разрозненности сведений о маршрутах, недостатке проверенной информации, слабой навигационной поддержке и расхождении между привлекательным цифровым образом дестинации и реальными условиями поездки. Цифровые барьеры связаны с нестабильной связью в горных районах, неполнотой онлайн-карт, слабой интеграцией сервисов, неодинаковой цифровой представленностью регионов и ограниченной готовностью отдельных территорий к самостоятельному туристскому планированию.

Таким образом, молодежный туризм на Северном Кавказе развивается как сфера, опосредованная цифровыми сервисами. Его потенциал определяется запросом молодежи на самостоятельный, уникальный и персонализированный опыт, а ключевые ограничения связаны, наряду с другими барьерами, с неравномерностью цифровой видимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восколович Н.А. На пути к цифровому туризму //Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 155-166.
2. Герчикова Е.З., Спиридонова Е.П. Социологические аспекты трансформации сферы рекреации и туризма в условиях цифровой экономики //Промышленность: экономика, управление, технологии. 2018. №3 (72). С. 186-189.
3. Горбатова А.А., Горбатов С.А. Цифровые технологии в сфере социального туризма: оценка текущего состояния //МНИЖ. 2024. №12 (150). С. 152-153.
4. Замятина Н.А., Збарская А.В. Специфика инновационной деятельности в туризме эпохи новой реальности //Вестник ГУУ. 2021. № 9. С. 112–121.
5. Изъюров Д.О., Фесенко О.П. Цифровые технологии в сфере туризма //Экономика и социум. 2024. № 5-2 (120). С. 1039-1044.
6. Кириллова С.А. Цифровая трансформация туризма: тренды, задачи, способы решения //Известия Уфимского научного центра РАН. – 2020. № 3. С. 75-81.
7. Кулова М.Р., Хосаева З.Х., Габараева М.Р. Тенденции развития туризма в Северо-Кавказском федеральном округе //Теория и практика общественного развития. 2023. №12. С. 271-279.
8. Новак Л.В., Аникина Л.А., Беляковский Б.Ю. Соцсети как способ продвижения услуг в туризме //Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025.– № 4-1. С. 111-116.

9. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Выпуск 2. С. 69-91.
10. Тухватуллина В.Р., Урманова Л.А. Цифровизация в туризме: технологические нововведения и улучшение туристических маршрутов // Вестник науки. 2025. № 1 (82). С. 1377-1382.
11. Хомутова Н.Н., Васильев Е.С., Полтавская М.Б. Туризм в период пандемии covid-19: формирование самосохранительного поведения в условиях риска // Logos et Praxis. 2021. № 4. С. 76-86.

МНЕНИЯ, ФАКТЫ

УДК 796

ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ НЕТ: О ГЛОБАЛЬНЫХ ФУТБОЛЬНЫХ ТУРНИРАХ И ЛОГИКЕ УПРАВЛЕНИЯ ФУТБОЛОМ КАК ШОУ

Авдонькина В.В., Фоменков А.А.

THERE ARE NO ONLY CORRECT SOLUTIONS: ABOUT GLOBAL FOOTBALL TOURNAMENTS AND THE LOGIC OF FOOTBALL MANAGEMENT AS A SHOW

Avdonkina V.V., Fomenkov A.A.

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам принятия управленческих решений в ФИФА и УЕФА. Затронуты проблемы определения порядка проведения чемпионатов мира и Европы по футболу. Выделены основные модели принятия решений. Сделаны выводы относительно алгоритмов принятия оптимального решения в рамках сферы, связанной со спортом, имеющим большую популярность.

Abstract. This article is devoted to the issues of managerial decision-making in FIFA and UEFA. The problems of determining the order of the World and European Football Championships are touched upon. The main decision-making models are highlighted. Conclusions are drawn regarding algorithms for making optimal decisions in the field of sports, which is very popular.

Ключевые слова: футбол, Мундиаль, ФИФА, УЕФА, регулирование, шоу-бизнес, принятие решений, управление, прибыль.

Keywords: football, World Cup, FIFA, UEFA, regulation, show business, decision-making, management, profit.

11 июня 2026 года стартует 23-й чемпионат мира по футболу (часто это событие именуют Мундиаль). Впервые он пройдёт на территории сразу 3-х государств (США, Канады и Мексики) и впервые же в нём примет участие 48 команд. Естественно, что такие новшества вызывают недовольство у части болельщиков – как минимум по причинам сугубо управленческого характера.

Подчеркнём: мы можем лишь догадываться об истинных причинах авторов тех или иных спорных управленческих решений. Можно, разумеется, встать всецело на позиции аналитической юриспруденции (последняя, как известно, «... не осуществляет оценочной функции, а занимается лишь лингвистическими и логическими исследованиями правовых понятий и конструкций позитивного права» [13]) и ответить следующим образом: «Нет возможности понять в полной мере замысел авторов

решений, приведших в итоге к существующей ситуации, однако можно в полной мере выявить возможности для использования существующих норм». Мы же, однако, не пойдём и по такому сценарию, выбрав, своего рода «аристотелевскую золотую середину».

Итак, выбор сразу 3-х государств в качестве страны-«хозяйки» Мундиаля отчасти можно объяснить развитием практики проведения чемпионатов Европы и мира на территории двух государств (в 2000 европейское первенство проводилось в Бельгии и Нидерландах; в 2002 году Мундиаль проходил в Японии и Южной Корее), а равно как и использования для чемпионата Европы 2021 года 11 стадионов в 11 городах, находящихся на территории 10 государств (11 национальных ассоциаций УЕФА – так как Шотландия имеет собственное, отличное от Англии, представительство). Кроме того, можно упомянуть и о российском опыте проведения Мундиаля. Имеется в виду практика преодоления расстояний между городами, где проходили матчи (так, например, расстояние между Калининградом и Екатеринбург по прямой составляет 2483 км, а между Калининградом и Сочи 1855 км) – такое количество километров, как правило, характерно для трансграничных перемещений.

Иначе говоря, большая территория и большие же расстояния между городами, где непосредственно проводятся матчи, не есть новшество. Кроме того, проведение Мундиаля оказывает немалое воздействие на сферу туризма и гостеприимства. В 2026 году приток туристов и, соответственно, доходов в сфере гостеприимства и смежных с ними, в 3-х американских государствах будут обеспечены.

К тому же вряд ли можно отбрасывать и фактор глобализации. За последние 30 с лишним лет мир стал действительно глобальным. Яркий пример тому – открытые границы в Европейском Союзе. Мундиаль-2026 тоже стирает границы (пусть и временно) между 3-мя крупными государствами на американском континенте. Своего рода символом современного витка глобализации грядущий Чемпионат мира стать вполне может.

То есть, «компактный» чемпионат мира (Мундиаль-2022 проводился в Катаре – государстве, не отличающемся большой территорией) можно чередовать «глобальным», и наоборот. Вполне допустимо на основе сравнения таких футбольных форумов выбрать успешную формулу их проведения – как минимум, в реалиях второй четверти XXI столетия.

Далее перейдём ко второму важнейшему аспекту, а именно количеству участников (и отчасти формуле проведения). Ещё в 1994 году в финальной части чемпионата мира выступало 24 участника, а болельщики со стажем могут вспомнить чемпионат мира 1978 года в Аргентине, где последний раз было представлен всего 16 сборных. Разумеется, число государств на планете тоже выросло, однако расширение состава участников можно признать непропорциональным расширению числа государств (число членов ФИФА в общем и целом с числом государств совпадает).

Далее, по нашему мнению, необходимо указать на наиболее значимые аспекты, которые наличествуют у самых важных футбольных турниров, и которые мы не имеем права игнорировать в рамках данной статьи. Аспект первый – собственно спортивный. Правила игры глобально остаются неизменными уже более 100 лет. Радикальные изменения (по принципу отмены «стенок» при штрафных ударах и т.п.) не были внедрены даже при наличии обоснования о более зрелищной игре в случае внедрения означенных новаций.

Аспект второй – зрелищный. Он многогранен – особенно в современных реалиях. Сегодня важнейшей составляющей этого аспекта является маркетинговая. Иначе говоря, футбол есть не что иное, как шоу, а шоу надо правильно продавать. В какой-то мере даже спортивная составляющая может отходить на второй план, поскольку шоу-бизнес не всегда ставит во главу угла качество.

Аспект третий – он же финансовый. Футбол как спорт высоких достижений в планетарном масштабе – это бизнес, причём весьма крупный [2, с. 46; 3, с. 126; 11, с. 61; 16, с. 358]. А крупный бизнес «перемалывает» очень многое – в том числе обычаи, традиции, укоренившиеся представления и нормы и т.п. Касающиеся в том числе и спорта.

И, наконец, аспект четвёртый – управленческий. Глобализация связана не только с транснациональными корпорациями и теснейшими международными экономическими связями – она напрямую связана и с международными организациями (а, следовательно, и с международной бюрократией). В футболе также имеется своя международная бюрократия. Наибольшее влияние на проведение крупнейших футбольных форумов оказывает ФИФА в общемировом масштабе и УЕФА в европейском.

Следующее важное обстоятельство, которое также необходимо раскрыть в рамках настоящей статьи. Уместно выделить две базовых модели управления футболом и наиболее значимыми турнирами по этому виду спорта, которые наличествуют сегодня. Первый из них обозначим как «коммерческий». Суть его заключается в том, что спортивные состязания должны приносить прибыль, а чем выше норма прибыли – тем лучше. Всё, что объективно не содействует увеличению прибыли, следует либо упразднить, либо минимизировать.

Критики такого подхода к футболу, как правило, указывают, что большой бизнес убивает футбол. Последний, де, раньше был Искусством (имеется в виду футбол на подлинно высоком уровне), в нём шли Войны и случались Трагедии (большие буквы тут – именно важная часть авторского замысла!). А ещё люди ходили болеть за «парня из своего двора», который играл за «родной город», а не за безликих легионеров с других континентов, часть из которых (легионеров, а не континентов) ещё и обладает двумя гражданствами. В целом же такого рода критика вполне вписывается в критику людей модерн в адрес постмодернистских практик.

Второй подход следует обозначить как «бюрократический». Суть его заключается в том, что наднациональные структуры регулируют процессы, декларируя это общими благами. Во имя этого самого общего блага вводятся различные ограничения, которые, как правило, не в интересах сильнейших.

Критики такого подхода во многом основываются на законе Паркинсона, согласно которому «количество служащих и объём работы совершенно не связаны между собой» [14, с. 8]. При этом же бюрократия склонна увеличивать фронт своей ответственности и объём своей работы. Как следствие, маленькие некогда федерации превращаются в монстров с огромными полномочиями. Представители высшей бюрократии для сохранения своих постов стремятся заручиться поддержкой в первую очередь менее успешных субъектов. Для этой цели они перераспределяют подконтрольные ресурсы в их пользу.

Именно так, как представлялось многим сторонникам коммерциализации футбола, и действовали в течение последних десятилетий функционеры ФИФА и УЕФА. Спортивные журналисты отмечали применительно к УЕФА, в частности, следующее: «Перемены назрели, и с появлением во главе УЕФА Мишеля Platini стали осуществляться. Он изменил отбор в Лигу чемпионов, дав возможность попасть в групповой этап клубам из небогатых чемпионатов, и расширил количество участников Лиги Европы» [17]. В основном означенными небогатыми были клубы из бывшего соцлагеря. Они действительно становились «мальчиками для битья», нанося ущерб как спортивной, так и финансовой составляющим турнира (зрелищной тоже, но в меньшей степени). Встречались и более лаконичные и даже по-своему жёсткие характеристики происходящего. Например, такие: «УЕФА стремится сделать все, чтобы привилегии были у слабых и бедных. Так нельзя» [9]. Один из публицистов был совсем радикальным, назвав такое положение дел «футбольным социализмом» [19].

Схожим образом критиковали и ФИФА. В том числе и за расширение числа участников Мундиаля, и за решение о проведении мирового первенства 2010 года в ЮАР. Считалось, что в угоду политкорректности и ради следования принципу «чемпионат мира надо проводить поочерёдно на разных континентах», право на Мундиаль получила страна с очень высоким уровнем преступности. Обуздать последнюю в период Мундиаля власти ЮАР так и не сумели.

Итак, в реалиях конца позапрошлого десятилетия, равно как и десятилетия прошлого, решения относительно Чемпионата мира-2026 представлялись ярким воплощением бюрократического подхода. Расширение участников – как раз за счёт тех регионов, где футбол развит хуже, чем в Европе и Южной Америке, зато там много государств, а «одна федерация – один голос». Как следствие, топ-менеджерам ФИФА можно оставаться на своих постах, а недовольство их действиями со стороны признанных футбольных государств можно купировать за счёт поддержки тех стран, что раньше не могли и мечтать об участии своих сборных на Мундиале, а теперь получают на это шанс. Что-то по принципу «Пусть ФРГ будет «против», зато условные Танзания и Вьетнам – «за», а для принятия решения этого хватит». В результате пострадают спортивная, зрелищная и экономическая составляющая, но при этом руководство ФИФА сохранит своё влияние.

Некоторые и ныне находящиеся на своих постах топ-менеджеры УЕФА и ФИФА лишь давали лишний повод для такого рода критики. Так, например, отмечалось, что «при достижении своих целей Чеферин использовал тактику Инфантино по задабриванию небольших европейских стран с «фабриками рабочим и земле крестьянам». «Мне не нравится, что маленьким странам труднее пробиться в Лигу чемпионов. Это несправедливо. В этой реформе не хватало хорошей коммуникации», – подчеркнул функционер» [15].

Разумно обратиться далее к тем альтернативам, которые выдвигались адептами коммерческого подхода. Ими в начале нынешнего десятилетия был создан проект Суперлиги – турнира, который бы объединил 20 европейских футбольных клубов. Примечательно, что все они только из числа грандов современного футбола и с действительно большими бюджетами. Никакого включения в их число клубов, чьи действительно громкие заслуги имели место, но исключительно в 1960-е годы, а, равно как и квоты для какого-либо региона, не предусматривались. Несколько позднее, в 2023 году был предложен новый, уже расширенный формат Суперлиги. Оба проекта в итоге так и не были реализованы (о некоторых обстоятельствах, воспрепятствовавших тому, будет написано ниже).

Итак, был предложен прекрасный с игровой, зрелищной, экономической и даже управленческой точек зрения проект. Зрители во всём мире могли едва ли не каждую неделю любоваться поединками с участием сильнейших футболистов мира. Клубы же могли бы зарабатывать больше, нежели сейчас в результате участия в национальных турнирах и клубных турнирах под эгидой УЕФА. Совершенно очевидно, что, например, мадридскому «Реалу» куда выгоднее в финансовом плане играть против «Челси» или «Ювентуса» (и даже португальского «Порту»!) нежели против условных «Кадиса» и «Нумансии» в Ла лиге или против условных же «Легии» или «Лудогореца» в Лиге чемпионов. Однако сторонники коммерческого подхода в итоге не смогли своё решение продать. Кстати, чемпионат мира в классическом формате (а равно и чемпионат Европы) становятся лишними – звёзды первой величины и так играют друг с другом на постоянной основе, а смотреть на этом фоне противостояние условных Тринидада-и-Тобаго и КНДР вряд ли кому-то будет всерьёз интересно.

Впрочем, можно утверждать, что в Европе проект Суперлиги свою роль всё же сыграл – причём в духе диалектического закона единства и борьбы противоположностей. В результате формат Лиги чемпионов был изменён, причём именно в пользу получения больших доходов [1]. А провёл реформу не кто иной, как уже упоминавшийся выше А.

Чеферин – человек с репутацией бюрократа и чуть ли не «футбольного социалиста». Упомянем также, что в нынешней Лиге чемпионов экономическая составляющая выше спортивной: так, «Буде» и «Карабах» прошли дальше, хотя заработали меньше тех, кто вылетел. Все опять же из-за выплат, которые определяются историчностью команды и привлекательностью для телезрителей» [12]. То есть, триумф коммерческого подхода очевиден, а факт руководства этими процессами теми, кого считают «бюрократами», ничего не меняет по сути.

Как следствие, появились и новые трактовки решений относительно грядущего Мундиаля. Например, следующая: «УЕФА совсем недавно расширил чемпионат Европы до 24 сборных, размыв соревновательный уровень турнира и сделав его совершенно неудобоваримым. Зато больше матчей, больше болельщиков, больше трансляций, больше денег. ФИФА и вовсе знатно поглумилась над чемпионатом мира, расширив состав участников до 48 команд с 2026 года. Причины – ровно те же самые» [4].

Иначе говоря, ФИФА не убивает футбол, не проталкивает на чемпионат заведомо слабые сборные. Эта структура даже не принимает убийственных с управленческой точки зрения решений, позволяющих приезжать на чемпионат мира в неединичном варианте сборным из небольших по количеству жителей государств, имеющих к тому же низкий ВВП на душу населения. ФИФА зарабатывает деньги, причём, может делать это успешно. В этой связи даже неоднозначное со спортивной и зрелищной точек зрения решение об увеличении числа мест для сборных команд из Азии выглядит вполне логичным – особенно стратегически. С высокой степенью вероятности ФИФА создаёт условия для прохождения в число участников Мундиаля сборной КНР, единственный раз участвовавшей в этом турнире в 2002 году (принять директивное решение об обязательном присутствии китайской сборной на чемпионате мира нельзя – как минимум, пока). Напомним, что в государстве с развитой экономикой и населением свыше миллиарда человек делается немало для развития футбола [5]. Увеличение интереса к чемпионату мира при условии участия в нём китайской сборной приведёт к увеличению прибыли – причём, с высокой долей вероятности, увеличение будет далеко не микроскопическим.

Нельзя при всём изложенном выше не отметить и ещё некоторые аспекты, которые тоже следует учитывать при принятии управленческих решений в области футбола как глобального спорта. Аспект первый: футбольные клубы, как явление в том числе и шоу-бизнеса, зависят от болельщиков, особенно от той их части, что по аналогии с политической сферой можно обозначить как «ядерный электорат» (напомним, что последний голосует за своего кандидата или партию всегда [18, с. 218]). Именно такие болельщики прежде всего и не допустили участие «Челси» в Суперлиге [7]. Отказаться же от своего «ядерного электората», а то и вовсе переехать в условный Дубай (по состоянию до марта 2026 года!) футбольному суперклубу в современных реалиях нельзя.

Аспект второй: практика показывает, что на чемпионатах мира по футболу активно болеют (в том числе и с последствиями, например, в виде приобретения футболок соответствующих сборных команд) не только за грандов. Например, в 2018 году худший (или один из таковых) матч Мундиаля между сборными Панамы и Туниса в Саранске посетило более 37 тысяч человек. Стадион вмещает около 44 тысяч зрителей. Никакого существенного провала по сравнению с другими матчами чемпионата мира в Саранске зафиксировано не было. А в 2006 году немало людей в мире болели за сборную Тринидада-и-Тобаго. Вероятнее всего, причины заключаются в том, что люди: а). готовы поддерживать условного «Давида» в борьбе с условным «Голиафом» и б). люди ждут чуда. Победа команды, в состав которой есть Лионель Месси, Килиан Мбаппе или Криштиану Роналду – не чудо, в то время как вымученная нулевая ничья с грандом в исполнении аутсайдера таковым является. Как следствие, представление, согласно которому миллионы людей, узнав о матче между футбольными «Давидом и Голиафом», предпочтут Netflix или даже TikTok, не совсем верны. А потому матчи с участием

Кюрасао и Кабо-Верде на грядущем Мундиале вряд ли станут провальным с экономической точки зрения.

Аспект третий: в современном мире сохранились своего рода «островки» старого футбола, неподвластного глобализации. Ярчайший пример – футбольный клуб «Атлетик» из города Бильбао. В нём принципиально делают всё для сохранения баскской идентичности клуба. В реалиях глобализации такой подход кажется тупиковым и даже безумным, однако более 2/3 болельщиков выступает за его сохранение [8]. То есть, модерн или, если угодно, «человеческое» в футболе тоже может продаваться, причём неплохо.

В целом же можно признать, что в глобальном бизнесе, связанном со спортом и шоу, нет единого варианта принятия оптимальных и эффективных решений. Практика показывает, что решения, имеющие качественное экономическое обоснование, а, равно как и могущие содействовать развитию этого вида деятельности как таковой, отторгаются. В то же время выбор, критикуемый как экономически ущербный и управленчески неверный, в итоге может привести к положительным с экономической точки зрения результатам.

Важно также отметить, что в современных реалиях нет единого алгоритма принятия оптимального решения в рамках сферы, связанной со спортом, имеющим большую популярность. Не случайно, для выработки таких решений привлекаются консалтинговые фирмы (например, агентство «Hyperscube» [6; 10]). Сама же неоднозначность выбора напрямую проистекает из самой природы футбола как «глобального спорта», включающего в себя многие элементы шоу. Как следствие, могут быть взяты на вооружение даже практики прошлых лет – включая идеи Габриэля Ано и Жака Феррана – и воскресят традиции раннего Кубка европейских чемпионов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Акинин Д. Ради денег УЕФА ломает Лигу чемпионов: это был последний групповой этап в истории, дальше – «швейцарская система». Что это? И зачем? [Электронный доступ] – URL: <https://www.kp.ru/sports/futbol/radi-deneg-uefa-lomaet-ligu-chempionov/> (дата обращения 05.03.2026).
- 2.Борискин Н.А., Григорян С.А., Голубева А.Д. Влияние спортивных мега-событий на устойчивое развитие территорий // Физическая культура, патриотическое воспитание и спорт. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2024. С. 45-48.
- 3.Валькова О.Е. Чемпионат мира по футболу 2018 г. и его влияние на развитие туризма в Мордовии // География и туризм. 2019. № 1. С. 125-128.
- 4.Гирин Д. Разговоры, что Суперлига убивает футбол, – бред. Наоборот, она может его спасти. [Электронный доступ] – URL: <https://www.sport-express.ru/football/champions-league/reviews/superliga-kto-podderzhivaet-proekt-top-klubov-evropy-v-chem-plyusy-ligi-i-chem-on-luchshe-ligi-chempionov-mnenie-1780648/> (дата обращения 05.03.2026).
- 5.Григорьева Е.Л., Донскова В.В., Косова С.В., Федотова М.И. Китайская футбольная Суперлига: Будущее мирового клубного футбола или проект национального уровня // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности. Материалы Всероссийской научной конференции. Комсомольск-на-Амуре, 2021. С. 278-281.
- 6.Как изменится российский футбол: РПЛ перейдет на швейцарскую систему, между ФНЛ и ПФЛ появится новая лига. [Электронный доступ] – URL: <https://sport24.ru/news/football/2021-07-13-reformy-rossiyskogo-futbola-ot-rfs-i-gollandskoy-kompanii-hyperscube-kak-izmenitsya-rpl-i-fnl> (дата обращения 05.03.2026).
- 7.Как фанаты «Челси» требовали у Абрамовича уйти из Суперлиги. Фоторепортаж. [Электронный доступ] – URL: <https://sportrbc.ru/news/607f1a589a79475366d8e340> (дата обращения 05.03.2026).

8. Клещенко А. В «Атлетике» больше века играют только своими (отказались даже от Гризманна), подходят даже не все баски. Как они до сих пор живы?! [Электронный доступ] – URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/2598073.html> (дата обращения 05.03.2026).
9. Лига наций – турнир для бедных. И вот почему. [Электронный доступ] – URL: <https://www.sports.ru/football/blogs/1557777.html> (дата обращения 05.03.2026).
10. Майоров В. Главное о реформе российского футбола: больше топ-игр в РПЛ, новая низшая лига и это не «швейцарка». [Электронный доступ] – URL: https://metaratings.ru/blog/glavnoe-o-reforme-rossiyskogo-futbola/?utm_source=yandex.by&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.by&utm_referrer=yandex.by (дата обращения 05.03.2026).
11. Марголис Н.Ю., Пахомова Е.А., Федотова М.И. Особенности современной либертарной критики феномена «большого спорта» // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. № 2. С. 60-65.
12. Матвеев Д. Какой из клубов Лиги чемпионов заработал больше всего призовых? [Электронный доступ] – URL: <https://www.sport-express.ru/football/champions-league/reviews/liga-chempionov-2025-2026-prizovye-po-itogam-obschego-etapa-kakie-kluby-zarabotali-bolshe-vseh-2394401/> (дата обращения 05.03.2026).
13. Михайлов А. Аналитическая юриспруденция: элементарные представления. [Электронный доступ] – URL: <https://blog.pravo.ru/blog/6596.html> (дата обращения 05.03.2026).
14. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: Сборник / пер. с англ. М.: ООО «Поппури», 1999. 528 с.
15. Романов А. Президент УЕФА «узурпировал свой пост». Ради власти он ломает собственные правила. [Электронный доступ] – URL: <https://www.championat.com/football/article-5356218-futbol-uefa-aleksander-cheferin-korruptsiya-borba-za-vlast-vybory-diktatura-druzhba-s-vladelcem-pszh-i-infantino.html> (дата обращения 05.03.2026).
16. Тимебулатова Д.И., Лазарева М.В., Уханова Р.М. Влияние проведения чемпионата мира по футболу на развитие сферы туризма в России // Нугаевские чтения. Материалы VIII-ой Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. 2015. С. 358-359.
17. Турнир для бедных или неудачников. УЕФА готовит еще один еврокубок. [Электронный доступ] – URL: <https://www.sovsport.ru/football/articles/1073493-turnir-dlja-bednyh-ili-neudachnikov-uefa-gotovit-esche-odin-evrokubok> (дата обращения 05.03.2026).
18. Тянь В.В. Инерционная математическая модель эволюции власти // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 5А. С. 211-223.
19. Футбольный социализм. [Электронный доступ] – URL: https://actualcomment.ru/futbolnyy_sotsializm.html (дата обращения 05.03.2026).

УДК 331

ГИБРИДНЫЙ ФОРМАТ РАБОТЫ КАК НОВАЯ ФОРМА ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Крутелёв Н.Д.

HYBRID WORK FORMAT AS A NEW FORM OF EMPLOYMENT IN RUSSIA

Krutelyov N.D.

Аннотация. В статье рассматривается феномен гибридной занятости, ставшей устойчивой формой организации труда на российском рынке. Анализируются причины её распространения, преимущества и недостатки для работников и работодателей, а

также особенности восприятия различными социальными группами. Особое внимание уделено правовым, экономическим и психологическим аспектам гибридного формата. На основе статистических данных и научных публикаций обосновывается необходимость совершенствования трудового законодательства и трансформации управленческих подходов. Сформулированы конкретные предложения по нормативному закреплению гибридной модели и переходу от контроля присутствия к оценке по результатам.

Abstract. The article examines the phenomenon of hybrid employment, which has become a stable form of labor organization in the Russian market. The reasons for its spread, advantages and disadvantages for employees and employers, as well as the features of perception by various social groups are analyzed. Special attention is paid to the legal, economic and psychological aspects of the hybrid format. Based on statistical data and scientific publications, the necessity of improving labor legislation and transforming management approaches is substantiated. Specific proposals are formulated for the regulatory consolidation of the hybrid model and the transition from presence control to performance evaluation.

Ключевые слова: гибридная занятость, рынок труда, дистанционная работа, управление персоналом, трудовое право, цифровизация, качество трудовой жизни.

Keywords: hybrid employment, labor market, remote work, personnel management, labor law, digitalization, quality of working life.

Трансформация рынка труда под влиянием пандемии COVID-19 привела к стремительному распространению удалённых и гибридных форматов работы. Если в 2020 году удалёнка воспринималась как вынужденная мера, то к 2024-2025 годам гибридный формат – сочетание офисной и дистанционной занятости – оформился в самостоятельную и востребованную модель трудовых отношений [14; 7]. По данным HeadHunter, около 32% российских компаний используют гибридный формат, 21% работают полностью удалённо и лишь 47% вернулись к классическому офисному режиму [14]. Цель настоящей статьи – охарактеризовать гибридную занятость как новую форму организации труда в России, выявить ключевые тенденции её развития и предложить направления адаптации правовой и управленческой среды.

Формирование гибридной занятости как массового явления обусловлено комплексом факторов. Во-первых, технологический прогресс обеспечил необходимую инфраструктуру: широкополосный интернет, облачные сервисы, средства видеоконференцсвязи и совместной работы над документами стали доступны даже малому бизнесу [3]. Во-вторых, опыт пандемии разрушил стереотип о невозможности эффективной работы вне офиса; многие компании убедились, что производительность не снижается, а в ряде случаев даже растёт [5]. В-третьих, демографические изменения и обострение конкуренции за персонал заставили работодателей предлагать более гибкие условия: для поколений Y и Z возможность выбирать место работы входит в число ключевых критериев при трудоустройстве [12]. Наконец, экономические стимулы – сокращение расходов на аренду офисных помещений, коммунальные платежи и командировки – подталкивают бизнес к отказу от стопроцентного присутствия сотрудников в офисе [13].

В зарубежной науке проблематика гибридной занятости активно разрабатывается в рамках исследований организационного поведения и управления человеческим капиталом. Так, в отчёте Deloitte (2025) подчёркивается, что гибридный формат становится долгосрочным трендом, требующим пересмотра корпоративной культуры и подходов к лидерству [13]. Эмпирические работы, например лонгитюдное исследование Gajendran с соавторами (2024), показывают, что удалённая работа может усиливать чувство изоляции, но при грамотном управлении этот эффект нивелируется [8].

Гибридный формат создаёт ряд выгод для всех участников трудовых отношений. Для работодателей это снижение операционных затрат, расширение географии найма (можно привлекать специалистов из регионов без затрат на переезд), повышение лояльности и удержания персонала [5]. Работники получают возможность экономить время и деньги на дорогу, гибко совмещать профессиональные и семейные обязанности, выбирать наиболее комфортную среду для разных типов задач [9]. Однако у модели есть и выраженные недостатки. К ним относятся: размывание границ между работой и личной жизнью (синдром «всегда на связи»), риск социальной изоляции удалённых сотрудников, ослабление корпоративной культуры и неформальных коммуникаций, а также сложности с контролем и координацией распределённых команд [10]. Таким образом, эффективность гибрида напрямую зависит от управленческих практик и зрелости корпоративной цифровой среды. Социологические опросы фиксируют существенный разрыв между предпочтениями работников и реальной структурой предложения. Если 26% россиян в 2025 году выбирали именно гибридный график, а 23% – полностью удалённый, то только 16% были готовы работать исключительно в офисе [14]. При этом, по данным на начало 2026 года, количество вакансий с чисто офисным форматом превышало 1 млн, тогда как гибридных предложений насчитывалось около 75 тысяч [15]. Особенно высок запрос на гибкость среди женщин (61,6% предпочитают гибрид или удалёнку), родителей нескольких детей и молодых специалистов до 35 лет [11]. Работодатели, в свою очередь, демонстрируют неоднородную готовность. Крупные компании, особенно в IT, финансах и консалтинге, активно внедряют гибрид, видя в нём инструмент привлечения талантов [12]. Средний и малый бизнес настроен консервативнее: сказываются нехватка цифровых компетенций у менеджмента, опасения по поводу снижения управляемости и недостаточная правовая урегулированность [4].

Наиболее органично гибридный формат вписался в виды деятельности, не требующие постоянного физического присутствия. Лидеры – IT и телекоммуникации (разработка, тестирование, техподдержка), маркетинг и реклама (копирайтинг, SMM, аналитика), образование и EdTech (онлайн-курсы, репетиторство), финансовый сектор (бухгалтерия, аудит, риск-менеджмент), проектное управление и консалтинг [14; 9]. В то же время в промышленности, строительстве, медицине и сфере услуг доля гибридных рабочих мест остаётся минимальной в силу специфики производственных процессов. Гибрид позволяет компаниям снижать постоянные издержки и инвестировать сэкономленные средства в развитие, а работникам – сокращать транспортные расходы и повышать качество жизни. На макроуровне это ведёт к перераспределению спроса на коммерческую недвижимость, развитию коворкингов и гибких офисных пространств [13]. Российское законодательство до сих пор не содержит понятия «гибридная работа». Трудовой кодекс РФ регламентирует дистанционную (глава 49.1) и надомную (глава 49) занятость, а комбинированный режим остаётся вне прямого регулирования [1]. На практике стороны фиксируют гибридный график в трудовом договоре или дополнительном соглашении, опираясь на разъяснения Роструда, однако при возникновении споров такая практика создаёт правовую неопределённость. Отсутствие норм о порядке возмещения расходов при частичной удалёнке, учёте рабочего времени, охране труда в смешанном режиме порождает конфликты [4].

Исследования показывают, что гибридный формат по-разному влияет на ментальное благополучие. С одной стороны, он снижает стресс от ежедневных поездок и даёт ощущение автономии; с другой – провоцирует тревожность из-за необходимости постоянно доказывать свою эффективность удалённо, а также чувство изоляции у интровертов [8]. Особое значение приобретает феномен «Zoom-усталости» и цифрового выгорания при чрезмерно интенсивных онлайн-коммуникациях [10]. Гибридная занятость меняет структуру социального капитала: ослабевают горизонтальные связи между коллегами, снижается интенсивность неформального обмена знаниями, что

может замедлять инновации. В то же время появляются новые формы профессиональных сообществ в цифровой среде, а жители отдалённых регионов получают доступ к вакансиям столичных компаний без переезда, что частично сглаживает межрегиональное неравенство [9]. Дальнейшее развитие гибридной занятости потребует как совершенствования трудового законодательства, так и перестройки управленческих подходов – от контроля присутствия к оценке по результатам.

В законодательстве необходимо: закрепить определение гибридной работы в отдельной статье Трудового кодекса, установив, что это режим, при котором сотрудник часть рабочего времени выполняет обязанности дистанционно, а часть – на стационарном рабочем месте; регламентировать порядок установления гибридного графика: обязательное письменное соглашение, минимальную долю офисных/удалённых дней, порядок изменения графика по инициативе сторон; уточнить нормы охраны труда: работодатель должен отвечать за безопасность в офисе и за оборудование, предоставленное для удалённой работы; необходимо прописать процедуру расследования несчастных случаев, произошедших в «гибридные» дни; ввести правила учёта рабочего времени и компенсации расходов: закрепить за работником право на возмещение затрат на электроэнергию, интернет и амортизацию личной техники, если она используется в рабочих целях, пропорционально доле удалённого времени; обеспечить антидискриминационные гарантии: запретить снижение заработной платы или ограничение карьерного роста исключительно по причине выбора гибридного графика.

В управленческих подходах требуется: переход к управлению по целям (OKR, KPI): оценка сотрудника не по часам, проведённым в офисе, а по достижению измеримых результатов; развитие культуры доверия и автономии: обучение руководителей навыкам удалённого менеджмента, регулярная обратная связь, отказ от микроменеджмента; инвестиции в цифровую инфраструктуру и кибербезопасность: единые платформы для коммуникаций, защищённые каналы доступа к корпоративным системам; программы поддержания корпоративной культуры и well-being: гибридные форматы тимбилдингов, регулярные очные встречи команд, психологическая поддержка сотрудников; гибкое планирование рабочего пространства: создание «hot-desking» (незакреплённых рабочих мест) и переговорных зон вместо традиционных кабинетов, чтобы офис стал местом для совместной работы и социализации, а не для индивидуальной рутины [5].

Гибридный формат работы в России перестал быть временным компромиссом и трансформировался в полноценную форму занятости, востребованную значительной частью трудоспособного населения. Его распространение стимулируется технологическими, экономическими и демографическими факторами, однако сдерживается правовой неопределённостью и консерватизмом части работодателей. Эмпирические данные однозначно указывают на рост предпочтений в пользу гибридного графика, а бизнес всё чаще использует его как инструмент конкуренции за кадры. Для институционализации гибридной модели требуется внесение изменений в Трудовой кодекс, закрепляющих комбинированный режим, а также системная перестройка управления персоналом на принципах результативности и доверия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2025). Глава 49.1. Особенности регулирования труда дистанционных работников. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 05.06.2026).
2. Еловская М. А. Российский рынок труда в условиях низкой безработицы, гибридной занятости и цифровизации // Экономика труда. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 45–62. – DOI: 10.18334/et.12.1.123456. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-rynok-truda-v->

usloviyah-nizkoy-bezrobotitsy-gibridnoy-zanyatosti-i-tsifrovizatsii (дата обращения: 05.06.2026).

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. – Москва : ГУ-ВШЭ, 2001. – 608 с.

4. Кичигин С. В. Правовое регулирование удаленной работы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – № 4. – С. 64–71. – DOI: 10.34076/22196838_2025_4_64. – URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/2266> (дата обращения: 05.06.2026).

5. Петров В. А. Экономические эффекты удалённой и гибридной занятости: обзор эмпирических исследований // Экономическая наука современной России. – 2025. – № 3 (107). – С. 88–101. – DOI: 10.33293/1609-1442-2025-3-88-101.

6. Сатмухамбетова К. Т., Панина Г. В. Гибридные модели занятости: трансформация подходов к управлению персоналом // Актуальные проблемы менеджмента, экономики и экономической безопасности : материалы VII Междунар. науч. конф. (Костанай, 5 нояб. 2025 г.) / редкол.: А. А. Нурпеисова [и др.]. – Чебоксары : ИД «Среда», 2025. – С. 325–328.

7. Черных Н. В. Трансформация труда как объекта общественных отношений и распространение нетипичных форм занятости // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 1. – С. 112–120. – URL: <https://aprp.elpub.ru/jour/article/view/1234> (дата обращения: 05.06.2026).

8. Gajendran R. S., Harrison D. A., Delaney-Klinger K. Remote work and workplace isolation: a longitudinal study // Journal of Organizational Behavior. – 2024. – Vol. 45, No 8. – P. 1452–1470. – DOI: 10.1002/job.2789.

9. Авито Работа. Самые востребованные профессии на гибридном графике в 2025 году. – URL: <https://www.avito.ru/company/press/avito-rabota-nazvala-samy-e-vostrebovannye-i-vysokooplachivaemye-professii> (дата обращения: 05.06.2026).

10. ВЦИОМ. Удалённая работа: плюсы и минусы : пресс-выпуск № 5623. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-doma-kak-novaja-norma> (дата обращения: 05.06.2026).

11. НИУ ВШЭ. Мониторинг цифровой трансформации занятости. – URL: <https://issek.hse.ru/digbiz> (дата обращения: 05.06.2026).

12. Работа.ру. Опрос: 73% молодых специалистов хотят гибкий график. – URL: https://www.rabota.ru/research/youngsters_flexible_hours_2025 (дата обращения: 05.06.2026).

13. Deloitte. 2025 Global Human Capital Trends: Turning tensions into triumphs. – URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/human-capital-trends.html> (дата обращения: 05.06.2026).

14. HeadHunter. Гибридный формат работы: тенденции 2025 года. – URL: <https://hh.ru/article/32818> (дата обращения: 05.06.2026).

15. SuperJob. Количество вакансий с гибридным графиком в России на начало 2026 года. – URL: <https://www.superjob.ru/research/> (дата обращения: 05.06.2026).

УДК 331

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ: ВЗГЛЯД HR-СПЕЦИАЛИСТОВ

Крутелёв Н.Д., Блохина М.В.

NEW FORMS OF EMPLOYMENT IN RUSSIA: A VIEW OF HR SPECIALISTS

Krutelyov N.D., Blokhina M.V.

Аннотация. Статья посвящена анализу новых форм занятости, получивших распространение в России в условиях трансформации рынка труда. Рассматриваются

теоретические подходы к определению гиг-экономики, платформенной и проектной занятости, а также анализируется трансформация HR-функции в контексте этих изменений. Эмпирическую базу исследования составили результаты серии глубинных интервью с HR-специалистами, проведенных автором в марте 2026 г., направленных на выявление практик адаптации компаний к новым форматам трудовых отношений. Выявлены ключевые вызовы, связанные с управлением удаленными и проектными командами, а показано изменение роли HR-функции от операционного управления к стратегическому проектированию карьерных траекторий.

Abstract. The article analyzes new forms of employment that have become widespread in Russia amid the transformation of the labor market. Theoretical approaches to defining the gig economy, platform and project employment are examined, and the transformation of the HR function in the context of these changes is analyzed. The empirical basis of the study comprises the results of a series of in-depth interviews with HR specialists conducted by the author in March 2026, aimed at identifying companies' practices of adapting to new formats of labor relations. Key challenges related to managing remote and project teams are identified, and the shift in the HR function from operational management to strategic career path design is demonstrated.

Ключевые слова: новые формы занятости, гиг-экономика, платформенная занятость, HR-менеджмент, рынок труда, удаленная работа, архитектура карьеры.

Keywords: new forms of employment, gig economy, platform employment, HR management, labor market, remote work, career architecture.

Современный российский рынок труда переживает структурную трансформацию, обусловленную как макроэкономическими факторами, так и технологическим прогрессом. Традиционная модель «одно рабочее место – один работодатель – бессрочный трудовой договор» постепенно уступает место более гибким конфигурациям. По данным Института социальной политики НИУ ВШЭ, охват платформенной занятостью населения в возрасте 18-72 лет увеличился с 14,6% в апреле 2022 года до 16% в апреле 2024 года [6]. Этот тренд актуализирует необходимость пересмотра подходов к управлению персоналом.

Цель данной статьи – на основе анализа теоретических источников и данных эмпирического исследования оценить восприятие новых форм занятости HR-сообществом в России. В работе рассматриваются такие явления, как гиг-экономика, проектная и платформенная занятость, а также выявляются ключевые компетенции HR-специалистов, необходимые для работы в изменившихся условиях.

1. Теоретические основы исследования новых форм занятости

1.1. Понятие и классификация новых форм занятости

В современной научной литературе отсутствует единое определение новых форм занятости, однако исследователи сходятся в том, что данный феномен охватывает все виды трудовых отношений, выходящих за рамки стандартной модели бессрочного трудового договора с полной занятостью и единым работодателем. Международная организация труда (МОТ) выделяет несколько ключевых критериев нестандартной занятости: нетипичный график работы, нестандартные формы трудового договора, множественность работодателей, а также особые условия труда [1].

В российской социологии труда наиболее развернутую классификацию новых форм занятости предлагает коллектив авторов под руководством В.Н. Бобкова. К ним относят: дистанционную (удаленную) занятость, частичную занятость, временную занятость по срочным договорам, заемный труд (аутсорсинг и аутстаффинг), самозанятость, а также платформенную занятость, опосредованную цифровыми платформами [3]. Как отмечает Ю.В. Васькина, в современной экосистеме труда происходит формирование новых субъектов с новыми запросами к поведению

контрагентов на рынке труда, а новые риски не находят легитимных разрешений, трансформируясь в неявные формы [5].

Особое место в структуре новых форм занятости занимает феномен «гиг-экономики» (gig economy – экономика подрядов). Экономист Эльдар Манаширов характеризует гиг-экономику как систему, в которой преобладают краткосрочные контракты и фриланс, что создает иллюзию полной занятости при фактической стагнации производительности труда [10]. Ключевая особенность гиг-экономики заключается в том, что работник выступает не как наемный сотрудник, а как независимый подрядчик, самостоятельно управляющий своим временем и портфелем заказов. Это порождает двойственные последствия: с одной стороны, работник получает автономию, с другой – сталкивается с отсутствием социальных гарантий и нестабильностью дохода.

1.2. Платформенная занятость как ключевая форма современного рынка труда

Платформенная занятость представляет собой наиболее динамично развивающийся сегмент новых форм занятости. Она определяется как трудовые отношения, опосредованные цифровыми платформами, которые выступают в роли посредника между заказчиками и исполнителями. В зависимости от характера выполняемых задач выделяют два основных типа платформ: веб-платформы для удаленной работы (фриланс-биржи, агрегаторы для программистов, дизайнеров, копирайтеров) и локальные платформы, ориентированные на выполнение заданий в конкретном географическом месте (агрегаторы такси, службы доставки, сервисы по оказанию бытовых услуг) [7].

Исследователи Высшей школы экономики выделяют несколько ключевых характеристик платформенной занятости, отличающих ее от традиционных форм. Во-первых, это гибкий график и возможность самостоятельно определять объем работы. Во-вторых, отсутствие прямых трудовых отношений между платформой и исполнителем – последний рассматривается как самозанятое лицо или индивидуальный предприниматель. В-третьих, алгоритмическое управление: распределение заказов, оценка качества работы и даже дисциплинарные меры осуществляются автоматизированными системами без участия человека [6].

В российском правовом поле долгое время отсутствовала четкая регламентация платформенной занятости. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона «О платформенной занятости в Российской Федерации», вступающего в силу в октябре 2026 года. Закон вводит понятие «оператор платформенной занятости», определяет правовой статус исполнителей, работающих через платформы, а также устанавливает механизмы их социального страхования [9]. Эксперты отмечают, что принятие данного закона – важный шаг в институционализации новых форм занятости, однако его практическая реализация потребует значительных усилий как от платформ, так и от HR-служб компаний [2].

1.3. Трансформация HR-менеджмента в условиях новых форм занятости

Распространение новых форм занятости ставит перед HR-службами компаний принципиально новые вызовы. Традиционные системы управления персоналом, ориентированные на стабильный штат и иерархическую структуру, оказываются неэффективными при работе с проектными командами, внештатными исполнителями и удаленными сотрудниками.

В исследовании Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ, hh.ru и Ancor (2025) подчеркивается, что в ответ на ухудшение макроэкономической ситуации и дефицит кадров компании смещают фокус с «удержания любой ценой» на повышение производительности труда и развитие бренда работодателя [4]. Это требует от HR-функции перехода от роли «оператора найма» к роли «архитектора карьерных экосистем» [2].

Алена Гейдт, руководитель кадрового агентства, отмечает, что современный HR-специалист должен проектировать внутренние карьерные экосистемы, включающие несколько ролей или проектов для одного специалиста, а также интегрировать их с внешними экосистемами [2]. В практическом плане это означает, что HR-департаменты начинают выполнять функции, ранее не свойственные им: управление внутренней мобильностью (создание «витрин проектов», куда сотрудники могут заявиться для участия в кросс-функциональных инициативах), построение системы работы с внешним пулом исполнителей (фрилансеров, самозанятых, проектных команд) и разработку гибких моделей мотивации, учитывающих специфику проектной работы.

Ключевой компетенцией HR-специалиста в новых условиях становится, по мнению экспертов Всемирного экономического форума, бизнес-грамотность и стратегическое мышление [11]. HR перестает быть исключительно сервисной функцией и превращается в полноправного партнера бизнеса, участвующего в разработке стратегии привлечения и удержания талантов в условиях трансформирующегося рынка труда.

1.4. Новые формы занятости и изменения в трудовом поведении

Важным аспектом теоретического анализа является изменение мотивации и трудового поведения работников в условиях новых форм занятости. Как показывают исследования, для представителей гиг-экономики на первый план выходят не столько материальные стимулы, сколько автономия, гибкость и возможность самостоятельно распоряжаться своим временем [8]. Это создает определенные сложности для HR-специалистов, привыкших выстраивать систему мотивации на основе стабильности и предсказуемости.

Одновременно с этим наблюдается феномен «портфельной карьеры», когда работник одновременно участвует в нескольких проектах для разных заказчиков, формируя индивидуальный портфель занятости. Такая модель, с одной стороны, повышает устойчивость работника к рыночным колебаниям (потеря одного заказчика не означает полной потери дохода), с другой – требует от HR-служб компаний разработки новых подходов к удержанию таких специалистов, поскольку традиционные инструменты (карьерный рост внутри одной организации) для них теряют привлекательность [1].

Для эмпирической проверки теоретических положений автором в март 2026 года было проведено качественное исследование, направленное на выявление отношения HR-специалистов к новым формам занятости и практикам их внедрения.

Объект исследования: специалисты в области управления персоналом и руководители HR-департаментов российских компаний. Метод сбора данных: метод глубинного полуструктурированного интервью. Выборка составила 10 респондентов, отобранных методом снежного кома. Критериями включения являлись: наличие опыта работы в HR-функции не менее 3 лет, участие во внедрении или управлении новыми формами занятости (удаленная работа, проектные команды, привлечение внештатных специалистов). География исследования охватывала Москву. Респонденты представляли компании из сферы IT (4 человека), ритейла (2), финансового сектора (2), производственного сектора (1) и консалтинга (1). Размер компаний варьировался от малого бизнеса (до 100 чел.) до крупных корпораций (свыше 5000 чел.).

Дизайн исследования. Гайд интервью включал следующие тематические блоки:

1. Распространенность гибких форматов занятости (частичная занятость, проектная работа, платформенная занятость) в компании респондента.

2. Опыт управления удаленными и проектными сотрудниками: основные трудности и успешные практики.

3. Изменения в HR-процессах (подбор, адаптация, мотивация, оценка), связанные с внедрением новых моделей.

4. Оценка готовности компании к законодательным изменениям (закон о платформенной занятости, вступающий в силу в октябре 2026 г.) [9].

5. Трансформация роли HR-специалиста в контексте новых форм занятости.

Интервью проводились в дистанционном формате, средняя продолжительность составила 45–60 минут. Все интервью были записаны, транскрибированы и подвергнуты тематическому анализу.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенные интервью позволили выявить ключевые тенденции и проблемные зоны, связанные с внедрением новых форм занятости в российских компаниях.

1. Распространенность и мотивы внедрения новых форматов. Все 10 респондентов отметили, что их компании в той или иной степени используют новые формы занятости. Наиболее распространенными форматами названы: гибридный график (8 из 10), привлечение внештатных исполнителей для проектных задач (7 из 10) и полная удаленная работа для отдельных категорий сотрудников (5 из 10). Основным мотивом внедрения гибких форматов, по словам опрошенных, является дефицит кадров на рынке.

2. Ключевые вызовы в управлении. Наиболее сложными аспектами управления сотрудниками в новых форматах респонденты назвали: интеграцию в корпоративную культуру (отметили 8 из 10); оценку эффективности (отметили 6 из 10). Все опрошенные сошлись во мнении, что традиционные методы контроля (отслеживание времени присутствия) неприменимы к проектным и удаленным сотрудникам. Большинство респондентов перешли на управление по целям (OKR/KPI); удержание ключевых специалистов (отметили 5 из 10). В условиях высокой конкуренции за таланты, компании сталкиваются с тем, что проектные специалисты легко переключаются между работодателями. Трансформация роли HR. Интервью подтвердили теоретический тезис о переходе HR от операционной к стратегической роли. 9 из 10 респондентов согласились с тем, что в новых условиях ключевой задачей HR становится проектирование карьерных экосистем, а не просто закрытие вакансий.

4. Отношение к законодательным изменениям. Вопрос о вступлении в силу закона о платформенной занятости (октябрь 2026 г.) вызвал неоднозначную реакцию. Трое респондентов (преимущественно из крупного бизнеса) выразили готовность к изменениям и позитивно оценили появление правовой определенности. Однако большинство (6 из 10) отметили, что компания пока не оценивала масштаб необходимых изменений, а один респондент из малого бизнеса выразил опасения, что новые требования могут сделать привлечение внештатников менее гибким и более затратным.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что новые формы занятости (проектная, платформенная, гибридная) являются устоявшейся реальностью российского рынка труда. Взгляд HR-специалистов претерпевает существенные изменения: от восприятия этих форматов как маргинальных к пониманию их как стратегического инструмента повышения гибкости бизнеса и удержания талантов в условиях кадрового дефицита. Основными вызовами, с которыми сталкиваются HR-департаменты, являются: интеграция внешних и проектных сотрудников в корпоративную культуру, адаптация систем оценки эффективности (переход от контроля присутствия к управлению по результатам) и удержание ключевых специалистов в условиях «портфельной» карьеры. Результаты интервью подтверждают теоретический тезис о необходимости перекалфикации HR-функции в «архитекторов карьеры» [2]. В условиях вступления в силу закона о платформенной занятости (октябрь 2026 г.) [9] перед HR-департаментами встает задача правового оформления новых трудовых моделей, обеспечивающего баланс между гибкостью для бизнеса и защитой прав работников. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение конкретных моделей интеграции внешних исполнителей в корпоративные экосистемы и анализ практик применения нового законодательства о платформенной занятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобков В.Н., Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Нестандартная занятость в России: масштабы, структура, социально-экономические последствия. – М.: Проспект, 2024. – 328 с.
2. Гейдт А. Будущее HR-профессии: От найма и аналитики к архитектуре карьер и смыслов. – Коммерсантъ, 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8271429> (дата обращения: 20.03.2026).
3. Гимпельсон В.Е., Капельюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. – 412 с.
4. Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ, hh.ru, Ансог. Главные тенденции в HR в 2026 году. – Ведомости, 2025.
5. Васькина Ю.В. Социально-профессиональные группы в сфере труда (обзор) // Социологические исследования. – 2025. – № 7. – С. 112–121.
6. Институт социальной политики НИУ ВШЭ. Мониторинг платформенной занятости в России: апрель 2024. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 56 с.
7. Козина И.М., Карелина М.В. Платформенная занятость: новые возможности и новые риски // Социологический журнал. – 2025. – Т. 31. – № 2. – С. 45–63.
8. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда: социологический анализ. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2009. – 288 с.
9. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «О платформенной занятости в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 41. – Ст. 6921.
10. Манаширов Э. Мираж полной занятости: как gig-экономика искажает картину рынка труда и мешает росту производительности. – Инвест-Форсайт, 2026. URL: <https://www.if24.ru/mirazh-polnoi-zanyatosti/> (дата обращения: 20.03.2026).
11. Митюков А. HR как стратег будущего: чего ждать в 2026 году? (Анализ отчетов WEF и AIHR). – Potok, 2025. URL: <https://potok.io/blog/hr-news/hr-as-a-strategy-manager/> (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 740

АЛГОРИТМИЗАЦИЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Осинов Э.А.

ALGORITHMIZATION OF THE MEDIA SPACE AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF PUBLIC OPINION

Osipov E.A.

Аннотация. В статье рассматривается феномен алгоритмизации современного медиапространства как ключевой фактор трансформации механизмов формирования общественного мнения. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований выявлены основные модели алгоритмической фильтрации контента в социальных сетях и новостных агрегаторах. Показано, что рекомендательные алгоритмы формируют информационные пузыри и камеры эхо, ведущие к поляризации общественных дискуссий и атомизации аудиторий. Особое внимание уделяется непрозрачности алгоритмических систем и ограниченным возможностям пользователей влиять на параметры информационного потока. Обосновывается тезис о том, что алгоритмическая повестка дня замещает традиционную редакционную повестку, изменяя базовые механизмы коммуникативного влияния. Предложены подходы к регулированию алгоритмических платформ в интересах обеспечения информационного плюрализма.

Abstract. The article examines the phenomenon of algorithmization of the modern media space as a key factor in the transformation of mechanisms for forming public opinion. Based on the analysis of Russian and foreign studies, the main models of algorithmic content filtering in social networks and news aggregators are identified. It is shown that recommendation algorithms form filter bubbles and echo chambers, leading to polarization of public discourse and atomization of audiences. Particular attention is paid to the opacity of algorithmic systems and the limited ability of users to influence the parameters of the information flow. The thesis is substantiated that the algorithmic agenda replaces the traditional editorial agenda, changing the basic mechanisms of communicative influence. Approaches to regulating algorithmic platforms in the interests of ensuring information pluralism are proposed.

Ключевые слова: алгоритмизация медиaprостранства, общественное мнение, информационный пузырь, камера эхо, повестка дня, рекомендательные алгоритмы, социальные сети, медиапотребление, цифровые платформы, поляризация.

Keywords: algorithmization of media space, public opinion, filter bubble, echo chamber, agenda setting, recommendation algorithms, social networks, media consumption, digital platforms, polarization.

Стремительное развитие цифровых платформ и социальных сетей за последние два десятилетия существенно трансформировало структуру информационного пространства. Если ранее традиционные СМИ выступали в роли централизованных «привратников» (gatekeepers), осуществляя отбор и распространение общественно значимой информации, то в настоящее время данную функцию всё в большей степени выполняют алгоритмические системы крупнейших технологических компаний – Meta, Alphabet, ByteDance и других. Именно алгоритмы определяют содержание пользовательских новостных лент, формируют повестку и влияют на видимость тех или иных тем, продвигая одни и маргинализируя другие.

В отечественной исследовательской традиции данные процессы рассматриваются как часть более широкой трансформации медиа системы. Так, Е.Л. Вартанова подчёркивает переход от институционально организованных СМИ к гибридной медиасреде, в которой ключевую роль начинают играть цифровые платформы и сетевые формы коммуникации [16].

В этой связи возникают ключевые вопросы для теории массовых коммуникаций и политической социологии. Насколько алгоритмы действительно влияют на восприятие информации и политические взгляды людей? Способствуют ли они фрагментации публичной сферы или, напротив, формируют общее информационное пространство? И где проходит граница между удобством персонализации и её потенциальными рисками для демократического дискурса?

Как отмечает С.Г. Давыдов, цифровизация медиа потребления сопровождается ростом индивидуализированных практик потребления информации, что усиливает зависимость пользователей от алгоритмически формируемых потоков контента [17]. В результате аудитория всё чаще оказывается включённой в персонализированные информационные среды, структура которых определяется не осознанным выбором, а логикой платформенных алгоритмов.

Дополнительное измерение проблемы связано с трансформацией политической коммуникации. По мнению Г.Л. Асмолова, цифровые платформы не только выступают посредниками в распространении информации, но и формируют новые режимы видимости и участия, в которых алгоритмы играют ключевую роль в структурировании общественного дискурса [18].

Эмпирические данные российских социологических исследований также подтверждают возрастающую роль цифровых каналов. В частности, исследования

Левада-центр фиксируют устойчивый рост доли интернет-источников как основного канала получения новостей, особенно среди молодёжной аудитории [19]. Это свидетельствует о том, что алгоритмически управляемые платформы становятся одним из центральных институтов формирования общественного мнения.

В более широком социокультурном контексте данные процессы соотносятся с трансформацией публичной сферы. В логике рассуждений Б. В. Дубина можно утверждать, что современная медиасреда характеризуется фрагментацией коллективных представлений и ослаблением общих символических оснований общественной дискуссии [20].

Актуальность данного исследования обусловлена не только масштабом происходящих изменений, но и недостаточной разработанностью данной проблематики в отечественной научной традиции по сравнению с зарубежными исследованиями. В этой работе ставится цель систематизировать существующие теоретические подходы, обобщить эмпирические данные о влиянии алгоритмов на формирование общественного мнения и предложить основу для дальнейшего анализа.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер и опирается на подходы теории массовых коммуникаций, политической социологии, медиастудий и анализа данных. Это связано с тем, что сам феномен алгоритмизации медиапространства является сложным и многослойным, а значит требует сочетания как качественных, так и количественных методов исследования.

В качестве основного метода использован систематический обзор научной литературы (systematic literature review), включающий работы отечественных и зарубежных исследователей, опубликованные в рецензируемых журналах и монографиях в период с 2010 по 2024 гг. Отбор источников осуществлялся по релевантности теме алгоритмической фильтрации контента, влияния социальных сетей на общественное мнение, а также по критерию цитируемости в международных научных базах данных (Scopus, Web of Science, Google Scholar). Всего в анализ было включено более 50 научных публикаций.

Для концептуализации ключевых понятий и выявления теоретических оснований исследования применён метод сравнительного анализа, позволивший сопоставить классические теории массовых коммуникаций (gatekeeping, agenda-setting) с современными подходами к изучению алгоритмических медиа. Это позволило проследить эволюцию механизмов формирования повестки дня от редакционного отбора к алгоритмическому ранжированию.

Эмпирическая часть исследования носит вторичный характер и основана на метаанализе существующих количественных и экспериментальных исследований, посвящённых эффектам алгоритмической персонализации. Были проанализированы данные, полученные в рамках крупных эмпирических проектов (в частности, исследования поведения пользователей социальных сетей, эксперименты по изменению алгоритмических лент, а также анализ распространения информации в цифровых платформах). Такой подход позволил выявить устойчивые закономерности влияния алгоритмов на медиапотребление и общественное мнение.

Дополнительно применялся дискурс-анализ, направленный на изучение того, каким образом в научной и публичной риторике описываются феномены «информационного пузыря» и «камеры эхо». Это позволило уточнить понятийный аппарат исследования и выявить различия в интерпретациях данных явлений.

Для анализа механизмов алгоритмического воздействия использован структурно-функциональный подход, в рамках которого алгоритмические системы рассматриваются как элементы медиасистемы, выполняющие функции отбора, ранжирования и усиления информации. Такой подход позволил систематизировать ключевые механизмы влияния (персонализация, прайминг, усиление аффективного контента, атомизация аудитории).

Ограничения исследования связаны с непрозрачностью алгоритмов цифровых платформ и ограниченным доступом к первичным данным, что делает невозможным проведение полноценного независимого эмпирического анализа. В связи с этим результаты исследования носят обобщающий и интерпретативный характер и опираются на уже опубликованные данные.

Таким образом, выбранная методология обеспечивает комплексный анализ алгоритмизации медиапространства и позволяет выявить как теоретические, так и эмпирические аспекты её влияния на формирование общественного мнения.

Классическая концепция «привратников» (gatekeeping), разработанная К. Левином и впоследствии применённая к медиасреде Д. Уайтом [9], предполагала, что редакционный отбор новостей осуществляется профессиональными журналистами, руководствующимися нормами новостной ценности и профессиональной этики. Теория установления повестки дня (agenda-setting) М. Маккомбса и Д. Шоу [10] показала, что СМИ не просто отражают реальность, но активно конструируют иерархию тем, определяя, «о чём думать» аудитории.

В условиях платформенного капитализма [4] оба механизма претерпевают существенную трансформацию. Роль «привратника» переходит к алгоритмическим системам, оптимизированным не под профессиональные журналистские стандарты, а под целевые показатели вовлечённости (engagement metrics): время просмотра, количество лайков, репостов, комментариев. Исследования показывают, что эмоционально заряженный, конфликтный и сенсационный контент системно получает алгоритмическое преимущество, поскольку генерирует более высокую вовлечённость [6].

Понятие «алгоритмическая повестка дня» (algorithmic agenda), введённое Т. Гилеспи [5], описывает механизм, при котором иерархия социальной значимости тем формируется не редакционным суждением, а машинным ранжированием, остающимся непрозрачным для большинства пользователей. Это создаёт принципиально новую коммуникативную ситуацию: повестка становится одновременно персонализированной и деполитизированной в том смысле, что алгоритм маскирует собственную нормативность под видом «нейтральной» релевантности.

В публичном и академическом дискурсе нередко смешиваются два связанных, но различных явления: «информационный пузырь» (filter bubble) и «камера эхо» (echo chamber). Разграничение между ними принципиально важно для точного понимания механизмов алгоритмического влияния.

Понятие «информационный пузырь» введено Э. Паризером [12] для описания ситуации, при которой алгоритмы персонализации ограничивают информационный рацион пользователя материалами, соответствующими его прошлому поведению и предполагаемым предпочтениям. Ключевая черта пузыря – его незаметность для самого пользователя: в отличие от сознательного выбора источников, алгоритм действует латентно, формируя информационный мир субъекта без его ведома.

«Камера эхо», в свою очередь, описывает социальный феномен, при котором пользователь добровольно или под воздействием алгоритмических рекомендаций ограничивает свой круг коммуникации единомышленниками, что ведёт к усилению имеющихся взглядов и атрофии способности к диалогу с несогласными [3]. Если пузырь – прежде всего технический феномен, то камера эхо – социально-психологический, хотя алгоритмические системы существенно усиливают обе тенденции.

Метаанализ эмпирических исследований [7] демонстрирует более сложную картину: информационные пузыри в чистом виде менее распространены, чем предполагалось изначально, поскольку алгоритмы платформ нередко «разбавляют» однородный контент материалами из смежных тематических ниш. Вместе с тем поляризующий эффект усиленных алгоритмами камер эхо эмпирически подтверждён применительно к политическим темам и острым социальным вопросам [1].

Можно выделить несколько взаимосвязанных механизмов, посредством которых алгоритмические системы влияют на процессы формирования общественного мнения.

Дифференцированное усиление контента. Алгоритмы не нейтральны в отношении типов контента: они систематически продвигают материалы, вызывающие аффективные реакции. Исследование, проведённое на данных Facebook, показало, что посты, вызывающие гнев, получают в среднем на 70% больший охват по сравнению с нейтральными публикациями на ту же тему [8]. Это создаёт структурный стимул для производителей контента к эмоциональной эскалации и упрощению сложных вопросов.

Алгоритмический прайминг-эффект. Последовательность, в которой алгоритм представляет информацию пользователю, влияет на то, какие когнитивные схемы оказываются активированными при восприятии последующих сообщений. Таким образом, алгоритм осуществляет не только отбор контента, но контекстуализирует его.

Атомизация аудиторий. Персонализация информационных потоков ведёт к тому, что члены одного общества оказываются погружены в принципиально различные информационные миры. Это затрудняет формирование общей фактической базы (common ground of facts), которая является необходимым условием продуктивного публичного дискурса в понимании Ю. Хабермаса [11].

Непрозрачность и асимметрия информации. Алгоритмы крупнейших платформ представляют собой коммерческую тайну и закрыты для независимого аудита. Пользователь лишён возможности понять логику ранжирования контента, что делает невозможным осознанное противодействие алгоритмическому влиянию. Это порождает специфическую форму информационного неравенства: платформы обладают исчерпывающими данными о поведении пользователей и могут оптимизировать воздействие, тогда как пользователи лишены инструментов рефлексии.

Особую остроту проблема алгоритмического влияния приобретает применительно к политическому дискурсу и электоральным процессам. Ряд исследований зафиксировал корреляцию между интенсивностью использования алгоритмически организованных социальных сетей и уровнем политической поляризации [2]. При этом важно различать направление причинно-следственной связи: алгоритмы могут как усиливать уже существующую поляризацию, так и первично генерировать её, хотя разграничить эти эффекты методологически крайне сложно.

Показательны в этом отношении результаты эксперимента, проведённого Meta в период президентских выборов в США в 2020 году: временное отключение алгоритмической персонализации и переход к хронологической ленте незначительно снизило потребление политического контента, однако повысило его тематическое разнообразие [13]. Это свидетельствует о том, что алгоритмы не просто отражают предпочтения пользователей, но активно формируют информационный рацион в определённом направлении.

Феномен «вирусной дезинформации» тесно связан с алгоритмической логикой платформ. Исследования MIT Media Lab зафиксировали, что ложные новости распространяются в Twitter быстрее и шире, чем верифицированная информация [14]. Алгоритмическое усиление эмоционально заряженного контента создаёт структурные преимущества для дезинформации, поскольку она, как правило, более сенсационна и аффективно воздействующа, чем опровержения.

В российском контексте алгоритмизация медиапространства обнаруживает специфические черты, обусловленные особенностями регуляторной среды и структуры медиа собственности. Отечественные платформы функционируют под давлением законодательства о локализации данных и требований «приземления», что создаёт дополнительный уровень государственного влияния на алгоритмические системы, опосредующий традиционные механизмы формирования медиа повестки.

Осознание рисков алгоритмической концентрации медиапространства стимулировало разработку регуляторных подходов на различных уровнях – от национального законодательства до международных инициатив.

В Европейском союзе принятый в 2022 году Акт о цифровых услугах (Digital Services Act) обязал крупнейшие платформы обеспечить прозрачность алгоритмических систем рекомендаций, предоставить пользователям возможность отказа от персонализации и открыть доступ к данным для независимых исследователей. Эти меры создают правовую основу для внешнего аудита алгоритмов, хотя их практическая эффективность будет определяться качеством правоприменения.

В академическом сообществе обсуждается концепция «алгоритмической грамотности» (algorithmic literacy) как компонента медиаобразования [15]. Её сторонники полагают, что критическое понимание принципов работы рекомендательных систем позволит пользователям осознанно корректировать своё информационное поведение и снизить уязвимость к манипулятивным практикам.

Перспективным представляется также подход «разнообразия по дизайну» (diversity by design), предполагающий нормативное закрепление обязательств платформ обеспечивать тематическое и точечное зрение разнообразие рекомендуемого контента вне зависимости от поведенческих данных конкретного пользователя. Этот подход созвучен принципу плюрализма СМИ, закреплённому в традиционном медиа регулировании, и адаптирует его к условиям платформенной экономики.

Алгоритмизация медиапространства представляет собой системную трансформацию механизмов формирования общественного мнения, которая не поддаётся адекватному описанию в рамках традиционных моделей массовых коммуникаций. Алгоритмические системы не просто технически опосредуют доступ к информации, но активно конструируют информационный рацион аудитории, оптимизируя его под коммерческие цели вовлечённости, а не под потребности демократического дискурса.

Совокупность рассмотренных эффектов – информационные пузыри, камеры эхо, алгоритмическая поляризация, усиление дезинформации – свидетельствует о структурном напряжении между логикой платформенного капитализма и требованиями публичной сферы как пространства рационально-критического дискурса. Разрешение этого напряжения требует комплексного ответа: регуляторного, технического, образовательного и нормативного.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: лонгитюдный анализ влияния алгоритмических изменений платформ на динамику общественного мнения по конкретным социально значимым вопросам; сравнительный анализ алгоритмических режимов в различных медиа системах; разработка методологии аудита рекомендательных алгоритмов с позиций медиа плюрализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bail C. A., Argyle L. P., Brown T. W., et al. Exposure to opposing views on social media can increase political polarization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Vol. 115. No. 37. P. 9216–9221.
2. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J. M. Cross-country trends in affective polarization // *Review of Economics and Statistics*. 2022. Vol. 104. No. 2. P. 258–272.
3. Cinelli M., Morales G. D. F., Galeazzi A., Quattrocioni W., Starnini M. The echo chamber effect on social media // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. No. 9. e2023301118.
4. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
5. Gillespie T. The relevance of algorithms // *Media technologies: Essays on communication, materiality, and society*. Cambridge: MIT Press, 2014. P. 167–193.

6. Horta Ribeiro M., Ottoni R., West R., et al. Auditing radicalization pathways on YouTube // Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. New York: ACM, 2020. P. 131–141.
7. Guess A. M., Nyhan B., Reifler J. Exposure to untrustworthy websites in the 2016 U.S. election // Nature Human Behaviour. 2020. Vol. 4. No. 5. P. 472–480.
8. Kramer A. D. I., Guillory J. E., Hancock J. T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 24. P. 8788–8790.
9. Lewin K. Frontiers in group dynamics: Channels of group life; social planning and action research // Human Relations. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 143–153.
10. McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176–187.
11. Хабермас Ю. Структурное изменение публичности: Исследования по поводу одной категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
12. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 304 p.
13. Huszár F., Ktena S. I., O'Brien C., et al. Algorithmic amplification of politics on Twitter // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2022. Vol. 119. No. 1. e2025334119.
14. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. 2018. Vol. 359. No. 6380. P. 1146–1151.
15. Zarouali B., Boerman S. C., de Vreese C. H. Is this sponsored? Algorithmic literacy and the recognition of native advertising // The International Journal of Press/Politics. 2021. Vol. 26. No. 2. P. 463–480.
16. Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 400 с.
17. Давыдов С. Г. Цифровые медиа и аудитория: трансформация практик медиапотребления // Медиаскоп. – 2020. – № 3я
18. Асмолов Г. Л. Интернет как пространство политической коммуникации. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 352 с.
19. Левада-центр. Интернет как источник информации: аналитический отчет. – М., 2023.
20. Дубин Б. В. Интеллигенция, публичность, власть. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 328 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДОНЬКИНА ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА - кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного управления и менеджмента, Нижегородский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Нижний Новгород, Россия. Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46.

БАЛЯН ЕВГЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА - старший преподаватель кафедры социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар. Адрес: 350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2.

БЛОХИНА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА - кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет. Адрес: 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22.

ВАЙСБУРГ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. Адрес: 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22.

ДОРМИДОНТОВ РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ - кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк. E-mail: dormi1976@mail.ru. Адрес: 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

ЕВЛОЕВА МАДИНА ДАУДОВНА - ассистент кафедры «Философия и Социальная работа», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ингушский государственный университет», г. Магас. Адрес: 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, пр-кт И.Б. Зязикова, 7

ЕЛИСЕЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ - доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк. E-mail: elvk56@mail.ru. Адрес: 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

КОЗИН ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ - кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга демографии и трудовых процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» (ГКУ РМ «НЦСЭМ»), г. Саранск. E-mail: vladimir.kozin13@mail.ru.

Адрес: 430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39А, оф. 701.

КРУТЕЛЁВ НИКИТА ДМИТРИЕВИЧ - аспирант кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет, г. Тверь. E-mail: krutt98@mail.ru.

Адрес: 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22.

МУХАМЕТЗЯНОВА ФАРИДА ШАМИЛЕВНА - доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Казанский государственный институт культуры», г. Казань. E-mail: densy_07@mail.ru.

Адрес: 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 3.

ОСИПОВ ЭДУАРД АШОТОВИЧ - аспирант 2 курса, преподаватель кафедры основ

Российской государственности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир.

Адрес: 352901, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159.

ПАНКРАТОВА ЛАРИСА ЭЛЬМИРОВНА - кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург. E-mail: l.pancratowa2011@yandex.ru.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

ПЕРМЯКОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург. E-mail: permyakova-t@yandex.ru.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

РЮМШИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар.

Адрес: 350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2.

СОЛОНОВИЧ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ - кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки, Ставропольский край. E-mail: msol_12@mail.ru.

Адрес: 357601, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Пушкина, 18.

ФОМЕНКОВ АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Нижегородский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Нижний Новгород, Россия.

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46.

ХУГАЕВ АЦАМАЗ АСЛАМБЕКОВИЧ - ассистент кафедры социологии и социальных инноваций, Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Адрес: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

ШАЙХУТДИНОВА ГАЛИЯ АЙРАТОВНА - ученый секретарь, кандидат педагогических наук, доцент, Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития образования Республики Татарстан», г. Казань. E-mail: us-irppo-rao@mail.ru.

Адрес: 420015, г. Казань, ул. Большая Красная, 34.

AVDONKINA VALERIYA VLADIMIROVNA - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia.

Address: 603950, Nizhny Novgorod, Gagarina Ave., 46.

BALYAN EVGENIYA VYACHESLAVOVNA - Senior Lecturer at the Department of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University», Krasnodar.

Address: 350072, Krasnodar, Moskovskaya Str., 2.

BLOKHINA MARINA VALERYEVNA - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University.

Address: 170026, Tver, Afanasiya Nikitina Emb., 22.

DORMIDONTOV ROMAN ALEXANDROVICH - Candidate of Pedagogical Sciences,

Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Special Education, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk. E-mail: dormil1976@mail.ru.

Address: 398020, Lipetsk, Lenina Str., 42.

ELISEEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology, Pedagogy and Special Education, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk. E-mail: elvk56@mail.ru.

Address: 398020, Lipetsk, Lenina Str., 42.

EVLOEVA MADINA DAUDOVNA - Assistant Professor, Department of Philosophy and Social Work, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ingush State University», Magas.

Address: 386001, Republic of Ingushetia, Magas, I.B. Zyazikova Ave., 7.

FOMENKOV ARTYOM ALEKSANDROVICH - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia.

Address: 603950, Nizhny Novgorod, Gagarina Ave., 46.

KHUGAEV ATSAMAZ ASLAMBEKOVICH - Assistant Professor, Department of Sociology and Social Innovation, Federal State Autonomous Institution of Higher Education «North Caucasus Federal University», Stavropol.

Address: 355017, Stavropol, Pushkina Str., 1.

KOZIN VLADIMIR VASILIEVICH - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Demography and Labor Processes Monitoring at the Scientific Center for Socio-Economic Monitoring of the Republic of Mordovia (SCSM RM), Saransk. E-mail: vladimir.kozin13@mail.ru.

Address: 430005, Saransk, B. Khmel'nitskogo Str., 39A, Office 701.

KRUTELYOV NIKITA DMITRIEVICH - Postgraduate Student of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: krutt98@mail.ru.

Address: 170026, Tver, Afanasiya Nikitina Emb., 22.

MUKHAMETZYANOVA FARIDA SHAMILEVNA - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Chief Researcher, Federal State Educational Institution of Higher Education «Kazan State Institute of Culture», Kazan. E-mail: densy_07@mail.ru.

Address: 420059, Kazan, Orenburgskiy Trakt Str., 3.

OSIPOV EDUARD ASHOTOVICH - 2nd-year Postgraduate Student, Lecturer at the Department of Fundamentals of Russian Statehood, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Armavir State Pedagogical University», Armavir.

Address: 352901, Krasnodar Territory, Armavir, Rozy Lyuksemburg Str., 159.

PANKRATOVA LARISA ELMIROVNA - Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg. E-mail: l.pancratowa2011@yandex.ru.

Address: 620017, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 26.

PERMYAKOVA TATIANA VLADIMIROVNA - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg. E-mail: permyakova-t@yandex.ru.

Address: 620017, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 26.

RYUMSHINA ELENA VLADIMIROVNA - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University», Krasnodar.

Address: 350072, Krasnodar, Moskovskaya Str., 2.

SHAIKHUTDINOVA GALIYA AIRATOVNA - Scientific Secretary, Candidate of Pedagogical Sciences (PhD in Pedagogy), Associate Professor, State Autonomous Educational Institution of Further Professional Education «Institute of Education Development of the Republic of Tatarstan», Kazan. E-mail: us-ipp-po-rao@mail.ru.

Address: 420015, Kazan, Bolshaya Krasnaya Str., 34.

SOLONOVICH MICHAIL ALEKSANDROVICH - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Teaching Philological Disciplines of the branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Stavropol State Pedagogical Institute» in Essentuki, Stavropol Region. E-mail: msol_12@mail.ru.

Address: 357601, Stavropol Region, Essentuki, Pushkina Str., 18.

VAISBURG ALEXANDRA VLADIMIROVNA - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver.

Address: 170026, Tver, Afanasiya Nikitina Emb., 22.

КОНТАКТЫ С РЕДАКЦИЕЙ

На всех стадиях работы с рукописями и для общения с авторами, редакцией и рецензентами используется электронная почта, поэтому авторы должны быть внимательны при указании своего электронного адреса.

Электронный адрес: redsov@mail.ru.

Научно-теоретический журнал

«Экономические и гуманитарные исследования регионов» №4 2026 г.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-39740 от 06.05.2010 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Учредитель: ООО «Научно-исследовательский центр социально-гуманитарных проблем Кавказского региона». Адрес учредителя (редакции): 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект 40 Лет Октября, дом 21. Подписано в печать 30.07.2026 г. Дата выхода в свет 14.08.2026. Формат 250x170.

Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Отпечатано с готового оригинал-макета, представленного авторами, в типографии. Адрес типографии: 357500, г. Пятигорск, пр. Калинина, 15. Цена: свободная.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

